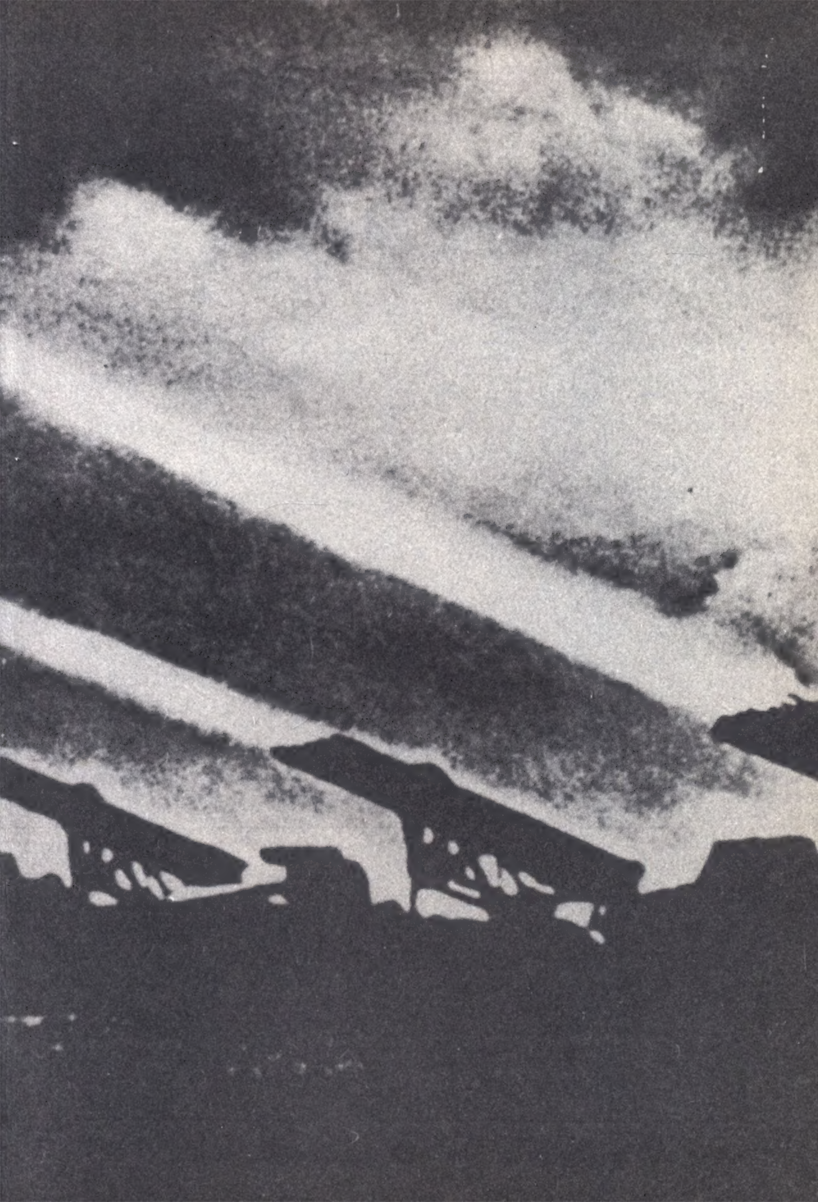
С.С. Лопатин

Живая память

С.С.Лопатин

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Записки фронтовика

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1988

ББК 63.3(2)722
Л77

Богом войны называли фронтовики артиллерию. Почти всю войну довелось прослужить в артиллерии майору в отставке Степану Семеновичу Лопатину, ныне проживающему в Тюмени. Случалось всякое: единоборство с танками и пушками врага, трудные марши по бездорожью и утомительная оборона...

Используя краткие записи событий, архивные материалы и воспоминания однополчан, автор рассказывает о былом, достоверно показывая картину пережитого, лишь в отдельных случаях незначительно изменяя фамилии героев.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

Лопатин С. С.

Л77 Живая память: Записки фронтовика.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.— 256 с.

В пер.: 60 к. 20 000 экз.

Записки фронтовика-артиллериста о боевом пути в годы Отечественной войны.

Л $\frac{0505030202-008}{М158(03)-88}$ 7-88 ББК 63.3(2)722

ISBN 5-7529-0034-4

I. Правое плечо

Зачем, зачем назад обращена
Немолодая память? Что там мило?
Недоеданья, бедствия, война?..
Ах, там поныне что-то не остыло,
В сегодня пробиваясь с новой силой,
Манит и опьяняет без вина...

Николай Савостин

На фронт

Наша дивизия, укомплектованная техникой и лошадьми, грузилась на станции недалеко от города Улан-Удэ в первых числах февраля 1942 года.

В товарные вагоны складывалось все необходимое для дальней дороги, а также штатное имущество подразделений.

Лошадей поставили по восемь животин в вагоне, а в соседних таких же теплушках — человек по 30—40 батарейцев. Нары — в два этажа, посередине — железная печка, наверху — узенькие тусклые окна, и с двух сторон вагона — катающиеся двери примерно в треть его боковых стенок.

Наш дивизион занял весь промороженный товарняк, сведенный в один эшелон и обогреваемый теперь печурками и дыханием плотно поселившихся в нем солдат.

Для стрелковой дивизии полного состава, насчитывавшей свыше 11 тысяч человек, по приблизительным подсчетам потребовалось не менее двадцати железнодорожных эшелонов. И эта махина двинулась из Забайкалья на запад по безмолвным, будто оцепеневшим от лютой сибирской стужи просторам. Перед нами открыли «зеленую улицу» — эшелон останавливался лишь для смены паровозных бригад. Черные строения станций и

разъездов пунктиром мелькали в окнах: движение было стремительным.

В Новосибирск прибыли утром.

Здесь я успел навестить своего друга Левку Михалева. Вскоре эшелон двинулся дальше.

Темп движения изменился. Эшелон часто оказывался в тупике на каком-нибудь разъезде или на запасном пути, пропуская поезда с пассажирами и грузами более срочными, чем наш эшелон. Путь до Урала растянулся на несколько лишних суток. А в Свердловске — новая длительная остановка.

Больше половины пути. Здесь — выводка лошадей, их разминка вне тесных стенок и полусумрака вагонов, а для нас — помывка в бане, последняя в стационарных условиях. Мы плескались в просторном кирпичном помещении где-то на задворках вокзала, еще не оценив это благо как следует. На фронте зимой, что будет потом, для такой цели рылась в стылой земле яма, накрывалась палаткой, а для обогрева приспосабливалась железная бочка...

Дальнейшее продвижение стало еще медленнее. Навстречу шли поезда с ранеными, с оборудованием эвакуируемых на восток заводов или пустой товарняк, изрешеченный осколками, побывавший под обстрелом и бомбежкой.

К концу февраля серым и тусклым вечером эшелон втянулся на какую-то товарную станцию Москвы.

Столица жила без огней. Окна домов заклеены по диагонали крест-накрест полосками бумаги, завешаны плотными шторами. Стены и крыши многоэтажных громадин закамуфлированы под деревенские постройки.

Приказ: из вагонов не выходить, соблюдать тишину.

Вскоре завыла сирена воздушной тревоги. По ночному небу метались лучи прожекторов, выискивая цель, ухали зенитные установки, высоко в небе вспыхивали разрывы. Воздушному стервятнику удалось сбросить бомбы в район станции.

Мы поеживались от такого «крещения». Угроза была реальной, но эшелон не пострадал.

Ночью нас вывели за пределы Москвы.

Калуга — конечный пункт железнодорожного путешествия. Там выгрузились из вагонов, получили материальную часть орудий и боеприпасы.

Вечером, вытянувшись колонной, прошли по городу.

Недавно освобожденная от оккупантов, Калуга казалась мертвой. Слабо освещенные холодным сиянием звездного неба улицы расчищены от завалов, полуразрушенные здания рваными проемами окон, торчащими балками, свисающими перекрытиями создавали причудливый контур. Город как бы замер в момент агонии, нелепо выставив детали обнаженных, сдвинутых со своих мест конструкций, и промерз в таком положении до земли, припорошенный сверху инеем. Но он жил. На одной из площадей повстречалась группа молодых женщин, десятка полтора, конвоируемых красноармейцами. Женщины отворачивались, закрывали лица накинутыми на головы платками, хихикали. Конвой — и несвойственная положению легкомысленность поведения.

— Кто такие?

— Сами не знаем пока. Ведем разбираться. Сотрудничали, говорят. Кто как мог.

«Самую древнюю профессию» оккупанты успели возродить в этом городе. Но не надолго.

Всю ночь — на марше. Неширокая торная дорога хрустела под ногами, шла по бесконечному открытому коридору, ограниченному серо-голубыми неровными стенами сугробов. Температура около двадцати ниже нуля. Морды лошадей покрылись инеем. В размеренном ритме следовали за орудиями солдаты, опустив отвороты своих шапок. Марш продолжался до утра. Дневку устроили в деревне, окруженной лесом. А вечером — снова в путь.

В сугробах, припудренных свежей порошей, как оспины, виднелись воронки. Поляны чередовались с лесами — деревья посечены, торчали пеньки с расщепленными краями. Близ дороги встретили странную поленницу, накрытую смерзшимся брезентом. Это сложены трупы немцев, собранные с поля. Враг уходил поспешно, не успев предать земле погибшее воинство.

Был еще один привал-дневка. В город Сухиничи вошли после полудня.

Немецкая артиллерия еще доставала железнодорожную станцию и окраину города, но огонь ее становился все реже.

Побитый город, похожий на большую деревню, сохранил редкие, пригодные для жилья, помещения. Местное население на улицах не показывалось.

Мы со взводом выбрали пустующий дом, в котором уцелели окна. Закрыли двери, натаскали дров, затопили печь.

Размахивая руками, прибежала хозяйка:

— Кто разрешил вам? Это частный дом, а не солдатская казарма! Я пойду жаловаться! Убирайтесь отсюда...

Утомленные дальним переходом и смущенные таким приемом, мы ушли. В другой хате, сильно разбитой снарядами, завесили палатками пробоины, разожгли огонь в уцелевшей печи. Люди поели и

легли отдыхать. Меня пригласили в квартиру неподалеку.

Там рассказал о приеме, оказанном на соседней улице.

— Э, не слушайте ее. К немцам она относилась совсем по-другому. Немцев она приглашала на постой, а вот к своим...

Отдохнуть не удалось. Через полчаса меня вызвал комбат:

— Поедете на рекогносцировку. Мы прибудем позднее.

Оседлав лошадь, я пристроился к собравшейся группе, возглавляемой заместителем командира полка.

Дорога вела в сторону мрачного и грозного гула на переднем крае. В опустившихся сумерках стали видны всполохи света.

Ехали долго, в основном шагом. Острота ожидания встречи с линией фронта постепенно притупилась. Мы не торопились. Наверное, потому, что встреча эта ничего приятного не сулила.

Первый бой

Под утро, отыскав нужную войсковую часть, мы остановились у какой-то избушки, одиноко стоящей на заснеженном поле. Поставив у изгороди лошадей, вошли в избу. На полу вповалку в разных позах лежали солдаты, и так густо, что ступить буквально было некуда. Два окошка избы заткнуты соломой — для тепла. Печь не топилась, но от дыхания множества тел было сравнительно тепло. Найти место среди этих людей было непросто. Подвинув чьи-то руки, я устроился у дверей на клочке соломы. После двух бессонных ночей отдых был необходим. Ослабив воротник, уткнулся носом в по-

лушубок и дремал, стараясь ни о чем не думать.

Прошло какое-то время.

Неожиданно раздался оглушительный протяжный рев, солома из окон с дымом и паром влетела в избу на головы спящих, нас обдало брызгами плавленного снега. Что случилось?

Но к событию здесь отнеслись спокойно:

— Это наши «катюши»!

Две установки реактивных снарядов (РС), ночью нами незамеченные, стояли рядом с избушкой перед окнами, а их залпы оповещали о начале «рабочего дня».

Наступление началось еще в декабре под Москвой. 16-я армия под командованием генерала Рокоссовского, ошеломив противника неожиданной силы артиллерийским ударом, прорвала оборону и обратила немцев в бегство. За три месяца боев оккупанты откатились на многие десятки километров к западу и югу от Москвы.

Наша сибирская дивизия подошла, чтобы включиться в наступление. Мы не знали ее номер, а наш 41-й артполк назывался войсковой частью 4001 и имел индекс полевой почты.

Огневые позиции (ОП) первого дивизиона зам. командира полка капитан Ларионов наметил у небольшой деревушки, насчитывающей десяток домов. Рельеф местности позволял расположиться на склонах, обращенных к нам.

ОП своей батареи мы выбрали на огороде.

Сзади, метрах в семидесяти, хата, обогревающая бойцов во время пауз. Жители деревушки оставались на местах, а мы оказывались у них на положении квартирантов.

5 марта стало для нас началом боевых действий.

Командир батареи со взводом управления, разматывая за собой телефонный провод, еще ночью ушел к пехоте километра на два вперед.

Мы установили орудия. Артиллеристы заметно волновались перед первым боем.

Четырехмесячное пребывание в училище (плюс две недели карантина) полноценными артиллеристами нас не сделало (война торопила: вместо трех лет обучения — четыре месяца!). Изучение уставов и наставлений, ежедневные тренажи и жесткий 11-часовой учебный регламент не оставили времени на боевую стрельбу. Практика начиналась теперь, в реальных условиях. Первый выстрел поэтому ожидался как на испытательном полигоне — мы не знали еще полученную систему орудия (образца 1936 года) и того, что подскажет практика.

...Орудие при выстреле попятилось, чего не должно было быть — мерзлые стенки канавок под сошниками разрушились. Строптивую систему водрузили на место, а сошники укрепили. Но после третьего выстрела она сорвалась снова.

— Что у вас там — орудие пляшет, что ли? — возмутился командир батареи, потребовав меня к телефону.

Я объяснил.

— Голова! Думать надо!

Напряжение было таким, что пот выступил на лбу — несмотря на холодную погоду.

Спешная долбежка мерзлой земли, предельное заглубление сошников, чтобы усмирить непокорную пушку... Жарко! Первую пристрелку закончили. Можно было удовлетвориться проделанной работой, но...

В огород на ОП шумно влетела хозяйка усадьбы, показывая на дом, нелестно отзываясь о на-

шем нелегком деле. Стекол в окнах дома не было. Мы увидели первый результат своей стрельбы, дополняющий огорчения с сошниками.

Из огорода ОП пришлось убрать. А заботу об остеклении окон взял на себя старшина батареи.

На новом месте кто-то положил под сошники длинные поленья. Площадь опоры увеличилась, орудия не стали срываться при выстрелах. Такая догадка исправно служила огневикам и потом. Это был первый практический урок.

Новая ОП не удовлетворяла комбата, находившегося с пехотой. Длинный сарай, крытый соломой, служивший колхозникам складом для необмолоченного жита, стоял впереди и ограничивал возможности батареи.

Мы решили поставить орудия в дверные проемы пустующего сарая, отчего ближние цели оказались в зоне нашего воздействия.

В эти дни батарея стреляла много. Снег перед орудиями подтаял, почернел от порохового дыма и пыли, делая приметной ОП с воздуха. Мы смутно предполагали, что будем обнаружены, но как это произойдет — не знали.

Днем 9 марта на ОП заканчивался обед, когда мы услышали предупреждение:

— Воздух!

Немецкий самолет-разведчик, за выразительную форму фюзеляжа прозванный костылем, появился с левого фланга и, подвывая мотором, шел на нас. Раздались две-три пулеметные очереди. На соломенной крыше сарая высветились оранжевые строчки.

— Поджег, падла! Бил зажигательными...

— Выкатить орудия! Вынести снаряды! Живо!

Пока сводили станины, хватались за колеса, крыша занялась вовсю. Начался пожар. Первое,

второе и третье орудия выкатили. Последнее, четвертое, колесами заскакивало в колдобины, станины болтались из стороны в сторону, увлекая прилепившихся к ним людей. Попадая в глаза и легкие, мешал дым. Еще усилие — и орудие у дверей с тыльной стороны. А дальше — глубокий и рыхлый снег. Пушка увязла в нем. Огонь пробегал по наружной стене. Люди отмахивались от падающих искр, как от шмелей. Пламя гнало их прочь.

— «Передки»! Почему здесь оказались «передки»?

Зарядный ящик со снарядами, или «передки», заложенный сверху маскировочной сетью, вещевыми мешками солдат и ненужными пока касками, оказался рядом с пожарищем. Подхватив за дышло и за колеса, «передки» откатили. На них тлело, а затем воспламенилось солдатское барахло.

Солдаты отскочили в сторону: горящий зарядный ящик — штука опасная, снаряды могут взорваться.

Взрыв угрожал всем, кто здесь находился. И если это произойдет, то виноват буду я, старший на батарее. Послать кого-то на риск я не решился — людей знал еще плохо. Тут нужен доброволец немедленно, не мешкая, пока не поздно...

— Э, была не была! — к горящему «передку» бросился сам и руками начал срывать манатки. Обгоревшая путаница хлопчатобумажной сети и лямок вещевых мешков легко обрывалась и затухала уже в снегу. Заскользили язычки пламени по крашеным стенкам ящика. Вынимаю лоток — теплый — не горячий еще, а теплый — и бросаю в снег. Потом второй, третий, четвертый, восьмой. Все!

— Тушите ящик!

Снегом забросали дымящиеся стенки ящика, отнесли в сторону лотки со снарядами.

А сарай разгорался все ярче. Ненасытный огонь охватил всю стену, бесновался гудящим пламенем, бросался на ствол стоящего рядом орудия, меняя его окраску, потемневшую от горячих прикосновений. Могла закипеть жидкость в противооткатных приспособлениях, порвать цилиндры, найти выход наружу...

Внутри сарая щелкали оброненные винтовочные патроны.

Сарай сгорел.

В санчасть я пришел не в лучшем виде.

Овчинный полушубок, размочаленный в снегу и поджаренный затем у огня, стянуло так, что площадь его уменьшилась, наверное, раза в полтора. Верх шапки прогорел, на макушке сгорели волосы. Меховые рукавицы свело огнем, на запястье правой руки вскочил большой волдырь. Лицо обожжено, брови сгорели.

— Подпалили тебя, как поросенка,— оценивал первого пациента медфельдшер, стягивая с меня перекошенный полушубок, пришедший в негодность.

Мне оказали медицинскую помощь, заменили пострадавшие вещи.

Материальную часть мы спасли, кроме одного орудия, которое потом побывало в мастерских. Вскоре оно вернулось к нам. Не допустили взрыва ни одного снаряда. Люди остались целыми, лошади находились в стороне от пожара... Наши действия посчитали правильными, даже отважными, но... Какой черт сунул нас в сарай? В ловушку и пекло?

Бои в эти дни были безуспешными. Один из полков пятый день атаковал Куколки, деревеньку домов на тридцать, удаленную от Сухиничей на 15—20 километров. Это был опорный пункт с дзотами, укрепленными намороженным перед амбразурами льдом, со скрытыми ходами сообщения. Деревня чуть возвышалась над прилегающим снежным полем, с которого поднимались наши. Позади деревни темнела полоска леса.

После огневого налета пехота поднималась в атаку двумя стрелковыми батальонами, шла и падала, встреченная кинжальным огнем пулеметов. Наши залегали, а фрицы открыто переходили от одной огневой точки к другой и продолжали вести огонь. Наши зарывались в снег, прикрываясь телами убитых товарищей. Атака захлебывалась. Глубокий снег становился местом ночлега. Раненых эвакуировали.

С утра повторялось все снова и с тем же результатом. Атакуя в лоб, пехота несла потери, не приблизив победу над засевшим в дотах гарнизоном ни на шаг.

Пришел приказ: атаки прекратить.

Командиров частей и дивизии отозвали. К нам пришли новые командиры.

За несколько дней потеряв около шестисот человек убитыми и ранеными, дивизия первую боевую задачу не выполнила. Ее отвели и переместили на другой участок.

— А Куколки все-таки взяли,— рассказывал мне на марше младший лейтенант Молов, командир взвода управления батареи.— Только не мы, конечно, а соседи. Нам задача оказалась не по зубам.

Слева от нас воевали гвардейцы. Взвод гвардейцев-разведчиков численностью 19 человек, в

маскхалатах, ночью скрытно подошел к опорному пункту немцев, снял дремлющих часовых, вошел в деревню и разгромил отдыхающий гарнизон ничего не подозревающих фрицев, не потеряв при этом ни одного человека своих. Задача, возлагавшаяся на свежие, но не имевшие боевого опыта части, выполнена одним взводом гвардейцев.

Это был хороший урок: воюют не числом, а умением.

Весна 1942 г.

При перемещениях вдоль фронта мы впервые, но не в последний раз, прошли тогда через Козельск, районный центр Калужской области. Фактически его не было. Закрытые снегом фундаменты и иные следы уничтоженных строений лишь обозначали место этого славного в прошлом города. Другие населенные пункты, помельче, тоже разделили участь Козельска — враг оставлял после себя поруганную, ограбленную, обожженную территорию.

Продвигались медленно. Артиллерия сбивала огневые заслоны, подавляла очаги немецкого сопротивления, расчищала путь своей пехоте.

Заметно заявляла о себе весна: оседали сугробы, рыхлели и проваливались дороги, в низинах под снегом накапливалась вода. Но к вечеру подмораживало. Снявшись с ОП, мы шли вперед, нагоняя стрелковые подразделения.

Одиночные немецкие бомбардировщики, появляясь из-за горизонта, дважды в сутки пролетали над нами и уходили дальше, на Сухиничи.

— Бомбят железнодорожную станцию.

— Как по расписанию...

— Старшина нынче вернулся ни с чем, эшелон с продуктами опять разбомбили.

— Вот гады, уморить хотят нас.

— А водку выдал полностью — по сто граммов на рыло.

— И то ладно.

Начались перебои со снабжением. В кухонный котел на тот же объем воды закладывалось продуктов меньше нормы, похлебка получалась жиденькой. Питание было слабым, и солдаты шли к убитым немецким лошадям, вырубали куски мороженого мяса. Конину варили, иногда добавляя картошку, найденную в брошенных погребах сожженных деревень. Пили чай. Сахар и махорку получали вперед по норме. Ощутимы стали перебои с хлебом.

Я питался вместе со всеми. Похлебав жиденькую горошницу, брался за кусок конины — солдатскую добавку.

Однажды почувствовал боль в животе и еще непонятное недомогание. На другой день состояние ухудшилось: поднялась температура, обострились боли.

— Приступ аппендицита,— констатировал фельдшер,— надо госпитализировать. Оставайтесь-ка тут, в освобожденном городке, ждите медсанбат. С вами будет санитар.

Освобожденный городок Думиничи, еще дымящийся, являл картину полного разрушения. Мы вошли в проходную будку какого-то завода, чудом уцелевшую, оказавшуюся одинокой среди сплошных развалин.

В будке размером четыре на четыре метра ютились десятка полтора женщин и детей, оставшихся без крова. Мое состояние настолько было плохим,

что пришлось потеснить этих женщин. В одном из углов освободили место на полу, и я тут же свалился спать. Солдат, как бессменный дневальный, устроился у моих ног.

Я плохо помню семь дней, проведенных в будке. Медсанбат мы не дождались — он прошел другой дорогой.

Однажды, проснувшись, я захотел есть. Запас продуктов кончился. Мы разделили последний сухарь.

— Пойдем, Иван, нечего занимать чужую жилплощадь.

Вышли утром, а своих разыскали только вечером, пройдя расстояние по прямой километров пятнадцать. Этот день запомнился мирными полями и тишиной вокруг, как будто войны рядом нет. Дальний и глухой гул артиллерии был всего лишь ориентиром, напоминавшим, куда и зачем нужно идти.

К середине апреля дороги настолько развезло, а низины залило водой, что связь с продовольственными складами почти прекратилась.

Не было соли. Запасы ее израсходовали. Вместо овса и сена на корм лошадям стали собирать солому, рубить на сечку, смачивать подсоленной водой. Так поддерживали лошадей. Но и солому найти было непросто. Считали удачей, если попадалась постройка с соломенной крышей — крышу расходовали на корм.

Не было соли, не стало хлеба и сухарей.

Старшина окольными путями добирался иногда до складов, но они пустовали — вражеская авиация препятствовала снабжению по железной дороге.

Трудно приходилось и лошадям. Мы имели семьдесят одну единицу, из них двадцать четыре

перевозили пушки и зарядные ящики. Тяжелым, но совершенно необходимым грузом был запас снарядов, другое батарейное имущество.

Чтобы поддерживать лошадей, приходилось на корм им рубить ветки кустарников...

Нам приказали сменить ОП, уйти из болотистой низины, которая вот-вот зальется водой, переместиться вправо, в сторону небольшой возвышенности, на два километра.

Смену позиций начали утром. Шестерки лошадей выдернули орудия из окопов и сравнительно быстро доставили на дорогу. И вот тут, на дороге, началось...

Укатанная зимой, она оказалась теперь рыхлой — колеса проваливались чуть ли не по ступицу. Свернуть на обочину нельзя — сугробы глубоки. Лошади истощены, их ноги проваливались, коняги неуверенно переступали перед собой — нервничали. Мы подкапывали снег под колесами, наваливались на колеса сами, делали рывок, катились три — пять — десять метров, и все начиналось сначала — пушки оседали. Потом облегчили лафеты, убрав с них поклажу, освободили передки от снарядов, но движение не ускорилось. Мы брались за каждую пушку всеми расчетами сразу — за первую, потом за вторую, за третью, за четвертую, но темп оставался черепашьим. Пушки мы катили на себе — упряжки дергались, иногда падали, их усилия не были одновременными.

Вконец измотанные, задачу все же выполнили. На два километра пути по апрельской дороге 1942 года понадобилось десять трудных часов. Только к вечеру мы одолели эти два километра. Средняя скорость движения составила двести метров

в час. С такой скоростью двигаться нам не приходилось и не пришлось более никогда. Это было еще одно тяжелое испытание.

Уже более месяца я болел, молча превозмогая физические страдания. Боевая работа с частыми маршами и постоянные нагрузки, нервное напряжение мешали выздоровлению. Рана на руке не заживала. Слабость постыдна для солдата, считал я, и старался ее скрыть.

Я не послушался доброго совета уйти в госпиталь и однажды пожалел об этом.

В период интенсивного таяния снегов при занятии новой ОП попытки врыться в землю или как-то оградить орудия и себя при возможных обстрелах вызывали только досаду, и мы их прекратили — вода заливала каждую рытвину. А под сошниками стояла грязь, брызгая по сторонам при выстрелах. Невкопанный запас снарядов удален от ОП, а у орудий находилось по 2—3 ящика (10—15 снарядов). Не было щелей для укрытия. Такие «мелочи» были вынужденными, и за них я скоро поплатился.

В тот день на ОП зашел зам. командира полка капитан Ларионов и потребовал заглубиться в землю на полный профиль. Капитан говорил это перед строем, поставленным перед ним повзводно. Я стоял между взводами. И хотел пояснить:

— Пробовали врыться, товарищ капитан, вода...

— Молчать!!! Кто разрешил в строю разговаривать?! Пробовали, а не сделали! Делать надо, а не открывать дискуссии! — И разозлился, наверное, по-настоящему, увидев в моей реплике желание противоречить.

Едва ли это было нарушением строевой дисци-

плины — младший офицер пояснял старшему, а капитан разразился в мой адрес бранью:

— Разговоры ведем, разговорчики! Не хватало еще открыть колхозное собрание! Проголосовать, кто за, кто против! Не подразделение, а сброд дикой орды! Люди ничего не делают! Санаториев здесь нет и не будет!

И далее — поток оскорбительных слов.

Ларионов ушел.

Осталась обида — если упрощать и сводить свои чувства к одному слову. За себя. За полуголодных солдат. Я отошел от орудий, сел на пустой ящик.

Приказ, каким бы он ни был, выполним завтра. Начинать сейчас без уверенности в полезности работы — руки не поднимаются.

А надо ли, если подумать здраво? Не до здравого смысла сейчас. Где он может остаться, этот смысл, после таких разъяснений?

Надо в первую очередь подтянуть людей, привести в нужный вид. Убрать лишнее — вот эти ящики и гильзы. Вскипятить воду и побриться.

А как вскипятить без костра? Разжигать — значит действовать вопреки Ларионову. Но — успеем. Пока светло.

Подошел командир первого орудия сержант Абрамов, сел рядом, скрутил козью ножку. Протянул кисет:

— Угощайся, товарищ младший лейтенант.

Кисет я принял, закурил. Обращение на «ты» осталось незамеченным.

— А видать, долго стоять ныне будем,— начал Абрамов.— Куда сейчас тронешься? Дён пятнадцать, а то и боле прохлюпаемся. Вода теперь не токо здесь — везде.

Размеренная речь пожилого сержанта действовала успокаивающе.

— Закрепиться надо, а как — ума не приложу,— продолжал он.— Немец-то, слышно, рядом, только пули не залетают, а из миномета вполне достать может. Поговорю я с ребятами, как за дело взяться. Мастера у нас, сам знаешь, всякие есть. Додумаемся, поди.

— Вместе будем думать, Петр Панкратьевич, вместе... А сейчас позови сюда остальных командиров орудий.

В этот день открывали огонь только однажды — на это ушло не более получаса. К вечеру прибрали у орудий, проверили маскировку. Сзади под деревьями усилили перекрытия шалашей, а расчищенную от снега землю накрыли свежим лапником. Побрились.

Появился старшина батареи Климов, выдал хлеб, водку.

— Извиняйте, приварка сегодня не будет — не привез. Вот получайте еще сахар и по пачке чая на отделение.

— Когда кормить будешь как следоват?

— Разговорчики. Не от меня зависит.

Разрезав хлеб на равные части по числу претендентов, посадили одного солдата лицом в сторону. Хлеборез показывал на кусок и спрашивал: «Кому?» — «Такому-то».— «Кому?» — И так далее, пока порцию не получил каждый.

Чтобы вскипятить чай, разожгли небольшой костер, заслоненный, правда, со всех сторон,— запретить его я не мог. Люди приняли свои законные «наркомовские» сто грамм, пошвыркали чай, отогрелись и повеселели.

А на ночь — подожгли сухое бревно, прорубив на нем продольную канавку, обратив канавкой

к земле,— старый охотничий способ. Бревно горело всю ночь скрытным пламенем, не освещая местности, но обогревая расположившихся вокруг него солдат.

— Как самочувствие? — спрашивал меня по телефону лейтенант Клевко на другой день утром.— Говорят, Ларионов из тебя пыль вытряхивал?

— Было дело. Пять суток домашнего.

— Теперь что — в шалаше будешь сидеть и отсыпаться?

— Поскольку домашний — могу и в шалаше...

— Привыкай. Он обязан требовать порядок, а твое дело — выполнять. Но сегодня — повремени с оборудованием. Прогуляйся по нашему «дому» — от ОП к наблюдательному пункту. Выходи, я тебя встречу на линии.

Добродушная ирония комбата вернула мне хорошее настроение.

Я пошел по линии — телефонному проводу, проложенному на НП, с солдатом из взвода управления. Прошли кустарник, тропинкой вышли на дорогу, обсаженную по обочинам высокими тополями. Дорога шла к поселку.

— Посмотрите, что немец удумал,— сказал солдат.

Метрах в двух от земли к каждому дереву с обеих сторон дороги были привязаны небольшие, с печатку хозяйственного мыла, бруски взрывчатки, болтались куски бикфордова шнура. Оставалось вставить взрыватели, поджечь шнур. Взрывом срубалось дерево, комель отбрасывало в сторону, вершина падала на дорогу.

— Хотели завалить деревья на дорогу, да не успели. Нас бы это едва ли задержало...

С лейтенантом Клевко встретились на условленном месте.

— Мы переходим к обороне. Ваша позиция поэтому непригодна. Ее нужно сменить, выбрать вот здесь,— он показал на карте.— И оборудоваться как следует — немцы могут начать наступление, когда подсохнет. Пойдем посмотрим.

Указания Ларионова становятся недействительными, думал я на ходу. Новая обстановка делала бессмысленной работу на старой ОП. Задачи встают другие.

На южной стороне косогора снег сошел, под ногами шуршала прошлогодняя сухая листва. На высотке в смешанном рослом лесу островками росли сосны и ели, окруженные могучими дубами, липой, вязом, кленом. Красивый лес. И место высокое. Хорошо здесь летом.

Если поставить орудия на опушку, они будут видны противнику слева. А если заглубиться и убрать несколько деревьев впереди, ОП станет невидимой. Так и решили.

На новой ОП вместо окопа вокруг орудий по нужной форме уложили в три ряда бревна, привалили их с внешней стороны землей. Из бревен же сделали маленькие срубы — укрытия для людей и снарядов. Шалаши для отдыха — тоже из бревен. Маскировка — из сучков и ветвей. Основными инструментами были топор и пила, и походили мы в эти дни скорее на лесорубов. Продольные ямы от вынутой земли рядом с заслоном из бревен заполнялись поверхностной и грунтовой водой, вынудившей к таким трудоемким работам.

Отделение тяги и кухня расположились глубже на 150—200 метров.

Работы еще не были закончены, а мы вели огонь. Огонь по противнику был главной нашей

«продукцией», он оправдывал наше существование.

Днем на малой высоте бороздил небо костыль-разведчик. По нему били 37-миллиметровые зенитные установки, поливали его свинцом счетверенные пулеметы, а он, неуязвимый, уходил, высматривая все, что плохо замаскировано.

После одного такого визита на ОП внезапно обрушился огонь немецкой батареи. Кто где находился, мы легли на землю. Снаряды рвались по всей площади около нас, но матчасть не пострадала. Осколком разорвавшегося на вершине дерева снаряда ранило телефониста Косолапова, сидевшего у телефона под деревом. Солдат не обронил ни слова, ни стона, пока расстегивали его гимнастерку, рубаху, брюки, но, увидев свою кровь, изменился в лице, вскочил и побежал в тыл к ездовым. Издалека доносился его испуганный крик:

— А-а-а-а!

Там его перевязали, отправили в медсанбат.

В этот раз ранило двух лошадей. Других потерь не было.

Наша ОП обнаружена и пристреляна. Ждать, когда ее уничтожат, мы не собирались.

Тажело раненных лошадей добили.

— Мясом поделиться с первой и третьей батареями,— приказал Клевко. А потом наказал старшине дополнительно: — Оставь кус конины штабу полка и в дивизион на взвод управления.

— У них свои лошади...

— Ну-ну, не скупись...

Аналогичные случаи были в других подразделениях. Конина, съеденная на десяток километров вокруг, опять появилась в нашем рационе. Сваренную без соли и без других добавок, ее трудно было назвать скоромной. Жесткое волокнистое мясо

было тощим, на поверхности бульона плавали редкие жировые блестки. Ели без хлеба. На какое-то время конина помогала обмануть голод.

Перебои с продуктами продолжались около месяца. Мы изрядно отощали, но работали, несли боевую службу.

Во второй половине мая стали подвозить продовольствие и фураж регулярно, собирали свежую зелень. Но к этому времени несколько солдат опухли. От голода люди худеют, а эти — пухнут. У них появились отечные явления, одышка, их направляли в санчасть.

Справлявшийся о причинах заболевания старшина Климов, вернувшись из санчасти, доложил коротко:

— Чаю много жрут, стервецы.

Но с голодом было покончено.

Буда Монастырская и высота 226.6

Летом 1942 года ожидалась еще одна попытка гитлеровцев захватить Москву. На дальних подступах к ней после Московской битвы советские войска стояли полукольцом, ведя активные оборонительные действия. Однако гитлеровское командование главные усилия своих войск направило на захват Северного Кавказа и Сталинграда, чтобы лишить Красную Армию важных источников нефти, обойти столицу с востока, открыть путь в Индию, распахнуть двери к мировому господству.

16-я армия прочно удерживала оборону на рубеже, достигнутом в зимних и весенних боях. Части нашей дивизии занимали позиции в Сухиничском районе.

Передний край немцев проходил по ближнему

краю деревни. Деревня стояла на уклоне, простиравшемся из немецкого тыла к ничейной полосе. Ниже, зарывшись в землю, оборонялись передовые подразделения нашей пехоты. Наблюдательные пункты артиллеристов и командиров стрелковых батальонов размещались примерно на одном уровне с Будой Монастырской.

У противника было топографическое преимущество — высота с отметкой 226.6, господствовавшая над местностью. С нее просматривалась наша оборона на глубину почти всей первой полосы, включая огневые позиции артиллерии.

Высота находилась слева от нас. А перед ней — обширная заболоченная низина. Болото считалось непроходимым, плохо охранялось, оно прикрывалось только огнем. Через болото могли пройти одиночки или небольшая группа людей, оно являлось своеобразным коридором для «общения». Наша сторона была усеяна листовками, сброшенными с самолета еще на снег. В них немцы предлагали русскому солдату переходить линию фронта и сдаваться в плен.

Наши сами выбрали к ним дорогу для «общения»: в ночь на 28 мая группа конных разведчиков успешно выполнила ночной поиск, истребив до 20 гитлеровцев. Она захватила трофей — пулемет с патронами и привела пленного. Это был первый «язык» в дивизии. Через два дня другая группа из разведроты захватила второго «языка».

Мимо болота, через кустарники, протекала небольшая речушка. На луговине она заворачивала в район огневых позиций. Мы стояли недалеко от нее у поселка, прикрываясь от вражеского наблюдения с высоты 226.6 деревьями и уцелевшими постройками.

Изобретались способы обмана противника.

Устраивались ложные ОП артиллерии: из бревна делался «ствол», к нему — фанерный «щит», «колеса», «лафет». Небрежно маскировали. Иногда такой номер удавался. Одна ложная ОП, сделанная нашей батареей, была обстреляна из орудий. Мы радовались:

— Вот лупят! Давай, давай, фриц, побольше выкладывай огурчиков.

Из-за наших спин вступала в «разговор» корпусная артиллерия: посты звуковой разведки засекали немецкие орудия, передавали координаты огневикам, те открывали ответный огонь. Это называлось контрбатарейной борьбой.

Не сидела сложа руки пехота.

Дивизионная газета «За счастье Родины» рассказала о развернувшемся снайперском движении. Оно стало одной из мер обороны, когда пулеметные роты готовили запасных наводчиков, а артиллеристы добивались взаимозаменяемости номеров. Инициативу проявил Н. Афанасьев, повар 3-го батальона Н-ского полка, призвавший через газету шире использовать оборонное затишье для охоты за гитлеровцами. Первым учеником Афанасьева стал Везбердев, командир стрелкового отделения. К концу сентября, когда проходил слет снайперов дивизии, на счету Везбердева было уже 90 фашистов. У него, в свою очередь, тоже появились ученики. Снайперское движение становилось массовым.

Мы были молоды. Удивительна молодость вообще, легко берущая на свои плечи любое бремя, коль оно стало необходимостью.

Нам, пришедшим в армию с началом войны, показались жесткими установленные в ней порядки. Неотдание чести, например, сержанту, своему бра-

ту, начальнику не столь великому, или старшине батареи каралось нарядом вне очереди, а окурок, брошенный на линейке лагеря, где мы находились после призыва, воспринимался чуть ли не как ЧП и мог повлечь за собой аврал батареи по уборке лагеря. За опоздание на два часа из увольнения в город, независимо от причины, опоздавшему грозил суд военного трибунала. Командир батареи курсантов Томского артучилища приходил в казарму и устраивал нагоняй дневальным: почему полоски свернутых простыней на кроватях заправлены кое-как, а не в одну линию? Грозный командир, старший лейтенант, обученный управлению огнем тяжелых гаубиц, с бечевкой в руках управлял в казарме простынями, выравнивая их при помощи дневальных, и придирчиво оценивал тощие подушки, поставленные на попа. Эти мелочи в сочетании со строевой подготовкой прививали дисциплину, учили четкости и обязательности, чего нам недоставало. Из нас делали офицеров.

На фронте на батарею мог заглянуть кто-то из старших начальников и придраться к любому отклонению от воинского идеала. Мы опасались таких посещений, так как не были уверены в непогрешимости подразделений — за недосмотр всегда отвечал командир, а требования оставались высокими.

Мы занимались. Находясь на закрытой ОП в устоявшейся и затянувшейся на все лето обороне, отрабатывали взаимозаменяемость номеров. Готовые к открытию огня в любой момент, изучали материальную часть пушки, другого вооружения, учились стрелять по танкам — по движущимся целям. Изучали уязвимые места вражеской техники. Артиллеристы знакомились со средствами пехоты: противотанковой ручной гранатой и бутылкой с за-

жигательной смесью. Учились пользоваться предметами химзащиты. И осваивали премудрости огневой службы.

Младший лейтенант Мятинов муштровал ездовых — учил их «рубить» строевым. Ему нравилось это дело. К ним на занятия приходил политрук Кунгурцев. Теперь лошади содержались в хорошем состоянии, выезжались попарно упряжками. Батарея готовилась к смотру, проверке — к выводке лошадей.

К нам на ОП пришел командир полка майор Евтушенко. Я доложил.

— Поздравляю с присвоением воинского звания «лейтенант»!

— Служу Советскому Союзу!

В начале июня был получен приказ о присвоении очередного звания большой группе офицеров полка. Лейтенантами становились Мятинов и Молов, старшим лейтенантом — командир батареи Клевко, капитаном — командир дивизиона Петрухин.

В одну из ночей мы снялись с позиций и совершили марш-бросок на левый фланг участка, миновав Думиничи. Там немцы угрожали ударом по нашей обороне вдоль линии железной дороги в направлении на Калугу. Фланг усиливался артиллерией. Запасные позиции с пристрелкой и инженерным оборудованием мы готовили в нескольких местах, и эти — в их числе.

Здесь нас под расписку ознакомили с приказом Верховного Главнокомандующего № 227, смысл которого сводился к требованию — ни шагу назад! Приказ был грозный и намечал ряд мер, предотвращающих отход частей Красной Армии.

Днем пристреляли первое орудие. Обычным спо-

собом построили веер, направив стволы других орудий параллельно первому. А вечером уточняли веер новым способом — по небесному светилу. Так называется любой небесный объект, и самый заметный из них — Луна. Ясная Луна плыла под небольшим углом к горизонту в юго-восточной части неба. При заданной установке угломера наводчики уловили ее правый край и держали на перекрестиях панорам, работая ручкой поворотного механизма. Светило заметно стремилось уйти с перекрестия, но к нему постоянно подворачивали. Потом общая команда «Стоп!» — и отметка по точке наводки, расположенной сзади. Веер должен получиться идеально параллельным. Огневики батареи проявили профессиональный интерес к необычному способу.

Наша общая любимица, небесное тело, далекая и загадочная Луна в этот вечер стала боевой помощницей.

После успешно завершенного дела мы курили, сидя на станине первого орудия,— я и его командир сержант Абрамов.

У Абрамова образование не велико — всего четыре класса начальной школы. Школьные науки прошли от него стороной.

— Ты знаешь, Петр Панкратьевич, что французский писатель Жюль Верн героев одной своей книжки отправил в полет на Луну?

— Фантазировал?

— Конечно. Но фантазия эта когда-нибудь сбудется. Людям интересно знать, что на Луне находится, как она выглядит вблизи.

— Добраться до нее непросто.

— Путешественники те выстреливались из большой пушки. Но невозможно построить такую пушку, которая разгонит кабину с людьми на очень большую скорость. Она должна вырваться из зоны

земного тяготения, чтобы не упасть обратно на землю. А для этого нужна скорость раз в двенадцать больше начальной скорости нашего снаряда. Это будет около восьми километров в секунду.

— Н-да, вот это скоростишка...

— Но таких скоростей мы не имеем. Известно, что взрывчатка в момент взрыва сгорает со скоростью две тысячи метров в секунду, а для полета на Луну нужна скорость раза в четыре больше. Вот так-то. А один провинциальный учитель физики, он жил неподалеку отсюда, додумался, как выйти из положения. Этот учитель жил в Калуге.

— В Калуге?

— Теперь мы находимся на его родине и можем считать себя его земляками. Этот калужанин предлагает не стрелять из пушки, а лететь на ракете и разгонять ее постепенно, пользуясь обычным топливом, например, керосином. Мы стреляем — бах, и снаряд полетел. А керосин не бахает, он горит постепенно и все время толкает ракету, которая набирает нужную скорость и уходит за пределы земного тяготения.

— Толковый был тот учитель.

— Если доживем, увидим ракетную авиацию и кое-что другое. А теперь вот наши «катюши» устроены по принципу ракеты.

Абрамов задумывается, бросает окурок, тщательно тушит его каблуком. Потом смотрит на небесное светило, плывущее над лесом.

— А что на Луне — жить можно?

— Жить на ней нельзя — нет воздуха, чтобы дышать. Это астрономы точно установили. А вот в других местах, на какой-нибудь звезде, могут быть живые существа, да только мы не знаем где.

— Интересно. Добраться бы и посмотреть.

— Доберутся люди, когда перестанут воевать.

Ученые теперь на войну работают, а не для науки. Война всем мешает.

— Да... Война здорово нас подкузьмила.

До начала превращения космической фантастики в реальность, до великих достижений практического разума оставалось полтора десятилетия.

Мы вернулись на основные ОП напротив Буды Монастырской.

В июле провели частную наступательную операцию для улучшения своих позиций. Ранним утром 7 июля одновременно с подошедшими артиллерийскими средствами наш полк начал артподготовку. К канонаде подключились минометы и пушки стрелковых полков, корпусники слали снаряды через нас.

Эти дни были жаркими не только по погодным условиям — на противника за 6 дней обрушено около 33 тысяч снарядов разного калибра. Лишь дивизионная артиллерия (наш полк) расходовала ежедневно более тысячи пушечных снарядов и до 350 — гаубичных.

Успех добывался трудно.

В первый день удалось зацепиться за передний край немецкой обороны. А к вечеру налетела вражеская авиация, пытаясь остановить атаки. Ее встречали дружным огнем стрелкового оружия. Но потом появились наши самолеты и облегчили обстановку. Дивизия впервые[1] действовала при поддержке своей авиации.

На второй день взята Пустынка, а на третий — Буда Монастырская. Позиции пехоты улучшились, цели были достигнуты. Атаки прекращены 12 июля.

Кроме солдат и командиров из пехоты через

---

[1] ЦАМО, ф. 1236, оп. 1, д. 3, л. 50.

четыре месяца после начала боевых действий впервые получили награды 40 артиллеристов.

Наша батарея в первый же день потеряла телефониста Колонакова.

С передового НП он пошел восстанавливать линию и чуть не погиб. Его тяжело ранило, о чем он сообщил по телефону, соединив провода:

— Продырявили мои ходули, самому не дойти...

Нашли его в воронке от крупного снаряда, ослабевшего, потерявшего много крови, доставили на батарею.

— Со связью распрощаешься теперь, наверное? — спросили его.

Рядовой Колонаков ответил бледной улыбкой, упрямой, однако:

— Это временно. Ничего, зарастут — крепче будут. Еще на танцульки побегаем.

В один из ясных солнечных дней старший лейтенант Клевко сказал мне по телефону:

— Приходи на НП. Тебе пора копить боевую практику.

НП — глубокая квадратная яма на два с половиной метра по стороне, закрытая накатами из бревен. Стены ее были забраны досками. Для солдат лейтенанта Молова вырыта отдельная землянка, соединенная с НП перекрытой траншеей. Разведчики и телефонисты дежурили на НП поочередно. На нем стоит стереотруба, и рядом с топчаном телефонный аппарат.

Я смотрел на передний край. Через марево знойного дня второй половины июля видны развалины бывшей деревни, кустарники, отдельно стоящие деревья. Линии вражеских окопов различались с трудом, лишь в некоторых местах темнели пятна, лишенные зелени. Около одного из окопов

возникли три фигуры в накидках, в полный рост идущие к переднему краю.

— Вижу цель! — доложил я комбату.

— Здесь участок сосредоточенного огня, СО-101,— подсказал Клевко.

Участок этот, как и другие, был хорошо пристрелян.

После трех одиночных откорректированных выстрелов по этой группе произошло редкое явление — прямое попадание снаряда в солдата.

Произошло это не в результате моего мастерства, а случайно, но я радовался удаче.

Комбат поздравил меня с меткой стрельбой.

В другой раз я рисовал ему панораму местности: ориентиры, характерные предметы, расставленные на соответствующие угловые величины. Получился пейзаж узнаваемый, похожий на натуру, с сеткой, нанесенной через десять делений угломера. Панорама потом дополнялась новыми пометками, служила комбату пособием в боевой работе.

Пребывание в обороне затянулось. И не было известно, кто начнет первым: противник или мы. А пока совершенствовались, укрепляли позиции.

Землянку мы вырыли глубокую — чтобы стоять в рост. Два наката из бревен заглубили на уровень земли, вынутый грунт уложили на накаты, а сверху — дерн для маскировки. Толщина перекрытия получилась более метра — немецкий снаряд, даже фугасный, не возьмет.

Постепенно возвели перекрытия над орудиями. Ездовые в стороне от ОП откопали стоянки для лошадей, обезопасили их от случайно залетающих снарядов.

Вскоре наша ОП прошла испытание на прочность.

Для звукомаскировки мы практиковали одновременную стрельбу с первой батареей, а в этот день вынуждены были действовать одни — появилась какая-то срочная необходимость. Нас засекли. Огневой налет на батарею мы пересидели в блиндаже. А выйдя, увидели всю территорию изрытой воронками от снарядов 75-миллиметрового калибра, в том числе одну — на нашей землянке. Так убедились, что перекрытие — надежно!

Часовой рядовой Охлопков, якут, почти не знавший русского языка, теперь рассказывал, возбужденный только что пережитой опасностью:

— Немец — пах! Я падай. У-у-у-ух! Прямо ноги. А я ничего, целый.— Охлопков показывал на воронку и рядом место, где он лежал, прижавшись к земле. Я похвалил его:

— Молодец!

Солдаты умели ценить матушку-землю и каждую ее складку, их защищавшую. Ведь и воевали-то они за эту землю!

В октябре пришел приказ о присвоении очередного воинского звания. Теперь на петлицах моей гимнастерки появилось по третьему кубику — старший лейтенант.

Осенью 1942 года из сообщений Совинформбюро мы знали о напряженных боях за Сталинград. Части нашей дивизии продолжали стоять в обороне.

Помню день, когда нас предупредили:

— Оставаться всем на местах, навести порядок, побриться-почиститься. В полку ожидается прибытие маршала Чойбалсана.

Маршал прибыл, но мы его не видели.

В этот день мы стреляли по его целеуказанию.

Он был на одном из НП. Подойдя к стереотру-

бе, маршал выбирал участок обороны немцев и говорил:

— Сюда.

Дивизионом мы обрушивали огонь именно «сюда», заваливая участок беглым огнем по четыре снаряда на орудие.

— Сюда,— указывал маршал, и следовал новый шквал огня.

Мы полагали — салютуем маршалу Чойбалсану, главе правительства дружественной нам Монголии, а оказалось — не только. В этот день, 19 ноября, наша артиллерия под Сталинградом начала сокрушать вражескую оборону, пробивая брешь для контрнаступления и окружения сталинградской группировки. Но этого тогда мы не знали. Я не думаю, что это стало простым совпадением дат. Мы салютовали и началу контрнаступления под Сталинградом.

Впоследствии день 19 ноября стал профессиональным праздником артиллеристов и минометчиков — Днем артиллерии. Он отмечается поныне, его празднуют теперь ракетчики и артиллеристы. Именно в этот день Чойбалсан наблюдал стрельбу нашего артиллерийского полка.

Посещение дивизии маршал и герой МНР Чойбалсан отметил вручением ордена Полярной Звезды лучшему снайперу дивизии Ушакову, на счету которого было 179 уничтоженных гитлеровцев. Из 233 снайперов, истребивших более двух тысяч вражеских солдат, он оказался лучшим.

Итогом визита высокого гостя стали новые поставки из Монголии лошадей, амуниции, полушубков — для нужд нашего фронта.

Приближалась зима. Вспоминая первую военную зиму, мы предполагали начало наших насту-

пательных действий. Но прошел декабрь, начался 1943 год — мы стояли.

В январе пришел приказ наркома обороны о введении новой формы, а точнее — о восстановлении традиционной формы русской армии — ношении погон. Соответственно менялся и покрой одежды. Появились дополнения к Уставу внутренней службы. Армия возвращалась к традициям славного русского воинства, брала на вооружение все лучшее из его опыта.

Подходила к финалу Сталинградская битва. В начале февраля пришла весть о полной капитуляции шестой армии немцев и сдаче в плен фельдмаршала Паулюса.

— Это половина войны,— говорили у нас.

Зима 1942/43 гг.

Рядовой Филипчук получил письмо.

Письмо было первым, пришедшим из родной деревни, недавно освобожденной из-под ига оккупации. Оно ожидалось долго и представлялось совсем не таким, как это, написанное полузнакомым детским почерком. Кому принадлежит почерк, Филипчук не определил пока и, заранее волнуясь, отошел в сторону, прежде чем вскрыть конверт.

В его руках дрогнули два листка, вырванных из ученической тетради, лицо посерело и стало жестким. Нехорошие известия, однако, получил Филипчук, если вдруг замкнулся, ушел в себя. Его будто подменили — вместо веселой общительности появилась несвойственная солдату угрюмая злость.

— Не заболел ли, Матвей? — спросил его командир орудия.

— Хужее, товарищ сержант, уж лучше бы до

мене — хвороба. На, почитай, шо племянныця пишет...

— Невеселые дела,— сказал Абрамов, когда прочитал детские каракули. А потом добавил: — Тут простым сочувствием не обойдешься. Это не только твоя, а наша общая беда, и об этом надо рассказать батарее.

— Зачем?

— Пусть все знают, что такое немецкая оккупация.

А вечером, когда кончился световой день, Абрамов читал отрывок из письма Филипчука солдатам огневых взводов, собравшимся в землянке.

Усталые люди сидели и слушали в тишине при скупом мерцании света самодельного светильника, укрепленного у столика старшего на батарее. Тишиной и светом в землянке можно согреваться, наслаждаясь глухим покоем и добрыми словами из дома, если бы не такие строки:

«Дядя Матвей! Брата твоего немцы убили 8 апреля этого года. Другой брат — Семен — в партизанах. Он сообщил, что отца моего немцы расстреляли, а остальная наша семья умерла при немцах с голоду. Дядю Ивана убило миной, похоронили его вместе с твоим братом.

В нашей деревне убили 7 мальчиков. Еще, дядя, немцы убили Фому Дроздова, он был тоже в партизанах. Фадея Петровича угнали в Германию. Окружающие освобожденные сейчас деревни почти все сожжены.

Дядя, кто не ушел от немцев, мало кто остался жив. Сначала они убивали, а потом стали вешать. Повесили учительницу Александру Ивановну.

Дядя, бейте врага на мелкие куски! Отомстите за своих отцов и матерей, братьев, сестер и детей. Леля».

Украдкой поглядывая на Матвея — своего товарища, согнутого бедой, люди думали о себе: а как бы они поступили, если бы такие несчастья докатились до их сибирских семей, и какими бы стали они от такого известия?

Филипчук пришел в батарею полгода назад с одним из очередных пополнений и внешне ничем не отличался от основного состава. Его деревня была под оккупацией — лишь это отличало его от остальных и вызывало сочувствие, но не более — все могло обойтись благополучно.

Но не обошлось. Война опалила деревню Филипчука, принесла беды и смерть для мирного ее населения, стала конкретно осязаемой, приблизилась к солдату еще одной неприглядной и жестокой стороной. В том, что произошло у него в деревне, никто из бойцов не был виноват лично, но невысказанная эта вина, кажется, набрасывала тень на всех вместе и на каждого в отдельности.

До сибирских селений от линии фронта далеко, их не коснулась и едва ли коснется непосредственная опасность, но и там, на востоке, нелегко управляться без сильных мужских рук, обеспечивая армию всем необходимым. Беда одной деревеньки на западе была предостережением для всех других, она стала всеобщей, уже более полутора лет витающей над территорией страны. И как бы далеко ни находились города и села от линии боевых действий, никто не мог поручиться за них, что они неуязвимы.

Деревня Филипчука стала одной из жертв, одной из множества городов и сел, оккупированных немцами.

— Бить их надо, паразитов, без всякой пощады,— нарушил тягостное молчание Банников.

— А что смотреть? Паразиты и есть...

— Правильно там девчонка пишет: «отомстите»...

— С заклятым врагом иначе нельзя...

— Ты, Матвей, не один такой. Много наших красноармейцев недосчитается сродственников...

— Не люди, а звери...

— Что гадина, что фашист — родились от одной матки...

Заговорили по всей землянке — кто сидел рядом и кто — в дальних углах. Матвей смотрел на товарищей и слушал их, а потом поднялся сам.

— Спасибо, хлопци,— начал Матвей, переступая с ноги на ногу.— За каждым тем словом в письме... живой чоловик... а многих теперь нема. Трудно поверить... Деревеньски наши партизанять, в их числе Семен — нельзя було порты тереть у хате... А я — тут, по эту сторону... Як написать, шо казаты Лельке? Напишу от усих вас — пощады фашистам не будэ... А вам спасибо, шо тут гуторилы...

Матвей сел, должно быть, не высказавшись полностью, но не зная, что добавить, волнуясь, сбиваясь на родной язык.

Наступившую паузу нарушил сержант Абрамов:

— Тут вот есть еще одно письмо.

— Такого одного хватит за глаза.

— За Матвееву деревню прощать нельзя...

— Гнать немчуру к чертовой матери...

— Не только за Матвееву — за все...

— Читай, сержант, что там у тебя.

— Это другого содержания, товарищи. Вот послушайте. Письмо красноармейцу Дорофееву от его отца.

«Здравствуй, Яша!

Шлю тебе свой сердечный привет и от души желаю здоровья, храбрости и успехов в борьбе с немецкой нечистью».

Далее рассказывалось, чем занимаются дома, как следят за успехами на фронтах и ждут своего сына с победой. Это было доброе родительское письмо фронтовику.

Слушая письмо, люди ушли в воспоминания о своей родне, оставленной дома.

— Трудновато им приходится без нас — старикам.

— Этот старик еще боевой — две премии отхватил.

— Радуется, если хорошие вести с фронта...

— А мы сидим, как бирюки...

— Есть тут кое-что и про нас,— потряс Абрамов листком дивизионной газеты.— Вот:

«Прямой наводкой.

Орудийные расчеты командира Петрухина, стреляя прямой наводкой, показали высокую меткость. Первым стрелял сам тов. Петрухин и первым же снарядом подавил вражеский пулемет. Стрелявшие за ним уничтожили еще две пулеметные точки.

Артиллеристы тов. Ширгазина заметили группу немецких солдат в 10 человек. Они дали несколько удачных залпов, уничтожили 7 гитлеровцев и подавили пулеметную точку. Ст. сержант Н. Дьяконов».

— А и верно — про нас.

— То было еще в слякоть. Вспомнили...

— Написать никогда не поздно...

— Другие воюют, и мы тоже вроде бы... пашем.

— Еще успеешь, делов на всех хватит...

— Мы сидим здесь временно,— вмешался Абрамов,— пока главные силы Красной Армии заняты у Сталинграда. Подойдет наш черед, и тоже начнем. Наши дела находятся не за горами.

И верно — не за горами были наши дела.

Русская зима обычно снежная. Таковой она стала и теперь. Обильные снегопады и бураны заметали дороги, затрудняли перевозки. Поэтому основные пути обозначались вешками с клочками соломы наверху. Продвигаясь от вешки к вешке, путник не сбивался с дороги. На солдатских тропах между подразделениями тоже стояли вешки. Жизнь была налаженной, привычной и благополучной для фронтовых условий. Теплая землянка, уютные окопы у орудий, укрытые от непогоды боеприпасы. Хорошие конюшни в овраге для сытых лошадей дополняли наше фронтовое благополучие.

Но жизнь эта нарушена приказом:

— Сменить ОП!

Новые огневые позиции определили где-то впереди, километрах в трех от старого места — это еще не передний край, но вплотную к нему. Туда же подтягивались другие подразделения полка.

Снялись вечером. Двигались по заранее проложенной, но еще не укатанной колее. Часа через два стояли на новой ОП.

Низина. Земля упругая, промерзла только верхняя корочка. Готовность — к утру.

Бои были тяжелыми.

Они проходили северо-восточнее города Жиздры и получили название Жиздринской операции.

Оборонительные сооружения немцев укреплялись и совершенствовались в течение десяти месяцев. Каждая траншея и опорный пункт упорно защищались фашистами. Сознание расового превосходства и успехи на других фронтах долгое время укрепляли их веру в непобедимость гитлеровской армии. Красной Армии предстояло потрудиться, чтобы переубедить фрицев, заронить в их души искру сомнения.

В первые два дня пехота овладела двумя немецкими траншеями и контратакована была из третьей. На трудный участок направлены наши танки, но одолеть первую полосу обороны на всем фронте дивизии не удалось. Обе стороны несли потери в людях и технике.

Артиллеристы с наблюдательных пунктов исходного положения не могли воздействовать на огневые средства в глубине. Ушедшие вместе с пехотой командиры батарей прерывали огонь из-за отсутствия связи — провода секлись осколками, связисты не успевали их чинить. Дивизионная артиллерия работала не на полную нагрузку.

Чтобы повысить активность, командование решило использовать артиллерийских корректировщиков, посадив их на танки. Опыта еще не было, но идея требовала воплощения.

Договорились с танкистами.

— Корректировать огонь будете вы,— сказал командир полка капитану Ларионову, когда возник этот план. Ясно, что осуществить его мог кто-то из старших по должности — один из смелых и решительных офицеров, каких в полку немало. Ларионов мог предположить, что выбор падет на него, но приказ командира привел к короткому замешательству. Задача очень ответственна, а капитан не готов...

Однако он, быстро справившись с волнением, сказал:

— Есть!

Командир уточнил: с кем связаться, какие батареи привлечь, на что обратить внимание более всего. Но не сказал, как сочетать свою работу с работой танкистов, да и не мог говорить об этом — задача уставами не предусмотрена. Подвижной наблюдательный пункт (ПНП) открывал новые

возможности, и их надлежало использовать. Остальное зависело от исполнителя.

Идея на этот раз в жизнь не воплотилась. То ли в танке было тесно и артиллеристы мешали экипажу и не сумели договориться с ним, то ли по другим причинам — они не подали ни одной команды. Огонь они не открыли, а сами попали под огонь противотанковой пушки немцев. Экипаж был выведен из строя, танк сгорел. Оставшиеся в живых выбрались через люк в днище, в их числе тяжело раненный Ларионов. Его радист скончался в танке.

Неудача неприятно подействовала на однополчан. Мы понимали, что кто-то другой должен повторить.

После трех дней боя вечером, оставив за себя Молова, комбат пришел на ОП. Вид у него был невеселый. С похудевшего лица смотрели усталые серые глаза.

— Дело дрянь,— говорил он,— пехота недовольна нашей работой. Командование ищет способы повышения активности — прямую наводку или что-то другое, а пока виноваты мы.

О нелицеприятных объяснениях с начальством можно было догадываться по его настроению, когда он ставил задачу по карте:

— Выйдешь утром вот сюда — к высоте с отметкой 226.6. Определишь место для прямой наводки. Высота еще не взята, но первая траншея немцев — у нас. Опасайся снайпера вот здесь, другой дороги нет.

Утро выдалось светлое и тихое. Артиллерия молчала.

Мне нужно идти налево к высоте. Сопровождаемый солдатом Иваном, я поднялся на горку, осмотрелся.

Какой вид! Широкая панорама местности, осве-

щенная ярким зимним солнцем, сияла перед нами. Всхолмленная слева, направо переходила в спокойную равнину, исполосованную следами прошедшей в разных направлениях техники, усеянную темными пятнами воронок и каких-то предметов, рябивших на снегу.

Мы шли по твердой дороге и по насту не проваливаясь. Навстречу попадались связисты и редкие раненые, выходившие с передовой. За нами следовали попутчики, придерживаясь за провод.

До «передка» около километра. Начинают петь пули.

А вот и участок, о котором говорил комбат. Здесь много убитых. Место открытое. Мы замедлили шаг на несколько мгновений, увидев стоящего на коленях парня, склонившегося не над катушкой провода, как можно было подумать, приняв его за телефониста, а над упавшим товарищем. Торопливо шаря в карманах своей шинели, он упрашивал его, еще не осознав случившегося:

— Миша! Да Миша же... Вставай... Да неужто ты... Встань...

Но товарищ лежал не отвечая, вытянувшись, вверх лицом, на щеки его легли серые тени. Стоявший на коленях парень ни на кого и ни на что не обращал внимания и не верил, что его товарищ мертв. Пропели две-три пули. Солдат не уходил. Он не хотел верить, не мог еще верить факту, очевидному даже со стороны...

— Убьют парня тоже,— мрачно сказал Иван.

Не снайпер это, думал я, а какой-то фанатик. Снайпер не будет бить на таком расстоянии. А этот пуляет в расчете попасть десятым, сотым выстрелом. Но никто не кланяется его пулям. Но и он дождется для себя ответного выстрела. Обязательно дождется.

Траншея, куда мы пришли, являла следы прошедшего боя. Над ней основательно поработала артиллерия. Снег перемешан с землей. Прямые попадания выщербили стылые стенки окопа. В окопе лежали трупы его защитников, и не только они — в рукопашной погибли и атаковавшие, одетые в белые халаты и в полушубки. Трупы не были убраны, до них не дошел черед.

Промороженная траншея охватывала косогор высоты, она была узкая — дно не шире полуметра — и глубокая — в полный человеческий рост. Нельзя пройти, не наступив на тела, лежащие кое-где один на другом по два и по три сразу, заполняя проход от стенки до стенки. Они срастались с дном окопа, вминаясь в него под тяжестью солдатской обуви...

А через откинутые полы палаток над входом в землянки видны солдаты — они отдыхают или едят. Как ходят эти люди, не замечая павших? Или свыклись? Лица живых товарищей непроницаемо равнодушны, безмерно усталы, опустошены всем происшедшим...

Мы осмотрели косогор, став на ступеньки лаза, выдолбленного в стенке траншеи,— просматривалась полоска земли, уходящая вверх на 50—100 метров, дальше — не видно. Если сюда встать — будем слепы. Косогор — не лучшее место для орудий прямой наводки. Нужно выбирать правее.

Вернувшись, мы застали комбата на ОП.

Я доложил об осмотре местности. Комбат ответил неопределенно:

— По утверждению поэта, земля наша поката, а эта высота — тем более. Решение изменилось, и прямой наводки не будет. Будете работать с закрытых.

Клевко пригласил пройти к старшине. Комбату присвоили очередное звание — «капитан». Из командиров батарей он получил его первым. Мы поздравили его.

Оживившись, капитан Клевко делился мыслями:

— Эта высота как бельмо на глазу. Пехота справа прошла дальше километров на пять, а высота осталась у фрицев. Перемещать ОП пока преждевременно. Теперь единственный выход — ударить во фланг и отрезать высоту с тыла. Тогда она падет сама собой.

Комбат знал, что говорил. Он постоянно общался с командирами стрелковых батальонов, а сегодня, в день затишья, долго находился в штабе полка, о чем-то беседовал.

— Завтра нам предстоит серьезная работа,— продолжал капитан.— Из штаба полка я жду радистов с РБ [1].

Дождавшись радистов, комбат ушел.

Утром ожидался очередной «сабантуй».

«Сабантуй» длился тридцать минут. Опять действовали «катюши», гремели батареи нашего полка, басовито вторили им корпусники. Стороной, урча, ползли танки. Над боевыми порядками полка низко прошли штурмовики. День начался шумно.

Старший лейтенант Молов с НП информировал:

— Пехота пошла в атаку. А комбат ушел к танкистам. Будьте внимательны. Рацию держать на прием.

Минут через сорок мы получили первую команду по РБ. Комбат «танцевал» от ранее пристрелян-

---

[1] РБ — радиостанция батальонная. Дальность ее действия рассчитывалась до 25 километров.

ной цели правее высоты. Мы поняли — идет штурм во фланг противника, о чем Клевко говорил накануне.

Все шло хорошо, но потом рация замолчала. Что-то случилось.

Молов, оставшийся за комбата, сменил НП и вел огонь с нового места. С комбатом не было связи по-прежнему.

Вечером с НП пришел разведчик. Он принес сколок с карты:

— Сюда надо переместить ОП. А комбата нет — капитан Клевко погиб.

Неожиданность сообщения была гнетуще тяжелой. Неразговорчивые вообще, мы прикусили языки совсем, а разведчик поведал о подробностях:

— Капитан сразу сказал, что поедем на броне позади башни. Здесь и тепло — над мотором, и дышать легче. Ну, значит, устроились мы втроем: я, комбат и полковой радист. А потом пехота к нам подсела, человек пять. Когда миновали проход в минном поле, танк прибавил скорость. Метров пятьсот, наверно, катились без задоринки, а потом нас обстреляла минбатарея. Пехота пососкакивала, а мы остались. Нам сподручней с танка... Потом увидели фрицев в траншее — засели там и строчат... Тут мы и подали команду. С фрицами теми не знаю что сталось, но строчить перестали. Танкисты для верности проутюжили окоп и пошли дальше — и мы с ними. Да прилетел какой-то дурацкий снаряд, разорвался от нас метрах в десяти, мы и не слышали, как он прилетел. Комбата наповал, и рацию пробило осколком. Радиста — того немного царапнуло, а мне — ничего, меня башня прикрыла. Постучали танкистам — стойте, мол. Танкисты остановились. Сняли мы нашего комбата с брони и положили на плащ-палатку у деревца, на видном

месте. Танкисты уехали, а мы остались. Что нам делать без рации?

Вторая попытка взаимодействия с танкистами, как и первая, окончилась трагически.

В наступательных боях мы участвовали, пока не сошел снег. Враг уходить не хотел, защищаясь всеми средствами, переходя в контратаки, а нам ставили задачу жестко — взять, не пустить, стоять насмерть. И во всем, что делали солдаты, можно было усмотреть подвиг — каждодневный, постоянный, хотя и незаметный. Свой труд солдаты не называли подвигом. Но случались и такие поступки, которые иначе чем героическими не назовешь.

Армейская газета рассказала об одном случае. Рота поднялась в атаку и попала под губительный огонь артиллерии. Тяжело ранило политрука — осколком в предплечье срезало руку. Но это не остановило офицера, он повел своих бойцов вперед. Атака продолжалась, увлекаемая политруком.

Позднее удалось прочесть похожий рассказ о бесстрашном разведчике Николае Чекавинском, которого многие считали погибшим, а он оказался жив. В бою за Тортолово под Ленинградом ему оторвало левую руку по локоть. Товарищи наспех перетянули предплечье жгутом, сделанным из провода, и хотели отнести пострадавшего в укрытие. Но Чекавинский и после ранения командовал своей ротой еще 17 часов. Крепость Тортолово была взята и удержана. До подхода подкрепления Чекавинский был еще раз тяжело ранен — перебита вторая рука, ребро, повреждена правая нога.

У нас происходили случаи попроще.

Над нами, чуть в стороне, проходил воздушный бой. Сражения в воздухе мы видели ежедневно. Немецкие «мессершмитты» и наши «лаги» устроили

огромную карусель. Они кружили в разных плоскостях и пытались расстрелять друг друга. Пулеметные очереди веером разлетались в разные стороны. На ОП находился новый заместитель командира полка капитан Бобков и с интересом наблюдал за боем. Он почувствовал удар в грудь, но не упал. Пуля пробила полушубок, ватник, гимнастерку и еще горяченькая была извлечена капитаном. Авиаторы послали ему привет. Он показывал нам этот «привет», удивляясь столь необычному случаю.

В третьей батарее с наблюдательного пункта шел командир взвода управления лейтенант Садыков. К нему почти вплотную прилетели два снаряда и разорвались. Лейтенант не слышал их полета и поэтому не упал. Ему основательно попортило полушубок, разрезало поясной ремень и осколком помяло наган. Наган спас его от верного ранения в бедро. На бедре остался большой синяк от удара.

— Повезло...

Каждый солдат мог рассказать нечто подобное, происшедшее с ним лично,— из тех, кто жив пока и продолжает боевую работу.

В этих боях героизм становился нормой, явлением обыденным. За мужество и отвагу в дивизии 371 боец и командир были награждены орденами и медалями. 70 процентов из числа награжденных были коммунистами и комсомольцами.

Зимняя операция 16-й армии получила высокую оценку.

Жиздринская операция, говорят документы, явилась составной частью зимних наступательных действий Западного фронта и заняла видное место среди операций Отечественной войны: был нанесен значительный урон крупной группировке войск противника — шести пехотным и двум танковым

дивизиям. Своими активными действиями 16-я армия отвлекла значительные силы противника с других участков Западного фронта и этим обеспечила успех войск правого фланга фронта, действовавшего в направлении Вязьмы, и разгромила крупную группировку противника в сложных условиях зимы и сильно пересеченной местности.

...Нас выводили во второй эшелон.

Снег сошел почти всюду, оставаясь серыми пятнами на затененных местах. Полк выходил в тыл по дорогам, пройденным до этого с боями. Заминированные зимой, оттаивая, они хранили притаившуюся смерть. Саперы проверяли пути, делали проходы, но подрывы транспорта повторялись. Поэтому мы шли след в след.

А вот и район Буды Монастырской и памятной высоты. Теперь здесь стоит тишина.

Короткий привал. Оголенная земля показывала зерна огненного посева. На каждом квадратном метре огромной территории лежали почерневшие осколки, посев был густым.

В одной неглубокой, менее человеческого роста, но широкой яме вытаивали десятки трупов. Некоторые обнажены, на других — серо-зеленые мундиры, сохранились бинты марлевых повязок. Я смотрел на недвижных теперь немцев, стараясь понять, чем отличны они от русских, от других наших соотечественников,— физически, не говоря о их духовной начинке. Немногим. А начинка довела их до этой ямы. Запомнился юноша, лежащий наверху,— голый торс его хранил следы загара. Правильное сложение, хорошо развитая мускулатура, ладная голова с волнистыми светлыми волосами. Он мог стать счастливым и полезным у себя на родине, а теперь вот остался здесь.

Труп врага, говорят, радует сердце солдата. Возможно. Но вид погибших всегда неприятен. Картина, увиденная здесь и в покинутых окопах, будет возникать в сознании с новой силой, найдет продолжение и развитие, станет тревожить память в десятки последующих лет, ощущаться подошвами солдатских ног, ступавших по пружинящим останкам, представать кошмарами в сновидениях, вызывать тошноту — на многие послевоенные годы.

Перемены

Мы приводили в порядок себя, имущество и оружие, используя предоставленную передышку.

Пришел важный приказ наркома. По этому случаю дивизион был построен как на плацу — в линию батарей.

В торжественной тишине апрельского леса старший батальонный комиссар Нечаев огласил приказ о присвоении нашей дивизии гвардейского звания.

Мы удостоены этой чести за штурм и взятие высоты с отметкой 226.6. Малой кровью. Боевой выучкой и умением. Доблестью солдат и офицеров.

Отныне мы — гвардейцы. Нашим частям будут вручены гвардейские знамена с дорогим образом Ильича. Будут присвоены новые номера. Получим дополнительное вооружение. Самые ответственные боевые задачи доверятся нам. Наши силы испытаны в боях, и Родина на них надеется больше, чем когда-либо. Звание гвардейцев обязывает нас драться лучше, упорнее, не щадя сил и самой жизни.

После оглашения приказа отличившимся в боях вручили награды — медали «За боевые заслуги» и «За отвагу». Первыми кавалерами у нас стали командиры орудий старший сержант Абрамов, сер-

жант Банников и младший сержант Погорелов, разведчики младший сержант Волков и рядовой Петров.

На другой день дивизионная газета писала:

«Наша часть преобразована в гвардейскую.

Гордись высокой честью! Множь в боях традиции гвардии!»

В батарею на место погибшего Клевко пришел капитан Маркин. Говорил он негромко, глуховатым голосом, но уверенно, чем-то располагая к себе офицеров и солдат. Пройдя по батарее, Маркин собрал командиров взводов и отделений:

— Я назначен командиром батареи. Меня зовут Маркин Федор Иванович. Родился в 1916 году, в армии с 1936 года. Окончил Подольское артиллерийское училище. В боях с июня сорок первого. Был ранен, лечился в госпитале. После этого прибыл к вам в полк.

Комбат коротко и просто рассказывал о себе, не делал из себя загадки — это нам понравилось. Он продолжал:

— Теперь о деле.

И изложил все, что заметил. Лошади нуждаются в уходе, амуницию нужно приводить в порядок. В стволах пушек — нагар, их нужно пробить. Личное оружие солдат с налетом ржавчины — такое недопустимо. Командирам отделений необходимо повысить требовательность. И так далее. Вплоть до пуговиц и подворотничков на гимнастерках и пряжек на солдатских ремнях. До вещевых мешков солдат и щеток для чистки сапог. До состояния кухни и нарукавников у нашего повара.

Через тридцать минут он всех отпустил, приказал идти по местам, заниматься делом. На устранение недостатков — два дня.

Работы оказалось много, мы торопились сделать ее к сроку, определенному новым комбатом.

Старший лейтенант Молов уходил от нас в штаб артиллерии дивизии на должность помощника начштаба. Теперь уже гвардии старший лейтенант.

Мы посидели на поваленном дереве — попрощались. Закинув вещмешок за спину, он ушел в глубь леса.

Дивизия стала называться 83-й гвардейской, а наш полк — 187-м гвардейским артиллерийским полком.

Новый командир взвода управления лейтенант Дозоров тоже побывал в госпитале. Легкое пулевое ранение дало ему возможность отдохнуть.

— Эх и девчонки там! — вспоминал он вечером.— Выбирай по вкусу! Кому — рябая, кому — конопатенькая. Никто без невесты не останется.

Мы смеялись:

— Сам-то какую нашел?

— О! Моя особенная — лицом белая и с кудряшками. Очень уж ей приглянулось, что я на гармошке могу. Прикостыляешь, бывало, в их каптерку — там гармошка стояла — и давай. Потихоньку, конечно, чтобы не мешать. Соберутся сестры — слушают. И не расходятся, пока дело не позовет. А Аннушка дольше всех как-то задержалась — мы и разговорились. Требования у нее большие оказались: нравятся ей гармонисты и чтобы высокого росту были. А где их взять? У меня, например, всего 172 — недотянулся, значит. Заверять пришлось ее — выпрямлюсь, мол, когда из окопов выйду, подрасту сантиметров на пять. Не знаю, поверила или нет. В общем, обещала ждать.

— А если... того?

— Ну, если черепок скостит, тогда... Правда,

и ноги может укоротить — чего на войне не случается. К дипломатии прибегать придется — на снаряд или мину все сваливать. Или заказывать протезы, чтобы повыше...

Веселый лейтенант говорил это легко, чувствовалось — не верил он в предполагаемое увечье.

А мы с Мятиновым полусерьезно советовали:

— Береги руки, Дозоров, не поднимай вверх — прострелят.

— Тогда прощай твоя Аннушка.

— Выберет кого подлиннее.

Дозоров не обижался, отшучивался.

В полку тоже произошли перемены.

За зимние бои командир полка майор Евтушенко был награжден орденом Александра Невского. Ему присвоили звание подполковника и направили на повышение — командующим артиллерией соседней дивизии. У Евтушенко полк принял гвардии подполковник Мосолкин.

Политработники в полку вели негромкую повседневную работу.

Политрук Кунгурцев был человеком уравновешенным и приветливым, носил погоны старшего лейтенанта. На беседах его внимательно слушали — он излагал общую военную обстановку на фронтах или рассказывал о предстоящих боевых задачах. Авторитет заместителя командира батареи по политчасти был непререкаемый, и обращались к замполиту всегда. Одному он помог разобраться в семейной путанице, когда солдат перестал получать письма, другому подтвердил служебное положение для получения дома установленных льгот. Он следил за настроениями личного состава батареи, придавал им важное значение. Кунгурцев умел уважать в собеседнике достоинство, кем бы тот ни

был, и этим возвышал себя в глазах остальных солдат. Эта его особенность считалась естественной и вместе с тем предопределенной должностью и характером работы.

На глаза Кунгурцева попался телефонист Шустов, прибывший с пополнением недавно.

— Рядовой Шустов, вы почему до сих пор ходите в обмотках?

— Да некогда было, товарищ политрук,— оправдывался Шустов, посмотрев на свои ноги,— то линию мотал, когда воевали, а то... обмотки.

— К старшине обращались? — Кунгурцев оставался серьезным.

— Так точно. Не нашлось у него подходящей пары сапог, чтобы по ноге. А в бахилах мне нельзя — ходить много приходится.

Тонконогому Шустову требовались сапоги 39-го, максимум 40-го размера, каких в батарее могло не оказаться.

— Передайте старшине — пусть найдет нужного размера. Или подгонит. Но сапожников у нас нет, и с подгонкой погодить придется.

— Есть, товарищ политрук. То есть, значит, сапожник у нас есть. Это я.

— Вы можете?

— За милую душу,— не по-уставному ответил Шустов.

— Сколько нужно времени, чтобы подогнать?

— Дня за два-три сумею.

— Тогда действуйте.

Командиры у нас знающие, подготовленные как надо, они обучают солдат и требуют соблюдения уставов и правил. И могут придраться, раскритиковать за что-то, что не так, к чему солдат еще не готов или в чем допускает оплошность. Обращаться к командиру не всегда безопасно, а политрук — это

вроде бы свой человек, хотя тоже строг. Он может выслушать и ответить на личный пустяковый вопрос, с каким нельзя обратиться к другому, и на вопрос более серьезный, касающийся, например, обстановки в мире. В политике Кунгурцев — дока, уважительно отзывались о нем солдаты.

Между командиром и политруком есть разница, хотя заняты они одним общим делом, но подойти к политруку почему-то легче. Методы, что ли, у них разные?

Зимой, в самый разгар наступательных боев, большая группа воинов была принята в партию большевиков. В их числе и я.

Столь серьезное решение не было результатом какого-то внезапного озарения или порыва. Я не думал даже о таком шаге, а Кунгурцев сказал, что члены партии — такие же, как все, только партийный долг обязывает воевать лучше, быть впереди, вести за собой других. Доводы немного льстили, были чем-то вроде аванса: кому не хочется выглядеть лучше?

В теплый апрельский день, когда земля подсохла и стала проклевываться первая робкая зелень, полк собрался на лесной поляне.

— Будет концерт,— предупредили нас.

Под густой маскировочной сетью, накинутой на еще голые деревья дубового леса, стояли два грузовика с откинутыми бортами. На них сооружена сценическая площадка.

В ожидании концерта в первых рядах солдаты сидели на земле, подальше — стояли, а кто-то устроился на импровизированных сиденьях. Курили. Махорочные дымки таяли над пилотками, затягивались в чащу кустарника.

К помосту подошла группа офицеров в фуражках — командование полка.

Замполит Нечаев поднял руку, подождал, пока стихнет шум, и в коротком выступлении поздравил полк с завтрашним праздником 1 Мая. Затем представил нового командира полка Мосолкина.

На сцене появились артисты. Это были солдаты, собранные политотделом в частях дивизии, наделенные умением лицедействовать, танцевать и петь, с искрой артистического таланта. Они составили ансамбль, ими руководила опытная рука профессионала.

По мере исполнения номеров люди оживлялись и лица светлели, настроение пошло вверх. Артистов встречали и провожали аплодисментами. Со сцены звучали «Идет война народная», «Землянка», «Синий платочек», другие песни, выходили плясуны, задорно звучали голосистые баяны. Известные теперь мелодии тогда были в новинку. Тишина и внимание воцарились в этом открытом импровизированном партере.

Одобрительный гул внесли частушки.

Кроме баяниста на сцену вышли двое: один — худой и высокий, другой низенький, но широк в кости, склонен к полноте.

Маленький повязал на голову цветной платок концами под подбородком и стал походить на деревенскую девушку. Гимнастерка его собрана под ремнем равномерными складками — концы ее с боков он растопырил, имитируя женскую талию.

Что случилось в Сталинграде?
Немец лез там все вперед,
А ему влепили сзади...
Вышло все наоборот.

«Девушка» повернулась и показала, куда «вле-

пили». Баянист перебирает клавиши, и вот уже звучит новый куплет:

Гад хотел сожрать весь мир:
Дон, Суэц, Кавказ, Алжир...
Но, видать, наверняка
У него кишка тонка.

— Давай, давай,— подбадривает публика,— не жалей голосов.

Все немецкие бандиты
Непременно будут биты,
То же самое отныне
Ожидает Муссолини.

— Не уцелеют,— слышится реплика,— всем достанется.

Актеры раскланиваются и уходят со сцены. Их вызывают еще раз, но номер окончен. Один актер — большой — кланяется, а маленький, под общий хохот, делает реверанс.

Вышел на сцену клоун с куклой в человеческий рост, изображающей даму с рыжими косами. Они исполнили фокстрот. Левая рука «дамы» лежала на плече партнера, а правая держалась его рукой. Ноги куклы повторяли движения ведущего. Это было настолько уморительно, что публика смеялась, взявшись за животы. Номер повторили на бис. Артиста не хотели отпускать со сцены, и он вышел теперь с новым номером. На этот раз клоун изображал гитлеровца, важно шествующего по Европе. Он подошел к СССР, уселся на его западную окраину. Но поднялись штыки, раздался взрыв, и гитлеровец, теряя штаны, путаясь в них и падая, стремглав умчался за кулисы.

Солдаты восхищались:

— Талант! Надо же...

— Не в те края попал, гитлерюга...

— Нарвался...

Для крепости реплики украшались непечатными словами.

Концерт ансамбля прошел с успехом.

Подготовка к лету 1943 г.

Еще в мае в непосредственной близости от переднего края мы выбрали позиции и оборудовали их. Это было левее прежнего района, перед Ульяново, километров 30 на юго-запад от Козельска. Сзади нас оставалось устье реки Жиздры, впадающей в Вытебеть. А впереди, до Ульяново,— стертая войной деревня Перестряж.

Работали ночью, к рассвету тщательно маскировали окопы, чтобы воздушная разведка не могла определить характер земляных работ.

Такие позиции делались для наступления — ближние цели находились в полутора километрах от нас. Основное направление стрельбы проложено на юг. Взвод управления Дозорова подготовил НП метров 400 впереди — на увале, прикрывающем нас от прямого наблюдения с переднего края.

Обстановка здесь была более тревожной. Огневые трассы рикошетивших пуль взлетали в небо над нами или уходили в сторону. Рядом крякали вздымавшие пыль мины.

Основные ОП находились километрах в пяти. С них мы вели обычный для обороны огонь. Подошли какие-то части и сменили нас. Мы снова отошли во второй эшелон на пять — восемь километров в тыл. Там укреплялась вторая полоса обороны: готовились ломаные линии окопов, эскарпы и контрэскарпы, рулоны колючей проволоки, чтобы лечь на колья и крестовины.

Близлежащие леса и перелески забиты войсками, в них укрыта артиллерия и танки, другая техника. Это поднимало настроение: мы не одиноки. Вместе с тем угадывались намерения нашего командования не ограничиваться задачами оборонительного характера.

В июне в 15 километрах от «передка» было проведено тактическое учение с боевой стрельбой, на котором артиллеристов учили ставить огневой вал, а пехоту — идти вплотную за огнем своей артиллерии. Учением руководил генерал-лейтенант Баграмян.

Огневой вал должен был стать новым словом в артиллерийском наступлении, которое предстояло произвести. Это была генеральная репетиция.

К началу лета 1943 года в армии окончательно упразднили институт комиссаров. В октябре 1942-го во всех рангах они стали заместителями командиров по политической части. А в июне сорок третьего им присвоили воинские звания командного состава.

Этим решением укреплялось единоначалие. Командир становился главной фигурой.

Ушел от нас Кунгурцев, его должность упразднялась. Этот рослый светлоголовый человек оставил о себе хорошую память.

Но по старой традиции мы продолжали именовать политработников комиссарами. В слове этом вмещалось прежнее содержание и романтика отцов, старшего поколения, делавшего революцию. Формально став заместителями командиров, они продолжали выполнять ту же работу с людьми и не отвергали привычное для них слово. Слово комиссар стало не званием, а символом.

Пятого июля немцы перешли в наступление на Курской дуге. Ударами с севера от Орла и с юга от Белгорода в направлении на Курск немцы начали пробивать бреши в обороне советских войск. Они сосредоточили там огромное количество живой силы, танков, самолетов.

Мы стояли на северной части линии фронта, примерно в полутораста километрах от района боев и, конечно, не могли оставаться безучастными.

Газеты сообщали о новой бронетанковой технике противника, о «тиграх» и «пантерах», о боях под Прохоровкой и у Понырей. Артиллеристы нащупывали там уязвимые места хваленой техники. Мы вчитывались в короткие строки газетных сообщений, отбирая для себя рациональные зерна.

Дивизия готовилась к ответному удару.

Артиллерийские средства покинули укрытия в лесах и двинулись к переднему краю. Непродолжительные ночи с 7 по 9 июля были заполнены скрытным движением, негромкими командами, приглушенным стуком перемещаемых грузов. К утру наступала настороженная тишина, жизнь пряталась за маскировочные сети, уходила в траншеи, укладывалась в блиндажи на отдых. Лишь передний край поддерживал привычные режим и ритм.

Утром 9 июля батарея стояла на новой ОП, окруженная многими соседями. 10 июля капитан Маркин в последний раз до начала боя инструктировал командиров взводов.

Подготовка велась давно, все лето, начавшись в мае, когда рыли эти окопы. Мы сидели в обороне, в первом и втором ее эшелонах, ожидая начала наступления немцев, в готовности встретить и измотать врага на двух оборонительных позициях, залезали сами в землю, предусматривали варианты его удара. И — учились ставить огневой вал, воз-

можный только в наступлении. Мы готовились все время, приближаясь к моменту, который должен стать завершением, апофеозом всего, и который начнется через несколько часов.

Утром 11 июля после завтрака старшина Климов сидел у первого орудия и шутил:

— Нельзя ли устроиться к вам хотя бы заряжающим?

— Вакансия может появиться скоро,— отвечал Корнев, наводчик орудия.— Только на какую должность — пока неизвестно.

— Твоим помощником буду, ефрейтор.

— Меня это устраивает. Через вас заимею блат у повара.

— Кто его знает, как стрелять станешь, ефрейтор. Может, тогда придется кормить расчет соломой и мне с вами переходить на соломенное довольствие.

— Не огорчайтесь, при новом помощнике придется отведать и соломки, но стрелять мы вас научим.

— Надо подумать, сто́ит ли переходить в помощники к ефрейтору Корневу. А что скажет Абрамов?

— Сто́ит, товарищ старшина. Нынче звание ефрейтора — самое высокое. Гитлер вот тоже ефрейтор,— смеется Абрамов,— а у него в подчинении генералы. Ничего зазорного нет, если старшина попадет к нему в помощники.

Солдаты гоготали. Им казалось очень смешным увидеть старшину Климова стоящим перед ефрейтором Корневым во фрунт, по стойке смирно. Климов смеялся вместе со всеми. Он любил своих огневиков — старшина батареи.

Последовала команда с НП — на огневой налет. Пехота будет атаковать передний край.

Мы сделали последний из назначенных выстрел и записывали установки, когда услышали серию артиллерийских хлопков немецкой батареи в нашу сторону. По характеру звука поняли, куда летят снаряды. Я успел крикнуть:

— В укрытие! — и сам заскочил в ровик для старшего на батарее, прижался к стенке.

Сколько было разрывов — сказать трудно, десятка полтора-два или больше. Снаряды рвались по всей площади ОП. Нас очень точно накрыли, это было ясно по звуку разрывов.

Налет кончился. Цела ли батарея?

Выскочив из ровика, я осмотрел издали все орудийные окопы — орудия припорошены землей, но, кажется, целы. Прямых попаданий нет.

У первого орудия между станин на уровне сошников — воронка, снаряд прошел выше щита. Из окопной щели солдаты осторожно выносили раненого. Им оказался старшина Климов. Он продолжал шутить:

— Чертов фриц, новые сапоги мне испортил...

Сапоги действительно были испорчены. Старшина бросился в укрытие последним, пропустив расчет. Его резануло осколками по головкам и задникам сапог, раздробило кости ног, когда сам он был уже в окопе.

Прибежавший санинструктор вспарывал сапоги, накладывал бинты на ноги.

У четвертого орудия снаряд угодил в аппарель. Там раненым оказался один — его полоснуло касательно по лопаткам. Товарищи сняли с пострадавшего гимнастерку и нательную рубаху, наложили бинты. Солдат сам встал и пошел в тылы батареи. Климова отнесли туда на плащ-палатке.

— Прощайте, братцы,— говорил старшина,— не пришлось мне занять вакантное место, повое-

вать вместе. Прощайте, теперь уже не свидимся. Мой путь к докторам.

— Прощайте, выздоравливайте скорее,— сочувственно отвечали ему солдаты.

Орудия, несмотря на близость разрывов, остались без повреждений.

Это были первые потери. К бою мы только готовились. Настоящий бой начнется только завтра утром.

Сегодня пехота захватила первую и вторую траншеи противника, но под огнем с фланга отошла в первую захваченную траншею и там закрепилась. Огонь затих только к вечеру.

Ночью не спали. При свете электрического фонаря я закончил уточнение исходных данных каждому орудию, проверил знание бойцами порядка огня, другие детали подготовки. Убедился, что задачу все поняли и могут выполнять ее самостоятельно. Теперь можно отдохнуть.

За множеством забот беспокоила еще одна, отодвигаемая на второй план, но не исчезающая совсем, а уменьшенная до малых размеров. Теперь вот остался с ней наедине. Она носила личный характер, касалась только самого себя, не влияла на ход подготовки и поэтому подавлялась, загонялась в глубь сознания, пока другие заботы заслоняли ее первостепенностью. Когда все сделано, подготовлено и первостепенные заботы отпали — она осталась одна. Она не могла решиться каким-то действием, а соединилась с ожиданием, лишенным действия, и потому разрасталась, занимая все мои мысли. Забота эта, а может быть, боязнь, делала опасной и ячейку, в которой прилег, казавшуюся наиболее и единственно надежной. Побо-

роть боязнь можно только усилием воли, убеждением, что находишься там, где решается судьба более важная, чем твоя собственная.

От нагретых за день стенок ровика исходит тепло, а под гимнастерку лезет ночная прохлада. Но не прохлада это, не холодок — какой может быть холодок в июле?

Это пошаливают нервы, подбирается нервный озноб. Оставшись один, затерянный в индивидуальном окопчике, я поддался ознобу ожидания, волнения перед неизвестностью.

Почему затерянный? Рядом такой же окопчик у телефониста, и телефонист Шустов время от времени проверяет напарника на другом конце провода. О тебе помнят там, на другом конце провода, и здесь — у орудий. А кругом в земле затаились сотни стволов, нацеленных на юг, в сторону поднявшейся луны, и тысячи сердец большого войска готовы к броску... Кто ты есть такой, поддавшийся ознобу? Возьми себя в руки, гвардеец.

Необычная тишина... Это всего лишь ночная прохлада тревожит тебя. Она всегда есть в июле в такую ясную звездную ночь... Вот и рассвет начинается.

Звезды гаснут. На светлеющем небе появляются легкие золотистые облачка. Скоро солнце окрасит их в розовый цвет. Какая тишина все-таки! Утро набирает силу, оно проявляет дальние предметы, растворяет холодные краски. Почему мы не любуемся им в другое время, не умеем ценить тихую радость пробуждения дня? В такое утро можно услышать пение птички, если она вдруг появится. Но птиц здесь нет. Они не прижились здесь, в этом опасном даже для птиц месте. Здесь постоянно грохочут громы — днем и ночью, зимой и летом — при любой погоде. Птицы не свили здесь

гнезд, не выводят потомства, они улетели отсюда подальше.

Три часа тридцать минут двенадцатого июля. Зуммер.

— Ну, как ты там, пятнадцатый? — спрашивает Маркин.

— Все готово, товарищ десятый,— хриплым голосом отвечаю я.

— Быть на местах, жди сигнала,— спокойно говорит Маркин.

— Есть.

Я прохожу к орудиям, тормошу командиров, говорю им:

— Звонил комбат. Быть всем на местах, скоро начнем. Пока можно курить.

Медленно тянутся минуты. Я прохаживаюсь, чтобы размяться, смотрю на записи у орудий. Предупреждаю:

— Мало ли что может случиться. Огонь вести точно по этим записям. Выдерживать темп.

— Есть, товарищ гвардии старший лейтенант.

Минуты идут. Они идут еще медленно, но уже ускоряют ход. Телефонист Шустов снова зовет к телефону. Подхожу — комбат.

— Ну как там у вас?

— Все на местах, товарищ десятый.

— Жди. Скоро...

В четыре двадцать утра последовал сигнал — залп «катюш».

Началось артиллерийское наступление в полосе нашей дивизии, занимающей участок два километра по фронту. Этот участок намечен для прорыва, через него проходит главное направление удара 11-й гвардейской армии.

Это была самая мощная артиллерийская под-

готовка из всех, в которых довелось участвовать нашему полку на войне.

По участку обороны немцев шириной два километра били около пятисот орудий и минометов в течение двух часов, а общая продолжительность с огневым валом — 165 минут. Расход снарядов был намечен по два боекомплекта с предельной технической скоростью во время огневых налетов, но потом выяснилось — мы израсходовали больше. Соседи справа и слева от нашего участка тоже присоединили голоса своих оглушительных орудий.

Стоял сплошной грохот. Пламя вырывалось из земли, извергаясь отовсюду, в воздухе повис дым, перемешанный с пылью, небо потемнело, стали собираться тучи. Они не пришли откуда-нибудь, а собрались из ничего, вот тут, на месте, конденсируя влагу из воздуха.

Следя за временем, я пытался подавать команды и кричал изо всех сил, но голос мой никто не слышал. Я не слышал свой голос сам, он походил на комариный писк в шуме низвергающегося водопада. А водопад этот был из огня и металла.

Стоя на краю окопчика, я энергично махал рукой, и командиры орудий принимали этот жест за очередную команду и меняли установки — они хорошо знали мои жесты. Как артист из пантомимы, движением тела я доносил до них содержание слов, перекрываемых гулом орудий. Они наперед знали, что я должен сказать и что потребовать, все это было у них записано.

Ожившая земля, заговоривший металл, заметавшееся в воздухе пламя влили в людей исполинскую энергию, они работали, забыв обо всем, открывая очередной ящик со снарядами, один за другим посылая снаряды в дымящийся казенник, собирая извергнутые горячие гильзы. Работали с

вдохновением, включившись в единовременный коллективный труд нескольких тысяч людей, выполняющих свою страшную работу. Эти люди, солдаты своей Родины, знали, что труд их совершенно необходим, что здесь они сейчас для того и находятся, чтобы стрелять, стрелять, стрелять...

Мы вели огонь более чем два с половиной часа, включая огневой вал. Израсходовали на половину боекомплекта[1] больше нормы. Программу «перевыполнили». Теперь остановились.

Связи с НП нет — линия перебита.

На ОП появился майор Радостев, начальник штаба артиллерии дивизии. Грузный майор вытирал платком лицо, он разогрелся от непривычно быстрой ходьбы.

Я доложил:

— Вторая батарея закончила артиллерийскую подготовку и сопровождение огневым валом. Связь с НП отсутствует...

— Так что же вы стоите? Пехота ушла в атаку, она прошла третью траншею. Немедленно снимайтесь и вперед! Немедленно!

— Отбой! Вызвать на батарею «передки»!

Майор ушел в район наблюдательных пунктов, а мы торопились, укладывая имущество и снаряды. Кони нетерпеливо перебирали ногами.

Наш полк стоял, а батарея вытянулась в походную колонну, вышла на грунтовую дорогу, потемневшую от выпавшего кратковременного дождя. По дороге прошли повозки и кухни оторвавшейся от нас пехоты. Мы тронулись следом к проходам на правом фланге.

---

[1] Боевой комплект для 76-миллиметровой пушки равен 140 снарядам.

Вперед!

Бывший передний край представлял собой страшную картину — я не нахожу другого слова. Здесь было сплошное черное поле, изрытое воронками. От июльской травы не осталось и следа, ее сняло с земли и унесло куда-то в сторону, или сожгло бушевавшим пламенем разрывов, или засыпало. Земля была поднята на воздух, многократно перевернута, раздроблена, продута, просеяна и теперь лежала периной и пухом под телами погибших солдат.

Справа и слева от проходов через минные поля — рваная путаница проволочных заграждений. Вот наброшенная на проволоку шинель, а на ней, сникнув, лицом вниз, так и не успевший одолеть эту колючку, наш солдат, остановленный пулей.

Атаковавшие лежали головой вперед, в сторону противника. После гибели они продолжали атаковать, направлением тела показывая, куда нужно идти остальным, кто не остановился, сраженный, кого обошла пуля, не задел рваный осколок металла.

Эти неизвестные герои, многие из которых так и останутся Неизвестными, призывали, показывали, застыв навечно в последнем своем рывке, что нужно идти вперед, бить и гнать врага с родной земли, за которую они отдали свою жизнь.

Траншеи пройдены. Дорога вела в просторную котловину, на дальнем краю которой темнели рассыпавшиеся по сторонам от дороги конные повозки, походные кухни, двигались фигурки солдат. Это наша пехота, она вела бой, подавляя очаги сопротивления.

Батарея свернула влево, ушла от дороги метров на двести, с ходу развернулась.

— К бою!

Отсюда, не имея связи с комбатом, можно стрелять самостоятельно — прямой наводкой. Расстояние около тысячи метров. Стоим высоко, видна панорама местности и все происходящее на ней. В непосредственной близости, не более десяти метров от нас, сзади встала батарея 37-миллиметровых зенитных пушек.

Мятинов с наводчиками построил веер. Взяв лопату, я копал ровик.

Устроившийся в большой воронке радист дозвался до своей «Березы».

— Доложи «Березе»: стоим на участке 130,— сказал я радисту.

Впереди показался «юнкерс». Он пошел вдоль фронта, обстреливая передовые подразделения, но свернул, наткнувшись на огонь зенитных пулеметов, набрал высоту. Позади нас открыли по самолету огонь пушки зенитчиков.

Я следил за трассами уходящих снарядов, за вспышками разрывов. Вспышки возникали справа и слева, выше и ниже, но... Самолет пошел в атаку на зенитчиков. Снижающиеся трассы его снарядов устремились на меня — один из них черканул по брустверу не дорытого мной окопа на уровне живота. Срикошетив, снаряд ударился в опорную часть зенитки. Нервная дрожь прошла по моей спине. Развернувшись, зенитчики проводили выходящего из пике «юнкерса». Он не появился больше.

Осмотрев борозду на бруствере, я не пожалел, что нагнулся, окопчик меня спас.

— Стрелять первому орудию! — возвысил голос радист — он передавал команды комбата.— По пулемету, гранатой, взрыватель осколочный!

Пулемет был подавлен одним орудием. Мы видели свои разрывы. Они возникали километрах в полутора от нас — на вершине гребня, куда уходила пехота.

Комбат вызвал к рации:

— Пятнадцатый, я десятый. Мы с хозяином идем вперед, снимайтесь и следуйте за нами. Связь по рации каждые тридцать минут.

К дороге, пересекающей котловину, стягивались все виды транспорта, разбросанного по полю. Навстречу нам шли легко раненные с белыми повязками. Поравнявшись с нами, остановилась конная повозка — из взвода управления нашего дивизиона.

— Лопатин! Товарищ гвардии старший лейтенант!

Подхожу — на повозке, застланной сеном, лежит капитан Денисенко, командир дивизиона. Он ранен. Подошли Мятинов и Абрамов.

— Здравствуйте, товарищ гвардии капитан!

Капитан ответил взмахом век и слабым движением кисти правой руки.

— Вот... к медикам еду,— болезненно улыбаясь, объяснил Денисенко. Ему трудно было говорить, пуля прошла через грудь, свалила в первый день боя.

— Поправляйтесь, товарищ капитан, не забывайте нас.

— Как можно... забыть. Не хочу... расставаться.— Он говорил через силу, морщась.— Прощайте... друзья,— и слабо помахал той же рукой. На его глазах заблестела влага. Нам стало неловко.

— До свиданья,— сказали мы и заторопились. Повозка тронулась, мы еще оглянулись, посмотрели вслед...

В этот день капитан Денисенко находился с батальоном пехоты. Когда ранило одного из коман-

диров рот, он встал на его место, поднял роту в атаку. Пехотинцы пошли за артиллеристом, да вот — потеряли и нового командира.

Капитана представили к ордену Красного Знамени. Но Денисенко к нам не вернулся. Не знаю, остался ли он жив.

Мы шли по дороге, никуда не сворачивая, выдерживая общее направление. Мы не знали, где находимся,— у командиров взводов в то время карт еще не было. Но на глазок определили — километров пять прошли, начался район огневых позиций артиллерии немцев.

Трудно не остановиться, не посмотреть на своих противников-дуэлянтов. Ведь еще только вчера эти батареи крепко по нам лупили!

В закрытых проволочной сетью окопах (маскировочные сети немцы делали из тонкой проволоки) оставались разбитые 75-миллиметровые пушки. Такие ремонту не подлежали. Они были тяжелы на вид, мы невольно сравнивали их со своими, примерно равными по калибру. Наши были легче и маневренней. Следы крови и обрывки бинтов свидетельствовали о понесенных немцами потерях. Наши огневики сегодня обошлись без потерь.

Дорога здесь была сухой, утренний дождь не выпадал и не смочил колею. По такой дороге катиться легче, но следы от колесного транспорта пехоты исчезли, и мы не видели, куда она прошла. Потом исчез другой ориентир — звуковой: выстрелы затихли, а рядом никого не было. Мы следовали одни, полагаясь на интуицию.

Интуиция — чутье или догадка — складывалась из попадавшихся примет и вместе с тем из разноречивых предположений, заставлявших смотреть вокруг обостренно — надо не пропустить ничего не-

обычного, оценивать все на ходу, а также прислушиваться, отмерять расстояние и прикидывать возможность встречи с противником. Пока ничто не угрожало, тревожные признаки все исчезли, а впереди никого не было по-прежнему. Пехота оторвалась от нас: или отвалила в сторону, или могла отставать. Если так — мы сами лезем в пасть противнику, и ему останется сомкнуть челюсти.

Мы держались настороже, а заложенная в нас инерция к продвижению вела батарею дальше — не торопила, а поторапливала. Лучше быть рядом со своими, чувствовать их соседство, и если понадобится — опору, но и без них мы что-то значим. А вдруг они пройдут другой дорогой, и мы окажемся в хвосте? Едва ли. Ведь мы рванули за пехотой раньше всех, в этом уверены, только бы не уклониться, не сбиться с пути.

Еще километров десять одолели, не останавливаясь нигде, на ходу прожевывая сухари — о кухне вспоминать было некогда, перевалили через большую отлогую высоту. Впереди дорога упиралась в ручей, перемахивала через подозрительный мостик и поднималась в гору. На половине склона высоты мы остановились.

Моста через ручей не оказалось, он был разобран противником, а досок нет. Попытки восстановить его ни к чему бы не привели. Да и дело это не наше, а саперов. Метрах в четырехстах впереди навстречу застрочил автоматчик — переднего края еще нет, но не зря предупреждает своим огнем автоматчик на той стороне ручья. Развернувшись, мы выбрали удобную для себя позицию.

Слева находился глубокий овраг, недоступный для танков, уходивший к ручью параллельно нашему движению. Перед нами — низина с заболоченной поймой и крутым противоположным берегом.

Хороший обзор позволял визуально контролировать лежащую впереди местность. Далеко справа, откуда течет ручей, прозвучали выстрелы. Свои где-то рядом, но они не видны. Радиостанция молчала.

Земляные работы вели весь вечер и закончили затемно. Мы предусмотрели по возможности все, что нужно для ведения боя в одиночку.

Глубокая ночь. Работы закончены — можно отдохнуть.

Часовой с карабином — младший сержант Горбов — прохаживался недалеко от моего окопчика. Я лежал, завернувшись в новую немецкую шинель, издававшую незнакомый запах. Она извлечена из вещевого склада, обнаруженного в овраге, и теперь заменяет одеяло. Вторую шинель оставшийся за старшину командир отделения тяги сержант Ефимов передал четвертому расчету. Там — Канаев, ему 45 лет, он старше всех по возрасту. Пусть отдохнет в тепле после тяжелых земляных работ.

Поспать не удалось.

Минут сорок я находился в полузабытьи, продолжая прислушиваться к тому, что происходит вокруг, оставаясь как бы рядом с часовым. Но чего-то не уловил. Шаги часового, подошедшего к моей ямке, воспринял не сразу.

— Товарищ старший лейтенант,— негромко, полушепотом, обратился он.

— ...

— Товарищ старший лейтенант...

— Да.

— Посмотрите — это, наверное, танки.

Как пружиной выбросило меня из ямки.

— Где?

Он показал чуть правее разобранного моста на темный противоположный бугор. Было еще сумеречно, но на фоне светлеющего неба рисовались

черные силуэты. Они медленно выползали из-за крутого берега напротив и скатывались направо. Доносился шум моторов. Сомнений не было — это танки. Девятнадцать единиц! Для одной батареи, пожалуй, многовато.

— Я — к радисту:

— Вызывай «Березу»!

Но «Березы» в эфире не существовало. Ни на своей волне, ни в других уголках диапазона. Спит «Береза», подумал я, ее надо будить выстрелами. Я взял у радиста наушники, сам крутил ручки, но также безуспешно. Управленцы Дозорова спали. Появившиеся танки, наверно, только мы одни и видели. А доложить об этом надо во что бы то ни стало.

— Подъем! К бою!

Люди встали. Командирам орудий я показал цели.

— Танки справа!

Оставаясь в окопах, пушки развернулись направо. Интервалы между ними при этом сократились до пяти метров. Положение не уставное, но деваться некуда. Передо мной сразу встали вопросы, о которых не подумал раньше.

Каково расстояние? Я не определил расстояний до ориентиров днем, а теперь пришлось гадать. Утренний туман делал их обманчивыми. Здесь максимум полтора километра. Траектория не превысит цели, если наводить в основание. Чем бить? Бронебойных мало, а гранат — в достатке. Решение созревало.

— По танкам!

— Первому по головному! Остальным — в порядке номеров!

— Угломер 30-ноль, прицел 30, гранатой, взрыватель фугасный!

— Наводить в основание!

— Первому один снаряд — огонь!

Наводчик Корнев первым же снарядом угодил в борт. Танк загорелся. Противник, не подозревая о нашем соседстве, подставил нам правые борта. Выбор гранаты правильный! Это вселило уверенность.

Огонь других орудий не был столь точным, как у Корнева, их наводчики торопились, наверное, и нервничали. Но вторым, третьим, четвертым выстрелом каждое из них накрывало цель. Еще не задымленное поле подставляло батарее свои мишени. Вскоре горели четыре танка.

Это сейчас так кажется — вскоре, а тогда счет времени был потерян. И не каждая пораженная цель загоралась, но мы увидели четыре факела, издали сравнимые с горящей свечой.

Немцы убрали борта из-под удара, повернули к нам лбы. Теперь наши пушки били по ходовой части танков. Правый сосед тоже открыл огонь — значит, есть у нас сосед! — танки угрожали ему непосредственно.

Взошло солнце. Появился начальник разведки полка старший лейтенант Каликов.

— Куда стреляете?

— Смотри вон на зажженные свечи...

— Вижу.

— А где наши? — спрашиваю его.

— Сейчас будут.

Вскочив на оседланную лошадь, Каликов умчался навстречу полку. Полк был где-то сзади.

Из тыла подошли наши танкисты. Это была, наверное, рота — несколько машин КВ. Она с ходу включилась в канонаду. У меня отлегло на душе: сил наших стало больше.

Мы не получали пока ответных выстрелов, оста-

ваясь незамеченными, а теперь оказывались в зоне ответного огня — немцы били по КВ.

Загорелась одна наша машина. Огромная, она пылала долго, потом мощным взрывом с нее сорвало башню и бросило рядом — взорвались боеприпасы. Зачадила другая.

Подошла пятая батарея полка, она стала правее, на дороге.

— К вам на помощь,— это подбежал старший на батарее-5.

— Выбирай, целей на всех хватит.

Не окапываясь, только укрепив сошники, пятая открыла огонь, уплотнив боевые порядки танковой роты. Незавидным было положение пятой — разрывы вздымались рядом, кого-то задело осколком, а старшего на батарее, кажется, тоже царапнуло. Но артиллеристы не снижали активности.

Своих я предупредил:

— Беречь снаряды. Стрелять только наверняка.

Мы основательно освободились от груза снарядов, но следовало подумать и о самообороне.

Кто-то прибежал от ездовых:

— Товарищ старший лейтенант, лошадей побило...

Я бросился к оврагу.

Там группа лошадей, сбившись в кучу, тряслась нервной дрожью у дальнего берега оврага. Две коняги лежали, пораженные осколками в живот, еще у одной, стоявшей неподалеку, сочилась кровь из мякоти задней ноги. Такая беспечность!

— Увести отсюда лошадей! — Я не сдержался и обругал ездовых.

Сержант Ефимов засуетился, заторопил ездовых.

Мой подседельный Орлик смотрел на меня, ожидая помощи. До чего же выразителен взгляд у лошади, не умеющей говорить! Но как я могу помочь

раненому, другим раненым? Широкая пробоина на животе перекрывалась выпятившимся серым пузырем внутренностей. Другая лошадь ранена не менее тяжело. Третью увели. Дело безнадежное.

— Извини, дружок,— я погладил Орлика по мордахе.

— Этих... добить,— с трудом выдавил я.— Из карабинов в затылок.

И отошел в сторону, отвернулся, чтобы не видеть печальную акцию.

Залетевшие в овраг снаряды предназначались не лошадям. Лошади пострадали по безрассудной неосмотрительности отделения тяги. Но теперь не до разбирательств.

Подошедшие свежие силы, открывшие огонь с ходу, отвлекли от нас внимание противника. Батарея стреляла редко и, менее других заметная, утопленная в землю, становилась целью второстепенной. Ответный огонь немцев велся правее центра батареи, а некоторые снаряды перелетали, били по оврагу. Надо быть мудрее, чтобы понять и оценить это сразу. Сержант Ефимов, к сожалению, мудрецом не был.

Я подошел к четвертому орудию. У панорамы стоял Канаев. Он следил за полем на стороне противника. Цели заслонялись фонтанами разрывов, пылью и копотью, поднявшимися по ту сторону ручья.

— Только по бортам, Канаев. В лоб не бить.

— Мало снарядов,— доложил командир орудия сержант Борьков.

— Старайтесь экономить,— ответил я коротко.

У панорамы третьего стоял Горбов. Еще двое склонились к сидящему на ящике из-под снарядов товарищу, накладывая повязку на его голову. Ря-

довой Хромов ранен и поддерживает конец длинного бинта. Младший сержант Погорелов, припав к брустверу, всматривается вперед запавшими темными глазами.

— Серьезно? — спрашиваю у раненого.

— Царапнуло,— не меняя положения головы, отвечает он.— Но терпимо пока.

— Держись, солдат,— говорю я Хромову.

— Горбов, не торопись,— советую наводчику.— Будь внимателен, как на занятиях.

В привычном окружении среди огневиков я стал успокаиваться.

У второго орудия лейтенант Мятинов и сержант Банников выжидающе наблюдали. Рядовой Филипчук тряпочкой протирал стекла панорамы — этакая предусмотрительность в такой обстановке! Впрочем, он молодец — стекла запорошены землей, самое время привести их в порядок.

— Эти гитлеровцы отсюда не выберутся, им каюк.

— Успокаиваться рано, жди еще новую волну, сержант. Немцы на этом не остановятся.

Здесь все нормально, я пошел дальше.

У первого орудия ефрейтор Корнев сохранял внешнее спокойствие, наблюдая в окошечко панорамы. Он не нуждался в особых подсказках.

— Спасибо, Корнев, за первый танк. Жди новую атаку. И не спеши.

— Что с лошадьми? — спросил Абрамов.

Я ответил.

Абрамов крякнул, но ничего не сказал.

— Впереди день, расходовать минимум. И не зевать — бить наверняка.

— Есть.

Я обращался к наводчикам в первую очередь — от них зависело многое. Эти слова наставника и

распорядителя слышат все. В них — главное, самое необходимое, все другое оттеснено на задний план. Мне нужно убедиться в том, что все в порядке, из-за этого прошел по окопам. Наставник нуждался в общении с мужиками-солдатами — от их настроения и веры в собственные силы теперь зависел он сам. Моральная поддержка нужна самому командиру. Он обязан найти ее и одолеть свою неуверенность, если она появилась. Но причин для нее нет, люди на местах и знают свое дело.

Я устроился опять в ровике позади первого орудия.

На занятиях мы отрабатывали сложные варианты стрельбы, когда танки идут на большой скорости и возникает необходимость упреждений. Эти варианты сегодня не пригодились. Танки не шли, а выползали. Они удивляли не скоростью, а осторожным появлением. С расстояния чуть более километра они смотрелись мишенями — выбирай, бей, как на учебном поле.

Я нервничал в первые, самые трудные ожиданием минуты боя — первая встреча с танками. Противная дрожь — плохая помощница. Еще ничто не определилось — предстояла проверка людей делом, их выучки и качества подготовки. А потом почувствовал себя на равных. Нервы не улеглись, ибо решался вопрос: кто — кого. Контратакующие танкисты, конечно, уверены были не более. Мы не так встали и не все предусмотрели хорошо. Но первый успех окрылил и вдохновил.

К полудню в бою участвовал весь полк. Новая волна танков натыкалась на огонь артиллерии. Трижды повторенная контратака немцев закончилась их разгромом. Уцелевшие машины, отстреливаясь, уползли за бугор. Наши потери были незначительны.

За бой 13 июля нашей батарее зачли четыре танка, сожженных в одиночном бою, и десять — в групповом. Для одной батареи это неплохо — из 27 танков, подбитых в этот день полком.

Огневики батареи были представлены к наградам.

Преследование

Началось упорное преследование врага, изматывающее силы. Днем мы вели бой с заслонами, с арьергардными подразделениями, а ночью шли, пока не встречали новый очаг сопротивления.

Вечером и в ночь на 14 июля после боя с танками прошли по дорогам километров сорок, в следующую ночь — еще тридцать. Такое продвижение радовало.

Но утомление сказывалось. На отдых времени почти не оставалось. На марше, механически передвигая ногами, солдаты умудрялись вздремнуть на ходу, держась рукой за рядом идущий транспорт. В изнуряющих ночных маршах, развертываниях с ходу и в ведении прицельного огня каждая пауза, каждое затишье означали отдых. Отключиться на часок, свернувшись калачиком в воронке,— это принималось за сладкую возможность.

Маршрут первых дней пролег через населенные пункты Ульяново, Светлый Верх, Крапивна, Чухлово, Ржевка. На рубеже Афанасьево — Троянов, встретив сопротивление, полк развернулся. К 12.00 14 июля Афанасьево взято, бой ведется за рубеж Поляков — Панов, которым овладели в 16.00. 15 июля — битва за переправу через реку Вытебеть. К исходу дня переправами овладели, заняли Крутицы, Подлесную Слободу, Фондеевку, Дворики, Ягодное.

Двигались вперед не только ночью. Дневные атаки тоже нередко приводили к успеху, так что средства обеспечения не всегда успевали за наступающими.

Капитана Маркина мы видели редко, но его голос по телефону всегда был требовательным:

— Давай, давай! Торопитесь! Огонь нужен сейчас. Пехота собирается в атаку.

Или:

— Какого черта вы там копаетесь? Пехоту контратакуют! Немедленно! Я поснимаю вам головы!

Разумеется, мы торопились. И не потому, что опасались снятия голов, а потому, что знали — в боевых делах батарея играет не последнюю роль.

Путь дивизии от исходного рубежа до села Знаменское был сильно пересечен долинами, оврагами; долины чередовались с высотами, достигавшими 140 метров. После Знаменского начнется рельеф средний, менее пересеченный.

Мы прошли первую часть пути. Развернулись на вспаханном поле, место высокое, впереди крупное село, которое нужно взять с ходу.

Проложив направление по буссоли, подгоняемый командами с НП, я предоставил Абрамову принимать их с голоса телефониста, а сам, помогая расчету, срывал кочку под колесом орудия. Все происходило быстро, в течение одной-двух минут. Я еще долбил лопатой, когда раздался выстрел. Меня оглушило — я оказался впереди щита. Левое ухо перестало воспринимать звуки, в нем стоял звон, не прекращавшийся несколько суток. Неосторожность моя была наказана.

Теперь, разговаривая по телефону, я прикладывал трубку к правому уху.

— Это — барабанная перепонка,— объяснил санинструктор Лукьянов.

Подумав, он успокоил:

— Зарастет через неделю...

Дивизия миновала Болхов, оставшийся далеко слева. Это был первый на нашем пути крупный населенный пункт Орловской области. Эти места подарили русской культуре великого писателя И. С. Тургенева.

По земле, с ее знакомым по книгам многообразием, по которой идет теперь очищающая лавина боев, ступали ноги писателя или катилась кибитка, увозящая его в Европу, во Францию.

Мы вот тоже держим путь в Европу, хотя путь наш обещает быть извилистым и не столь простым. Однако до Европы должны добраться, обязаны. Стыдно не добраться до Европы, дорогой Иван Сергеевич.

Капитан Маркин шел слева, критически на меня посматривал, что-то говорил. Неудобно, когда немножко недослышишь. Я запнулся за сухую кочку на дороге, нагнулся посмотреть на подметку, приотстал. Потом перешел на другую сторону от комбата, пошел рядом.

— Извините...

— Так вот, я говорю, что охрана наблюдательного пункта полка возлагается на нас, на нашу батарею. Забирай свой взвод и сегодня ночью оборудуйся на прямую наводку. Лейтенант Мятинов со взводом останется на закрытой ОП.

— Есть.

Я понимал, что, проявляя сочувствие, комбат предоставляет мне возможность отдохнуть, не говоря об этом прямо. НП командира полка — почти

в тылу, охрана его будет скорее моральной и едва ли понадобится. А открытое проявление сочувствия у нас не принято — неизвестно, чем оно может обернуться.

С высоты, где взвод осел в землю, открывалась широкая панорама. Справа от нас — окоп сложной конфигурации, годный для пулеметчиков, но здесь — стереотрубы. На дне окопа — телефонисты с аппаратами. Это НП подполковника Мосолкина и командира стрелкового полка.

Почти в створе с НП за крутой обочиной высоты внизу, в километре от нас, видна деревенька, в ней разместился штаб нашего дивизиона и его тылы. Левее и дальше — еще деревня. Там проходит передний край, деревню нужно брать. Еще левее — поле, нами плохо просматриваемое, но там стрелковые батальоны, которые мы поддерживаем.

Поднимающееся солнце обещало жаркий день.

Оставив бодрствовать наблюдателя, я предоставил расчетам отдых.

С друзьями-студентами любили мы смотреть на ударника, исполняющего соло на барабанах. Это был гвоздь программы джаза, играющего в большом зале с колоннами местного ресторана «Сибирь». Чего только не выделывал он! Начиная ритмическую мелодию как бы нехотя, как бы прихрамывая, он убыстрял ее темп, превращал в сплошную россыпь, успевал при этом вторить на большом барабане: бум... бум. Он переходил с одной тональности на другую, снова возвращался на прежнюю, включал в мелодию звон медных тарелок, заливистое треньканье треугольника, шарканье металлической кисти. А сам бесновался у своих барабанов и барабанчиков, у прочей навешан-

ной амуниции, его руки с палочками мелькали то тут, то там, ноги наступали на невидимые от нас, из зала, рычаги, он, кажется, задевал что-то локтями, и это что-то тоже издавало звуки. Гвоздевой номер эффектно заканчивался ударом тарелками: дзин-нь!

— Браво! — дружно кричали подвыпившие студенты.— Би-ис!

...Явственно вижу: за столиком сидит майор Петрухин, он не прочь посидеть в ресторане, поговорить о женщинах с Денисенко. Но вместо Денисенко — солидная дама. Василий Капитонович бодрится, выгибает грудь — нашел тоже перед кем! Она идет с ним танцевать. Петрухину трудно без женщин на войне. Мы это понимаем и завидуем ему — нам недоступен успех у женщин. Но на ней почему-то капитанские погоны. Ах да, это, наверное, новый заместитель Петрухина. А зовут ее заместительницей, товарищ гвардии заместительница.

А барабанщик продолжает свое:

— Бух... бах... хрясть... бух...

Это усиливался бой, он разбудил меня.

Ополоснув лицо теплой водой из фляжки, я начал осознавать происходящее.

Солнце стояло высоко.

Передний край передвинулся — дальняя деревня была взята. По ее ближнему краю в полный рост ходили солдаты, у изгороди стояли повозки, дымилась кухня. Зонтики разрывов поднимались в глубине деревни, там еще шла перестрелка.

Со стороны солнца появились немецкие самолеты, они приближались к нам. Семь самолетов — вся группа — сделали круг над деревушкой, занимаемой штабом и тылом нашего дивизиона. Один за другим они перешли в пике, сбросили бомбы, взмыли вверх и снова пошли по кругу. От воя пи-

кирующих бомбардировщиков и падающих бомб пробегал холодок по спине и шее. Взрывы мощно сотрясали воздух. Сердце сжималось от подавляемого ужаса. Самолеты спикировали еще раз и ушли восвояси облегченные, набрав высоту.

Горел один дом. Некоторые постройки рухнули. Центральная площадь и улица, ведущая к ней, покрылись мусором из щепы, палок и упавших комьев земли. Какой ущерб нанесен дивизиону — сказать трудно. Но ОП не пострадали, они находились в стороне. Бомбилась деревня, а не огневые позиции артиллерии.

Налет авиации заставил еще раз проверить маскировку. Голая и гладкая наша высота пока не привлекла к себе внимания.

А впереди происходило что-то непонятное.

Через деревню, где идет бой, мчится повозка. Ездовой, стоя на телеге в рост, размахивает над головой вожжами и гонит скачущую галопом лошадь. Но преследователя не видно. Телега подпрыгивает на ухабах и скатывается вниз на ближнюю окраину. Она увлекает за собой всех, кто оказывается рядом. Разворачивается ротная кухня, дымившая у огорода, и, разбрызгивая искры, устремляется следом. Они мчатся до тех пор, пока не достигают кочковатой согры. Теперь из улиц появляются спаренные лошади орудийных упряжек, по одному верховому на паре. Болтающиеся постромки лошадям мешают, бьют по ногам, гонят еще сильнее. Одна лошадь упала, запуталась в обрывках амуниции, выдернула из седла верхового, тот, опрокинувшись через спину, скользнул к земле. Вторая лошадь остановилась. Теперь ездовой взял их под уздцы, побежал с ними рядом.

Широкая площадь между сарайчиками и городьбой, как муравьями, заполняется в панике

бегущими людьми. Это настоящий драп, вызванный неизвестной нам причиной. Такого драпа видеть еще не приходилось. Неужели все так серьезно, так велика сила, изгоняющая этих людей из ими же захваченной деревни?

Мы следили за событиями в полосе правого соседа, не веря в осложнение обстановки. Такую картину можно увидеть в кино, поволноваться, сидя в зале, ничуть не опасаясь за собственную шкуру.

Но вот какой-то человечек в выцветшей гимнастерке, похоже командир, выбежал навстречу отходящей массе людей, гневно махая поднятой вверх рукой. Рядом с ним развернулся станковый пулемет «максим» и тут же застрочил. Очередь прошла, должно быть, над головами, ибо никого не сразила. Но произошло новое замешательство от встречи с огнем из тыла, где искали спасения. Люди останавливались, растерянно ложились на землю, поворачивались головами туда, откуда бежали.

К дальним домам выползло пятно, потом другое.

— Танки! — это выдохнул младший сержант Погорелов, командир орудия.

— До них более двух километров,— оборвал я его.— Там своих средств хватит.

В это время наблюдательный пункт переживал тревожные минуты. Подполковник Мосолкин кричал в трубку командиру второго дивизиона:

— Ширгазин! Ширгазин! Ты видишь справа? Паника! Настоящее бегство! Эээ... Подготовь заградительный огонь по окраине. По ближней окраине, я говорю! Всем дивизионом. И ставь, когда подбегут паникеры! Я приказываю, никаких разговоров!

На спине у Мосолкина через гимнастерку выступили темные пятна пота.

— Петрухин! Что у тебя? Спокойно? Как это спокойно, а справа видишь? Ну смотри, ты мне отвечаешь головой. (Майор Петрухин вновь командовал дивизионом вместо раненого капитана Денисенко.)

Обстановка менялась на глазах. Паникующий сосед был остановлен, но полдеревни он потерял. Когда появились танки, Мосолкин заволновался снова:

— Танки! Вы видите — танки! Их надо прямой наводкой, почему никто не бьет прямой наводкой?

В воздухе послышался рокот моторов приближающихся самолетов.

— Огневик! Где лейтенант-огневик?

— Огневик рядом, товарищ гвардии подполковник,— ответил Каликов.

— Пусть возьмет на прицел эти танки,— приказал Мосолкин.

— Он демаскирует нас — идут самолеты.

— Ах да, пусть помалкивает — самолеты нас ищут. Почему он так близко стоит от нас? Кто распорядился? Ах да, я сам. Но танки сюда не подпускать!

В это время у соседа с близкого расстояния открыла огонь сорокапятка. Танк загорелся. Начался поединок со вторым танком. Но преимущество внезапности было потеряно. Пушкари, видимо, промахнулись и тут же юркнули внутрь двора. Пушчонка была разбита. Через дорогу пробежала фигурка солдата, метнула что-то в сторону второго танка, залегла. Танк нехотя загорелся. Зажигалка, подумал я, бутылка с зажигательной смесью. Есть там еще люди, умеющие побороть страх, не поддаться общей панике.

Самолеты прошли через нас, что-то бомбили в тылу. Мы не видели, что они бомбят — тылы от нас не просматривались.

Поучительным был первый удар, с утра. Окопчики и щели спасли всех, кто находился с ними рядом. Другие упали на землю, переждали бомбежку на месте. Но истошный вой пикировщиков и падающего с них груза был слишком большим испытанием для нервов. Не всем удалось сохранить самообладание, воспользоваться простейшими средствами защиты.

Медицинский фельдшер старший лейтенант Трифонов выбежал из избы, где готовил принадлежности для помощи раненым, бросился в сторону. Большой осколок разорвавшейся бомбы настиг его, ударил в спину, поразил серце... Артиллерийский техник лейтенант Артюхов, находясь на центральной площадке деревни, побежал тоже. Разорвавшаяся рядом бомба не оставила от Артюхова ничего, кроме командирской сумки, заброшенной на сук дерева, и обрывка щегольского сапога... В этот раз погибли еще четыре красноармейца, два младших командира и ранены шесть других артиллеристов.

Мы вспоминали погибших.

Не верилось, что веселого молодого фельдшера нет больше в дивизионе, не уберегла его профессия медика, чья роль на войне состояла лишь в оказании помощи пострадавшим в бою товарищам. Раньше других он сам стал жертвой.

Лейтенант Артюхов любил пофорсить. Кто-то сшил ему сапоги из плащ-палатки взамен кирзы, надраенные потом кремом до блеска и приспущенные в гармошку... Он носил командирскую сумку, набитую ключами и отвертками, бинокль, придававший значительность молодому технику, писто-

лет ТТ с длинным кожаным ремешком. Трифонова и других погибших воинов похоронили.

Часть вражеских сил, нацеленных ранее от Орла на Курск, была повернута на сто восемьдесят градусов, брошена против нас. Сопротивление гитлеровцев возрастало.

Однажды, находясь на марше днем, увидели мы в воздухе двадцать семь воздушных пиратов. Батарея пережидала эту армаду, рассредоточившись в кустах в стороне от дороги. Часть своего груза самолеты сбросили на почти созревшее ржаное поле. Вниз летели чушки, пугавшие своими размерами, на высоте 70—100 метров у чушек распахивались створки, и оттуда разлетались бомбочки, предназначенные для живой силы. Бомбочки взрывались как мины, коснувшись земли.

— До чего не додумается человек, чтобы только убивать друг друга,— философствовали солдаты, сидя у орудий вечером.

К столь широкому обобщению они пришли еще в связи с получением новых снарядов — шрапнелей. Снаряды эти были не новы, их заново не производили, а оставались на складах с времен первой мировой и гражданской войн.

— В гражданскую воевать было легче,— говорил сержант Банников, командир второго орудия.— Там что было против человека? Пуля, штык, снаряд. Авиации не было, танков тоже.

— Ну, не говори. А кавалерия? — возражал ему Канаев.

— Против кавалерии существовала вот эта шрапнель. И та же пуля. Да и против гранаты не могла устоять. Кавалерия — такое же живое мясо, не сравнишь ее с танком,— авторитетно заявлял Банников.

По разговору выходило, что, действительно, гражданская война выглядит игрушкой по сравнению с нынешней.

— А что будет дальше, после нас?

— Додумаются еще до каких-нибудь штучек, жить станет невмоготу.

— Это как пить дать...

— На это ума хватит...

— Распротуды твою в печенки этих изобретателей...

— При чем тут изобретатели, не они войну затевают.

— А вместе с ними и зачинщиков...

— Не доберешься до них — высоко сидят.

— Вот бы зачинщики и воевали, если им охота кулаки чесать.

— Зачинщиков не обманешь, не дураки...

— Доживут ли люди, чтобы одуматься?

— Доживут, может быть. Да когда это будет?!

На второй день к вечеру во время стрельбы в окоп второго орудия залетел вражеский снаряд, вывел из строя весь расчет. Был убит Филипчук. Сержант Банников ранен тяжело. Осколками ему рассекло ткани ног выше колен. Ранение не оставляло надежд на возвращение.

Как залатали его врачи? Оставили ему ноги или, спасая жизнь, сделали инвалидом? Вестей от него мы не получили.

Второе орудие ушло на ремонт. В батарее осталось три. В этом составе мы с ходу развернулись и поддержали пехоту, настойчиво сокращавшую километры на пути к Орлу, вышедшую на высокое плато. Мы хорошо поработали на плато, зацепившись за важный рубеж, но продвижение застопорилось. Продвижения нет, пехота залегла и несет

потери. А сверху знойное солнце припекает и без того разогревшиеся спины, опаляет коричневые лица, выжимает пот под мышками, заставляет расстегнуть верхние пуговицы гимнастерок.

Времени не теряем — окапываемся. Расчеты снимают сверху черный слой земли, добираются до суглинка, укладывают бруствер по контурам окопов. Кто-то говорит, что земля здесь хорошая, пригодная для добротных урожаев и для тучных душистых трав. Знатоки сельхозугодий пока рушат ее лицо: морщинят лопатами, выщербляют и долбят. Она принимает их не протестуя, предоставляет приют и защиту своим солдатам, избавляющим ее от пришлых чужеземцев. Это пока, это временно — и рытвины, и морщины. Она будет плодоносить и одаривать щедротами нынешних солдат, когда вернутся к ней их заботливые руки. Я смотрю на раздолье вокруг, на марево жаркого дня и на пейзажи, вдохновлявшие художников на создание шедевров.

Жарко. Хорошо бы спуститься вон в тот ложок, там есть родник, но нельзя: место это простреливается. Родник пока недоступен, нам сказал об этом старший лейтенант, командир пулеметной роты, зашедший на ОП попутно:

— Бьет, мерзавец. Не подпускает. Я тоже поставил там пулемет, чтобы ни нам, ни вам.

У старшего лейтенанта на правой стороне выцветающей гимнастерки семь нашивок за ранения: две золотых и пять красных. Когда успел? — подумал я. А он заметил мой взгляд и пояснил сам:

— В госпитале побывал трижды. По два, по три ранения сразу. Вот и накопилось.

Мы угостили его водой из своих запасов. И он ушел.

Впереди как будто стало тише. Пехоты не

слышно, может, окапывается. От тишины и неизвестности становится тревожно.

Тишина невыразимо сгущается, если можно так говорить о тишине. А вдали — за знойным маревом — появилось облако. Синее облако действительно сгущается, оно надвигается на нас тихо, предвещая грозу и ливень. А может быть, как-то рассеется оно, разойдется по небу, так и не пролившись? Всякое можно ждать от облака в жаркий июльский день.

К телефону капитан Маркин вызвал Мятинова. О чем говорят — понять трудно. Мятинов отвечает коротко:

— Есть. Есть. Слушаюсь. Хорошо. Сейчас вызываю.

Отдав трубку телефонисту, он сказал:

— Одно орудие идет на прямую наводку, остальные останутся здесь.

Лейтенант отправил связного за упряжкой лошадей.

Я говорил с комбатом.

— Мятинов займет позицию впереди, метров 400 от вас, он встретит танки. Если Мятинов не остановит и танки прорвутся — вы преградите путь.

— Сколько их?

— Три.

Когда упряжка подошла к четвертому орудию (штатный номер орудия не менялся), расчет был готов.

— Ни пуха ни пера, Акрам...

Акрам Мятинов шел впереди. Удаляясь, они увеличивали скорость, перешли на рысь, сделали полукруг, остановились, задержались на минуту. Рысью, с облегченным передком, упряжка вернулась.

Мы стояли у двух оставшихся пушек, отложив отдельно, чтобы не перепутать, ящики с бронебойными. Мятинова и четвертый расчет стало не видно и не слышно — они затаились, усиливая томительное ожидание грозы.

— Подготовиться,— последовала команда с НП.

Мы открыли заградительный огонь, отсекая пехоту от танков. Да велик ли он, огонь из двух орудий? Зона действительного поражения из двух орудий составляет пятьдесят метров — на таком участке мы отсекаем пехоту. А по танку нужно попасть в гусеницу, в броню, в башню, куда-нибудь, чтобы его остановило, заклинило, вывело из строя. Это может произойти случайно. Беглый огонь был плотен вначале. А потом перешли на темп десять и двадцать секунд выстрел. В потасовку включились средства стрелковых подразделений. Раздались гулкие выстрелы нашей четверки. Бейте, друзья, от вас зависит многое, вы на переднем крае сегодняшнего боя!

Вот и туча. Теперь она не синяя, а черная. Как подошла — мы и не заметили. По небу наискосок полоснула молния, но гром прозвучал слабо: вокруг гремела и полыхала огнем рукотворная гроза.

Танки не прошли. Они были остановлены. Контратака немецкой пехоты сорвана. Теперь вперед пошла наша пехота.

Сверху лил дождь. Это был ливень. Попадая на стволы, капли шипели, остужая нагревшийся металл. Намокла одежда, она парила от спин, парок мешался с брызгами капель, поглощаемых или отскакивающих от гимнастерок.

Но что там с Мятиновым? Почему его не слышно и не видно? Наверное, тоже мешает дождь.

К нам бежит в потемневшей одежде солдат. По его лицу течет падающая сверху вода.

— Санинструктора! — переводя дыхание, крикнул он.— Скорее, там плохо.

Мы подошли к четвертому орудию, снявшись с ОП, когда дождь закончился. Нельзя миновать свое орудие, если даже оно разбито.

Лейтенант Мятинов, гвардии лейтенант, перевязанный, стоял рядом с исковерканной пушкой, ждал нас.

Снаряд угодил в левое колесо, рядом с наводчиком. Наводчик гвардии младший сержант Канаев погиб. Погиб второй номер, его помощник, работавший у подъемного механизма. Погиб заряжающий. Еще двое были ранены. Один из расчета, рядовой Мертвецов, уцелевший, бросился к нам, оповестил о случившемся. Командир орудия сержант Борьков вышел из окопа справа, набросил плащ-палатку на раненых, стал оказывать им помощь.

Санинструктор подоспел, когда Мятинов был перевязан. Через разорванный на плече рукав белела повязка. Санинструктор Лукьянов занимался двумя другими, пострадавшими от осколков.

Из рассказа Мятинова:

— Один танк мы подбили легко, он загорелся сразу. А второму повредили ходовую часть, он как-то неловко повернулся и встал. Он открыл огонь по нам. Нас взяли в вилку. Канаев продолжал стрелять. Третий снаряд из танка угодил в колесо. Меня черкануло осколком, я был вон там в окопе,— Мятинов показал влево на окоп в пятнадцати метрах.

Над полем стояла сумрачная тишина. Танк с поникшим стволом виднелся в полукилометре от нашей пушки: кто-то доконал его сбоку. Два других навечно застыли дальше.

— Прощайте, браты!..— сказал сержант Абрамов, парторг нашей батареи, первым бросая в окоп ком земли.

Потом прозвучал троекратный залп из карабинов.

Погиб Канаев Георгий Васильевич, наводчик четвертого...

Ну какой из него дуэлянт? Канаев никак не вписывался в образ этакого горделивого дуэлянта, бросающего перчатку...

Почему не остановили Канаева, когда орудие было взято в вилку? Ах, если бы ты был рядом с орудием своего взвода, если бы...

Что сказать теперь детишкам Канаева, что написать? Разве поймут они, что уберечь их отца было нельзя, невозможно, разве поймут? А может быть, можно было уберечь, командир?

По почерневшему полю группами и вразброс лежали тела поверженных воинов. Кто-то из них, может быть, жив, находится в шоке, без сознания.

Мы не останавливались. Сзади идет медицина, трофейная команда, наконец, те, которые подберут, что осталось после боя, предадут земле тела погибших.

Календарь сделал отсчет 28 дня июля месяца.

Нам предстояло пройти еще многие сотни и тысячи километров фронтовых дорог, из них полторы тысячи — летом и осенью сорок третьего.

В начале августа дивизия вышла к Орлу.

Город лежал в пяти километрах перед нами, но входить в него не нужно. Он освобожден.

Мы круто повернули направо — на запад.

Пятого августа Москва салютовала освободителям городов Орла и Белгорода — первый в исто-

рии Великой Отечественной войны салют в честь победы советских войск. Частям и соединениям, участвовавшим в штурме и освобождении этих городов, были присвоены наименования Орловских и Белгородских.

Мы не получили почетного наименования, но гордились косвенным своим участием и вкладом в достижение этой победы.

II. На главной магистрали

Под Витебском

Около Орла дивизия повернула на запад. А затем — на северо-запад для захвата железнодорожной станции и районного центра Хотынец. После Хотынца мы дрались за Карачев, получили благодарность от его освобожденных жителей, вошли в брянские леса, знаменитые уже тогда партизанскими делами. В лесах переловили добровольных полицаев и передали их военному трибуналу. Затем прошли по Брянску, только что освобожденному, полуразрушенному, но сохранившему облик города.

Начались ночные переходы по рокадным [1] дорогам на север по 30—35 километров в ночь с дневками в лесах. Марш продолжался около месяца. В такой дальний путь была отправлена артиллерия одиннадцатой гвардейской армии, а стрелковые части после отдыха перебазировались по железной дороге туда же, в район Великих Лук. Строжайшие меры маскировки и предосторожности сделали этот маневр неожиданным для противника.

Под Брянском мне приказали принять четвертую батарею полка взамен раненого комбата-4. Там уже не было прежних напряженных боев — центр усилия отодвинулся в сторону. Это оказалось удобным для стажировки.

---

[1] Рокада — дорога вдоль линии фронта.

В осеннюю распутицу мы уже на Псковщине. В одну из ночей прошли через Великие Луки, остановились под Невелем — готовились сменить части, обескровленные боями. Но обстановка изменилась, и нас направили на другой участок.

Наступали. Лишь распутица притормозила неуклонное стремление войск к продвижению. Транспорт, подвозящий к фронту боеприпасы и другие грузы, застревал в непролазной грязи раскисших дорог. Он разгружался там, где застревал. Снаряды и мины, ящики с патронами и продовольственные мешки пехотинцы и артиллеристы гуськом доставляли на себе к позициям. Это походило на муравьиную работу.

Первые заморозки встречены вздохом облегчения. Грязь перестала цепляться за колеса, удерживать фронт на месте. Немцы не ждали нашей готовности наступать. Однако в конце ноября наступление возобновилось.

Теперь декабрь сорок третьего. Мы под Витебском, южнее Невеля. Впереди Городок — районный центр Витебской области.

Маленький город не виден, он скрыт от нас возвышенностью, занимаемой противником.

Наш НП — несколько ячеек, вырытых в песчаной почве на голом месте. Справа — мелколесье, скрывающее окопавшуюся в снегу пехоту и наших людей из взводов управления, курсирующих между НП и огневыми позициями.

Командир второго дивизиона майор Ширгазин рядом, в одном метре от моей ячейке. У него стереотруба, у меня — бинокль.

— Ты видишь, комбат, ишачий выводок? — спрашивает Ширгазин.— Это шестиствольные минометы. Подготовь-ка по ним данные.

Я смотрю в бинокль на сизые силуэты четырех шестистволок, определяю их положение. Почему они выпятились, не прячась, или жить надоело? Предупреждаю телефониста в трех метрах от меня о готовности, уже предвкушая добычу.

Но шестиствольки заговорили раньше.

— Ы-ы-ы... ы-ы-ы... ы-ы-ы...

Мины летели на нас. Мы осели в окопчики, прижались к непрочным стенкам. Разрывы одновременно во многих местах неистовствовали вокруг разгребая снег, ища живую цель, рассекая паутину телефонных проводов, обрубая ветки кустарника.

— Только бы не в окоп, только бы...— неотвязно билась одна мысль в голове.

Раздался сильный взрыв рядом. Обвалился песок, придавил ноги, попал за воротник полушубка. Неужели в Ширгазина? Я ждал еще.

— Ты жив, комбат? — кричит Ширгазин.

Я поднимаюсь, вызволяюсь из-под оседающего песка.

— Вроде жив, товарищ майор.

— Думал, в тебя попал,— смеется Ширгазин.— А он, шайтан, угодил в перемычку. Посмотри-ка!

Метровая перемычка между нами осела, на ней осталась широкая воронка.

— Я материл фрица: уходи отсюда! — улыбается комдив.— Ты гнал его тоже? Сознавайся, комбат. Вот он и лег между нами. Ну, давай-ка координаты этого шайтана. Пока связь восстанавливают, подготовим ему ответ всем дивизионом.

Дивизия наступала с севера на юг.

Городок маленький, а для немцев важен — перекрывает шоссе, ведущее к Витебску. Это стратегический пункт, на нем железнодорожная станция поважнее, чем шоссе. Немцы отчаянно дерутся, не

хотят уступать наживу, стараются выбить нас контратаками.

Защищая Городок и дальние подступы к Витебску (до него оставалось 30 километров), противник опирался на реку Горожанка, занимая ее высокий южный берег, и на озеро Кошо. В систему обороны, как опорные пункты, входили деревни Сыровня и Большой Прудок. Оборона состояла из проволочных заграждений в один кол и траншей полного профиля с открытыми пулеметными площадками. Местность перед проволокой сильно заминирована и хорошо пристреляна артиллерией. Населенные пункты обнесены проволокой и прикрыты дзотами.

23 декабря в 20.00 один батальон нашей пехоты выдвинулся на южный берег озера, где закрепился, обеспечивая переправу по тонкому льду еще двух батальонов.

Другой полк нашей пехоты в это время наводил вторую переправу (одна была готова) через Горожанку и закреплялся на ее южном берегу.

Решением командира дивизии один батальон оставался на южном берегу Горожанки, два других, переправившись через озеро, соединялись с ранее подошедшими туда батальонами и заходили во фланг противнику. Через лесные массивы ударом на деревню Сыровня и отметку 203.6 они сминали оборону гитлеровцев.

Опасаясь неблагоприятного исхода, немцы бросили в контратаку до двух своих батальонов, поддержанных восемью танками и двумя самоходными орудиями. Артиллеристы помогли отбить контратаку: на поле боя остались два танка и до 200 солдат и офицеров врага.

В ночь на 24 декабря и утром противник еще дважды контратаковал: в 3.15 из деревни Сыровня силой до батальона, а в 9.00 — из Городка на от-

метку 203.6 двумя батальонами с восемью танками — немцы выводили в это время главные силы и технику из Городка. Обе контратаки отбиты.

В 10.15 24 декабря специально выделенная группа овладела деревней Сыровня и ликвидировала ее гарнизон.

Преследуя отходящего врага, к 12 часам 24 декабря дивизия овладела районным центром Городок и вышла на его южную окраину.

83-я гвардейская стрелковая дивизия за прорыв обороны южнее Невеля получила орден Красного Знамени, а теперь и почетное наименование «Городокская».

Почетное наименование обрадовало воинов, явилось опорой и поддержкой, добавило сил, приободрило.

Солдаты гордились почетным наименованием.

После освобождения Городка активные действия продолжались в лесах. Мы следуем за пехотой. Мы — это несколько взводов управления с майором Ширгазиным и с командирами батарей — идем как второй эшелон: поддержка скорее психологическая, чем огневая. Пехота прокладывает дорогу огнем стрелкового оружия, минометов и пушчонок. А при задержках обращается к нам:

— Помогите, боги войны...

На одной из полян мы выбрали НП с хорошим обзором вокруг и застряли здесь на несколько суток.

Однажды утром, когда пехота поднялась в атаку, комбат-6 тоже вышел, хотел перейти ложбинку и выбрать новый НП на той стороне ручья. Но нарвался на автоматную очередь. Восемь пробоин на

полах полушубка остановили комбата, старшего лейтенанта Сурмина. Но сам он по воле случая не был ранен.

— Я поспешил, пожалуй, враг из траншеи еще не был выбит,— размышлял Сурмин, показывая нам полы полушубка.

— Пусть старшина пишет теперь счет Гитлеру. В двенадцати с половиной кратном размере. За злостный поступок с предметом вещевого довольствия.

Сурмин был мастером стрельбы из гаубиц. Во время пристрелки он руководствовался личным опытом, до минимума сокращая расход боеприпасов. Вторым снарядом, редко обращаясь к биноклю с сеткой, приближал разрыв к цели, а третьим — бил в цель.

Я пытался понять, как он стреляет. Взглянув на первый разрыв, Сурмин углублялся в вычисления, прохаживаясь по траншее и сухо отплевываясь — была у него такая манера. Эта работа проходила в уме и занимала 10—15 секунд. Он на глаз определял линейные отклонения в метрах, уменьшая или добавляя деления прицела, делал доворот, переводя линейные величины в угловые. Ошибок почти не бывало. Расход снарядов на пристрелку в два-три раза сокращался.

— Ты что, не признаешь правил стрельбы? — спрашивал я.

— Важен результат. Нас здесь никто не контролирует, кроме немцев, которые смеются или плачут. Только эти две оценки выносятся за стрельбу.

Под Брянском на наблюдательный пункт батареи пришел новый командир взвода управления — из военного училища — и доложил по всем правилам:

— Лейтенант Романов...

Молоденький лейтенант с кроткими глазами, почти девичьим овальным лицом, с пушком на верхней припухлой губе, не знавшей бритвы.

— Знакомьтесь, лейтенант, со взводом, устраивайтесь.

— Есть.

А во взводе — некоторые в отцы ему годны, другие — в старшие братья: обстрелянные, повидавшие виды.

За плечами Романова оказалось десятимесячное военное училище.

Это нам в сорок первом отпустили на подготовку только четыре с половиной месяца, срок — минимальный. Теперь уже, рассказывал Романов, поговаривают о двухгодичной программе — в военное-то время! Хороший признак, если пошли такие разговоры.

Первое время в мелочах лейтенант подражал комбату — было от этого и смешно, и неловко: чтобы стать похожим на бывалого фронтовика, не обязательно же все повторять буквально!

— Товарищ лейтенант! Наблюдательный пункт — это епархия взвода управления,— говорил я.— Оборудование, связь с огневиками, непрерывное ведение разведки — его прямая обязанность. Смотрите, что неладно, проявляйте инициативу. Мое дело спрашивать со взвода и вести огонь. Учитесь делать документацию. Начните хотя бы с этого.

Чуть зардевшись, он принимался перерисовывать схему ориентиров, потом переносил на нее пристрелянные точки. Становился к стереотрубе, изучал передний край.

Молодой лейтенант привыкал. Солдаты, «зная свой маневр», делали все сами, осторожно подсказывая своему командиру.

Он освоился, что-то понял, пригляделся, стал фронтовиком.

Рядовой Кувыкин — ездовой второго орудия. Засыпав в торбы дневную норму овса, он навесил их на морды своей пары коренников, довольно мотающей головами, и слушает разговор. Сидящие рядом двое телефонистов уплетают похлебку. Они пришли с линии в тылы батареи и теперь отдыхают около кухни. Батарейный повар не скупится на угощение, он тоже прислушивается к разговору.

— Ты понимаешь, у меня не хватило провода, каких-то метров триста. Что делать? Докладываю товарищ гвардии лейтенанту Романову: все размотал, больше нету. Ищи, говорит, иначе кровь из носу.

— Лейтенант так не скажет — кровь...

— Ну, не так, а говорит: все равно ищи. Сам знаешь, связь позарез нужна. Не пойдешь же к соседу кусок провода выпрашивать.

— Никто не даст, самим нужен.

— А приметил я мимоходом конец немецкой голубой ниточки. Не все ли равно, думаю, чей это провод, говорить можно на любом языке.

— Хоть на китайском наяривай...

— Подхожу — здесь еще никто не воспользовался. Я потянул — не поддается. Тогда стал мотать на барабан. Иду и наматываю, пока до траншеи не дошел. Дальше нельзя — нейтральная полоса. Вот незадача: не хватит, пожалуй. Дай, думаю, потяну — вытяну сколько-нибудь. Испробовал — верно, тянется. Не очень споро, но тянуть можно. А тут поднялась пальба с их стороны — с чего бы это? Я голову в окоп, а все равно тяну. Перед лейтенантом отчитаться надо. Вытянул я тот трофей.

— Хватило провода-то? — спрашивает повар.

— Хватило,— ухмыляется телефонист.— Да еще к нему добавка вышла.

— Это как так?

— А так — на другом-то конце я телефонный аппарат выволок.

— Вот это здорово...— восхищенно удивляется Кувыкин.

— А не оборвался аппарат-то?

— А что ему сделается — как на салазках по снегу, за милую душу.

— А телефониста вместе не приволок?

— Телефониста не оказалось. Телефонист, видать, по нужде ушел в это время. Отвязался от трубки-то. А то мог бы и телефониста,— серьезно говорит рассказчик.

Солдаты хохочут.

— Ну и врать мастак...

— Вы что — не видели трофейного аппарата?

— Видели, да это как сказать...

— Слушайте дальше. Подключил я эту голубую ниточку, на НП пришел. Звоню на огневую: алё-алё. А оттуда: доннер-веттер, вер ист дас? Я струхнул. Неужели к немцам попал, думаю, не к своей линии подключился? Их бин зоветише зольдат, отвечаю.

— С немцем говоришь? — поверил Кувыкин.

— С кем же еще, если по-немецки.

— Не обматерил тебя немец-то за аппарат, который уволок?

— Не умеют они по-нашему,— уверенно говорит рассказчик. Он выскребает со дна котелка остатки каши, облизывает ложку, прячет ее за голенище.

— Ну и чем дело кончилось?

— А ничем.

— Это как — никто спасибо тебе не сказал?

— Да нет, сказали по-русски...

— Что же немец-то?

— А немец матюкнулся на меня — я и обрадовался. Это не немец был, а лейтенант Сергеев, старший на батарее. Он немецкий язык осваивает, вот и поговорил со мной.

Рядовой Кувыкин давно просил о переводе его во взвод управления. Получив в начале декабря пополнение и возможность сделать замену, я взял его на НП в отделение разведки. Этот солдат среднего роста, хорошо сложен, любознателен и смел. Такому место разведчика как раз впору. Лейтенант Романов и командир отделения разведки сержант Постников не удивились: к ним он обращался тоже.

Встретили как своего:

— Хватит конягам хвосты крутить.

— Привыкай. Становись к стереотрубе, изучай, где сено, где солома.

— Где овес, где отруби...

— Да не высовывайся сильно-то — снайпер новичков любит.

— Какой я новичок — поболе вас на фронте.

— Об этом потом ему расскажешь — снайперу...

Кувыкину стереотруба понравилась. Он мог без смены стоять и час, и два, наблюдая за передним краем. Десятикратное увеличение дальние предметы делало близкими и отчетливыми. Через окуляры различалось все, что видно за нейтральной полосой: иногда появлялись серые каски немецких солдат — тоже наблюдателей, или пулеметчиков, затаившихся в ячейках, и многое другое.

При переходах он брал большой футляр стереотрубы за спину, безропотно нес его вместе с другой поклажей: вещмешком, автоматом, противогазом.

Один наш стрелковый полк раньше других пробился в глубину леса, беспрепятственно прошел дальше и, не найдя соседей ни справа, ни слева, хотел вернуться обратно. Путь обратно оказался перекрыт. Рейд по немецким тылам без базы снабжения не входил в планы командования, поэтому полк занял круговую оборону на перекрестке лесных дорог. Пробиваться к полку предстояло нам.

Мы пошли на выручку не полным составом. На основных НП остались заместитель Ширгазина капитан Каченко, комбат-5, командиры взводов управления четвертой и шестой батарей. Со мной три разведчика и три телефониста, а также стереотруба, несколько катушек провода, оружие, шанцевый инструмент. С комбатом-6 примерно то же.

Провод разматываем по следу.

Впереди — человек тридцать пехоты в белых маскхалатах, мы — без. За нами еще кто-то. Но и без халатов нас не видно — ночь. Шагаем след в след. Снег неглубок, передние легко преодолевают целину, мы ступаем уже по рыхлой тропе.

Пройти можно только по этому открытому месту — здесь нет сплошной обороны. Но слева по ходу, на опушке леса,— немецкий пулеметчик. До него около двухсот метров. Он периодически ведет огонь на заранее пристрелянных установках в секторе примерно до восьмидесяти градусов. Трассы слабо освещают голубой снег и тяжелые фигуры солдат. Стрельба ведется вслепую, пулеметчик не видит людей, идущих в двух-трех метрах один от другого в затылок, растянувшихся почти на полкилометра, и потому делает небольшие паузы, отдыхая. Затем снова огонь слева направо — по всему сектору. Люди не останавливаются, будто оцепенев в безразличии; пули белыми линиями пролетают

на уровне живота и гаснут далеко справа в темноте поля.

Опасность была зримой, а не отвлеченным понятием, не опасностью вообще, к которой успели привыкнуть,— она угрожала непосредственно, становилась смертельной именно сейчас, в эти минуты, необходимые для преодоления двух-трех сотен метров.

Мы видели начало огненного пучка и веер трассирующих пуль, устремленный на нас, осязали возможный горячий удар одной из них, но отвечать нельзя, мы идем незамеченные. Угроза была столь ощутимой, что поднималось к голове и стыло трепетное ожидание, холодок сковывал плечи, стискивал челюсти, мертвил язык и голос.

Одна поразила кого-то впереди, послышался вскрик, затем стон и мольба о помощи:

— Сенькин, браток, не бросай...

Это первый голос, нарушающий молчаливое шествие колонны,— ни стука поклажи, ни другого звука не слышно. Никто не сбавляет и не прибавляет шаг. Молчание замкнуло уста остальным, нет даже тихо оброненного слова.

Опасный участок миновали. Прошли мимо раненого, который наспех перевязан, беспомощно лежит у тропы на снегу и стонет. Сзади охнул еще кто-то. Это уже второй. Раненые остаются на месте, их не выносят. Да и куда нести — впереди медпунктов нет, там неизвестность. Подберут санитары, но где они? Никто другой не пойдет — уход в тыл равноценен сейчас дезертирству. От тылов мы почти отрезаны, с тылами соединяет нас тонкая нить телефонного провода — очень слабая, ненадежная связь, готовая оборваться в любую минуту.

— Сенькин, возьми мене отседа... милый...

о-о-о,— зовет оставшийся на тропе с тоской и надеждой, плохо различая спины солдат.

Но Сенькин ушел, куда ушли все, и едва ли слышит теперь слабеющий голос своего товарища. И сколько еще жить осталось самому Сенькину?

Наскоро окапываемся. Разместились не по-обычному, а колонией, выбрав в лесу площадку повыше. Мой НП впереди. Старший лейтенант Сурмин со своими управленцами слева сзади метрах в двадцати. Обзор не ахти какой. Лес — не городской парк, ухоженный садовником. Перед нами на 50—100 метров кустов нет, а дальше — покажут приборы. Сзади — низинка в зарослях, за ней — полого спускающееся в сторону леса поле, по которому шли. Майор Ширгазин — справа, держит зрительную связь с пехотным командиром, который не виден от нас за деревьями. Пехоту мы не видим вообще, она растворилась в лесу, утонула в снегу, и кажется — никого больше нет, кроме нас, пришедших сюда с малым имуществом и личным оружием.

Телефонисты проверяют связь, она есть пока.

Наступает рассвет. Разведчики продолжают копать. Я разворачиваю планшетку и по карте пытаюсь определить местонахождение.

Подошел майор Ширгазин.

— Эти участки вам.— Он показал два прямоугольника на карте.— Огневые налеты по пять снарядов на орудие по моей команде или по обстановке.

Я и Сурмин нанесли прямоугольники на свои карты. Ширгазин ушел.

На этот раз Ширгазин возложил на себя задачу — вместе с батальоном пехоты пробиться к окруженному полку. Три десятка пехотинцев батальоном называть трудно — люди повыбиты, а обычные ми-

нометы и пушки не взяты, но тем сложнее представлялась задача. Как называть такое подразделение правильно — Ширгазин не знал, но имел дело с командиром батальона, так называл его перед нами и находился рядом с ним.

Справа поднялась стрельба. Это наши или немецкие разведчики обнаружили себя — стрельба вспыхнула, а потом затихла.

Ровик для НП почти готов. Рядовой Кувыкин устанавливает стереотрубу, сержант Постников помогает ему. Молоденький телефонист, недавно прибывший с пополнением, ставит в окопной нише аппарат. Копает только разведчик гвардии ефрейтор Загайнов. У телефониста фамилия Скориков, но в батарее его зовут Паша, видимо, потому, что молод этот солдат. Я прикидываю, можно ли начать пристрелку.

Но опять поднимается пальба, теперь уже против нас. Пули щелкают по деревьям над головами.

— Разрывными бьет, зараза,— замечает Постников.

Передаю на батарею установки и делаю пробный выстрел по первому участку. Снаряд уходит далеко, разрыв звучит глухо. Вторым и третьим выстрелами подтягиваю разрывы к себе, метров на триста впереди.

Немцы ответили огневым налетом артиллерии. Била батарея беглым огнем. Она стреляла наугад, снаряды перелетали, некоторые рвались на деревьях.

— Правильно взял направление, зараза,— говорит Постников.

— Будет не легче, товарищ сержант? — спрашивает Паша Скориков.

— Ничего, жить еще можно,— заявляет Кувыкин.

— Вызови к телефону лейтенанта Сергеева,— говорю я Скорикову.

— Алё-алё, Брянск, алё...— зовет и зуммерит телефонист. Потом проверяет контакты. Батарея не отвечает.

— Порыв. Обстрелом, должно...— виновато смотрит он на меня.

— Телефонисты, на линию! Живо...

На линию уходит Агапов, укладывавший в земляную нору катушки. Еще один, Марчук, копает рядом щель. Скорикова щадят: неопытен еще, надёжи мало, да и нарваться может на неприятности.

Неожиданно вновь поднялась пальба. На этот раз огонь заметно плотнее. И не слышно ответной стрельбы нашей пехоты. Или она засунула голову в землю и помалкивает, ждет, когда огонь кончится? Или... А если последует атака немцев? Их мы не видим, как и свою пехоту. Пехота молчит. Связи с ОП нет, а без связи — мы та же пехота. У нас карабины и автомат Кувыкина, есть еще гранаты. Если защищаться, то только этим оружием. Сидеть и ждать дальше невмоготу. Не выходя из окопов, я и Сурмин, не сговариваясь, только взглянув друг на друга, начинаем кричать «ура». Кричим, чтобы заглушить щелчки на деревьях. Крик подхватывается солдатами взводов, распространяется к окопу комдива, уходит дальше:

— Ур-р-ра!!! Ур-р-ра!!! Ур-ра!.. ра!.. ра!..

В атаку не собираемся, никуда не пойдем отсюда — только кричим. В голосах звучит угроза: пусть только попробуют приблизиться — мы любого врага обратим в бегство. Мы подбадриваем свою пехоту и себя тоже. Ничего не делаем, не предпринимаем, а кричим:

— Ура-а-а-а-а...

От этого становится лучше, увереннее, озорнее,

что ли, потому что боевой клич затеян не для атаки.

Удивительно: стрельба затихает, и никаких атакующих фрицев нет. Мы перекричали шум стрельбы — и она затихла. И пехота наша никуда не убежала, она сидит на месте. Мы вооружились этим приемом. Озорничали? Но не обычное это было озорство, оно слишком серьезно.

«Ура» действовало, и действовало в первую очередь на нас самих. Леса эхом подхватывали его и доносили до слуха противника. Что думали о нас немецкие солдаты? Русские посходили с ума? Сейчас скинут полушубки, возьмут ножи в зубы, вставят взрыватели в свои «лимонки» и бросятся на них, не щадя никого? Могли думать и такое. У всех есть нервы.

Связь восстановлена, теперь нам известно, где накапливается противник. Батарея и дивизион обрушивают огневой налет на первый, а потом на второй участки. Теперь очередь за фрицами выглядывать из укрытий и ждать атаку нашей пехоты, если можно высунуться из укрытий. Огонь наших орудий плотен, опасен.

Бой вслепую идет вторые сутки. Связь рвалась несколько раз. Телефонисты восстанавливали ее, находя порывы неподалеку. Они нашли безопасный маршрут и даже побывали на батарее. Оттуда принесли полный термос еще горячей похлебки. Горячая еда оказалась так кстати! Повеселевшие люди будто сбросили напряжение — они не оторваны от своих товарищей.

Тактика немецких артиллеристов определилась после нескольких огневых налетов. Не меняя общего направления стрельбы, они последовательно меняли установки прицела. Вокруг нас появились воронки и обрубленные вершины сосен. Задевая за ветки, снаряды рвались в воздухе. Такие разрывы

особенно опасны — осколки достают на дне окопа. Угроза была реальной. Поэтому ровики стали перекрывать ветвями, застилать сверху лапником, присыпать землей, укрытие малонадежное, но все же...

В одно из затиший, днем уже, Сурмин позвал меня:

— Иди, покурим, старшой.

Я перебрался к нему. Сели под настилом, свернули по козьей ножке. Отдыхали, перебрасываясь малозначащими репликами.

И тут — новый огневой налет. К налетам привыкнуть трудно. К ним невозможно привыкнуть вообще. Каждый из них может стать последним. Мы прижались к стенкам и молча пережидали. Разрывы снарядов воспринимались как разрывы собственного сердца. И как не разорвалось оно, наше сердце, ему столько раз пришлось побывать в таких переделках!

Один из первых снарядов разорвался над ровиком четвертой батареи. Он угодил в верхушку сосны, стоящей рядом. Вершина была обрублена. Осколками поразило всех, кто находился в окопе.

Кувыкин стоял на коленях, упираясь лбом в переднюю стенку, его левая рука лежала на окуляре стереотрубы, правая замерла на полпути, не закончив движения.

Постников сидел у боковой стенки, зажав левой рукой правую у самого плеча...

Скориков как-то странно улыбался, сидя на дне окопа. К его уху была привязана трубка телефонного аппарата, висевшая теперь рядом с побледневшим лицом, удерживаемая тесемкой. Руки Скорикова мелко дрожали на животе, через пальцы перекатывались струйки крови.

Рядовой Кувыкин был мертв. Два других — ранены.

У сержанта Постникова сквозное ранение правой руки выше локтя. Кость раздроблена. Рука висит на мышцах.

Скорикову больно и почему-то смешно: все произошло так быстро, так просто — он уже не воюет. Теперь унесут его отсюда поближе к родному дому. Не знает Скориков, молодой солдат, не успевший повзрослеть, что с таким ранением в медсанбате живут не более четырех суток. В первые же сутки над жизнью нависает перитонит... На взросление Скорикова времени остается в обрез.

Носилки из плащ-палатки — транспортное средство для Скорикова. Сержант Постников идет сам.

Я звоню лейтенанту Сергееву:

— ...Теперь со мной остался только Загайнов. Первое — пошли навстречу санинструктора и пару солдат с носилками. Моих вернуть на НП. Второе — поставь установки по участку номер один. Всей батареей. Три снаряда на орудие. Стрельба залпом: первый, потом второй, потом третий. Паузы десять секунд. Команду я подам через несколько минут.

Кувыкина положили на дно окопа головой к противнику. Накрыли плащ-палаткой.

Бросаю горсть земли. Отхожу, думая о доблести этого солдата, не успевшей раскрыться полностью. Края окопа заполняются землей, перемешанной со снегом.

Беру телефонную трубку:

— «Брянск», я «Кострома». К бою!

— ...к бою,— слышу в трубке.

— В память доблестного разведчика...

— ...разведчика...

— гвардии рядового Кувыкина...

— ...Кувыкина,— повторяет за мной телефонист на огневой позиции.

— Батареею!
— ...еею...
— залпом...
— ...алпом,— как эхо звучит в трубке.
— Огонь!!
— огонь,— отчетливо повторяет эхо.

Громовой залп батареи. Потом второй. Третий. Снаряды летят через могилу Кувыкина, ложатся на передний край врага.

Полк, оказавшийся в беде, вышел из окружения. Мы отвлекли часть сил противника, а полк атаковал участок слева сзади, где двое суток назад мы проходили под огнем. Подразделение немцев, выставлявшее ночью дежурного пулеметчика, выбито с тыла.

Артиллеристам приказано отойти на прежние НП. Мы возвращаемся как домой, побывав в недальней, но опасной «командировке».

Выслушав информацию лейтенанта Романова, собираюсь отоспаться. Тишина и покой в землянках основных НП, покой и тишина относительные, конечно, но чем-то все же надежные и пригодные для отдыха.

С белесого неба падают снежинки. Они то оседают отвесно, то планируют вправо, влево, колышущейся вуалью мягчат черноту покинутого леса. Свежий снег, как марля из индивидуального пакета, бинтует раны земли — воронки от разрывов, пятна блиндажей, незарастающие шрамы окопов.

Только сейчас я вспоминаю, что идет уже тысяча девятьсот сорок четвертый год. Первые числа января.

Январь 1944 г. Под Витебском

Три десятка километров до Витебска, а мы толчемся в лесах с прогалинами, с редким опустевшим полуразрушенным жильем, теряя людей и материальную часть. Здесь мы полуслепы, хотим вырваться из лесов, очистить их от супостата новым рывком в сторону Витебска.

На переднем крае бывает полковник Томилин, командующий артиллерией 83-й гвардейской. Этого бесстрашного полковника можно увидеть везде, где размещаются подчиненные ему средства. Его папаха из серого каракуля с зеленым верхом мелькает то в одной, то в другой траншее.

Сегодня полковник не один, с ним прибыл Молов. Они оставили «виллис» на опушке соснового леса и направились к «передку». Томилин свернул к позициям батальонных сорокапяток, а Молов идет к нам. Я отправляю разведчика Загайнова в землянку.

Встреча — редкая.

— Кем ты сейчас — все помощником у майора Радостева?

— Радостева нет. Он исчез летом, 12 июля. Пропал без вести, видимо, погиб.

Мы коротко вспомнили события прошлого лета, своих ребят — кто убит, кто ранен. Из девяти выпускников Томского артучилища, пришедших в полк, остались в строю мы двое да капитан Ильин. А бывший комбат Маркин командует третьим дивизионом и получил звание майора.

Молов смотрит на меня неопределенно:

— Ладно. Показывай, чем богат.

Я показываю.

Молов смотрит в стереотрубу на объекты воз-

действия четвертой батареи. Потом знакомится с записями и расчетами, справляется о готовности.

— Поторопись. Завтра начало. Желаю успеха,— он протягивает руку.

— С кем имел честь вести беседу? — с опозданием спрашиваю я.

— С начальником штаба артиллерии Городокской «непромокаемой» гвардейской дивизии,— полушутливо отвечает капитан Молов, еще раз смотрит на меня и жмет руку.

Не изменился Молов: ровен и благожелателен. В начальники выбился, а не мнит о себе, не корчит...

Огневые позиции недалеко — два километра по торной дороге. Через двадцать минут я и лейтенант Сергеев, старший на батарее, делаем уточнения в порядке ведения огня на завтра. Я решаю еще другие дела, требующие моего вмешательства.

Поздним вечером на НП пробуем отдохнуть.

В блиндаже — земляные нары, на них подстилка из соломы. При входе — слева — катушки и другое имущество связистов, дальше, у стены, разместились они сами. Рядом с ними лейтенант Романов, потом я и Загайнов.

Вход завешен плащ-палаткой — на улице морозно, а у нас уютно по-фронтовому: от холода отгорожены, с потолка свисает кусок провода, освещая чадящим огоньком разместившихся в землянке. По мере сгорания изоляции провод передвигается через загнутый гвоздь и горит дальше. Продукты горения поднимаются к потолку, стелются по бревнам, заполняют воздух, садятся сажей на серые лица людей.

Вокруг неспокойно. Мы слышим спешное движение пехоты, проходящей мимо землянки к ис-

ходному рубежу, негромкие требовательные голоса командиров. Передний край оживляется присутствием большого числа солдат. Они заполняют траншеи впереди и по флангам, будут в них ожидать начало...

Приподнимается край плащ-палатки, заглядывает пехотинец в белом маскировочном халате:

— Разрешите погреться?

— Заходите, погрейтесь. У нас не Ташкент, но все же...

Он рукавицей обметает валенки, заносит в землянку свежесть мороза.

— Старший лейтенант Васильев, парторг роты,— представляется пехотинец.— Температура сегодня выдалась знатная, совсем продрог. А до утра еще ждать...

Мы с Романовым раздвигаемся, предлагаем ему место на нарах. Васильев укладывается с нами.

— Говоря по правде, мне там сейчас делать нечего,— сообщает парторг.— Беседы проведены, люди накормлены, теперь дело за командирами. Утром подключусь и я.

— Отдыхайте. Если заснете — разбудим. Побудку устроим часа на два раньше вашего дела.

— Да, такую побудку не прозеваешь... Вот думаю,— продолжал гость,— почему наши союзники не открывают второй фронт? Отсиживаются, паразиты, по домам, подсчитывают дивиденды, ждут, когда мы осилим Гитлера, а тогда и придут на готовенькое — «мы тоже пахали». Не по-честному получается.

— О честности судить рано. Может, какие другие соображения есть.

— Соображения у них есть, это точно. Хотят, чтобы Гитлер потрепал нас покрепче, обескровил Красную Армию. Да не получится этого. Сравни,

что было вначале, что сейчас. Так можно и без второго фронта справиться. Хотя туговато приходится пока.

— Помогают нам свиной тушенкой.

— Тушенка у них знатная, это верно. А вот танки никудышные. Зачем посылают такие танки — чтобы людей наших гробить? Советские танки Т-34 получше английских, да и немецких тоже.

— Немецкие танки хорошо горят,— сказал я.

— Вот видишь, а они покрепче танков наших союзников.

— Давай отдыхать, старшой.

— Давай. Сил надо набраться...

Но заснуть было трудно. Несмотря на усталость, волнение не давало заснуть. Мы просто дремали.

Правильно говорит парторг. С его замечаниями о втором фронте нельзя не согласиться. Будь он, этот второй фронт, нам не пришлось бы встречать столь упорное сопротивление.

А как там чувствуют себя огневики?

Я поднимаюсь, подхожу к телефону и говорю с Сергеевым...

Потом приносят завтрак. Есть не хочется, рано еще. Но солдаты молча едят, следующий раз поесть придется не раньше вечера. Я тоже подкрепляюсь. Парторг спит, его мы не будим. Становится тепло, я снимаю полушубок, остаюсь в ватнике. Ложимся по своим местам. Посыльные уходят.

Я посматриваю на часы. Напряжение нарастает.

С НП командира дивизиона поступает команда:

— Приготовиться!

Я передаю ее на огневую позицию.

Следующая приходит через минуту:

— Огонь!

Было восемь часов утра.

С началом нашей артподготовки немцы ответили своей. Они открыли встречную — так называемую контрподготовку. Их артиллерия била по нашему переднему краю, району наблюдательных пунктов, ближайшей глубине. Рвалась связь. Наблюдатели прятали головы в окопы. Да и что увидишь в таком ералаше за сплошной завесой поднятой в воздух земли и снежной пыли? Но огонь нашей артиллерии был плотнее.

Шел первый огневой налет. Взглянув на часы, я подумал:

— Через пять минут будем менять установки...

Первое неосознанное ощущение — нечем дышать. Левой свободной рукой провожу по лицу, сгребаю землю, делаю вдох. Открываю глаза — сумрачно и тишина. Где я? Над ногами, вперемет распластавшиеся широкой буквой «X», лежат бревна. Подняться нельзя — я чем-то зажат. Болит правая рука, стоящая торчком на локте, на ней груз. Это обвалился блиндаж, догадываюсь я. Но почему я заснул? Проспал артподготовку? В треугольнике проема между бревен вижу знакомого солдата из пятой батареи. В его фигуре нескрываемая тревога. Через него я понимаю: наш блиндаж разрушен, мы в беде.

— Надежкин, тащи меня за ноги! — кричу солдату.

Надежкин убегает — или не слышал, или испугался. Но вскоре он возвращается уже не один.

— Там кто-то живой.

— Да тащите же, распротуды вашу мать!— Мне больно, и хочется вырваться из этого плена, из этой ямы. Меня выволакивают за ноги в узкое пространство между бревнами и землей.

— Вытаскивайте остальных. Там Загайнов, два офицера, два телефониста.

Они долго шарят, потом тем же путем вытаскивают Загайнова, уносят к себе в землянку. Он без сознания.

Но почему тишина, почему не стреляют?

— Там пехотинец, лейтенант Романов и телефонисты Агапов и Марчук,— снова говорю я, когда разведчики возвращаются.— Посмотрите, кто из них жив.

В разрушенную землянку залезает сперва один, потом второй.

— Никого,— говорят они.— Все насмерть.

Они показывают на воронку от 155-миллиметрового снаряда, угодившего в левый дальний угол, разметавшего землю и верхний накат. Осколки прошили блиндаж, перебили почти всех. Старшего лейтенанта Васильева взрывной волной забросило на меня. Он два часа лежал на кисти моей вертикально стоящей руки. Рука локтем упиралась в нары.

Смотрю на свою стеганку, залитую кровью от подбородка до полы. Это кровь Васильева, парторга роты. У меня саднит только голову сзади. И болит правая рука.

Командир пятой батареи старший лейтенант Федяев разрывает индивидуальный пакет, накладывает повязку на мою голову. «Я жив!» — проносится в сознании, и начинается нервный озноб. Еще бы немного, и... Я радуюсь, что этого не случилось, мне хочется кричать и смеяться от радости, но я плачу:

— Ты понимаешь? Еще бы немножко, и...

Федяев протягивает мне полную кружку водки:

— Ты прав. Прими-ка это.

Стуча зубами, я выпиваю ее всю.

— Загайнов жив, он очнулся. Не нашли даже царапин,— говорит Федяев.— Похоже — контузило.

— Что же другие-то?

— Их зароют в вашей землянке.

«Я жив!» — ликует во мне эгоист, но я прохожу к своей землянке и останавливаюсь. Осколки, предназначавшиеся мне, заслонил собой Васильев. Случай привел его к нам, и тот же случай уложил его рядом, чтобы одного из нас уберечь от неминуемой гибели.

Солдаты из пятой батареи подрывают лопатами под концами бревен, бревна оседают, закрывают тех, оставшихся, как крышкой. Потом набрасывается земля. Я тоже бросаю горсть. Стою молча. Там гвардии рядовые Агапов и Марчук. Офицеры гвардии — лейтенант Романов и старший лейтенант Васильев. Свежая братская могила...

— Пойдем,— говорит Федяев,— санчасть недалеко.

— Дойду сам. Пусть кто-нибудь проводит Загайнова.

— До свидания. Выздоравливай и возвращайся. Мы меняем НП.

В санчасти — детальный осмотр. Меня усаживают на табуретку посреди комнаты. Майор Обской озабоченно смотрит на окровавленную одежду, просит скинуть ее, делает знак. Медицинская сестра Таня, в белом халате, несет солдатскую кружку, протягивает мне.

— Я уже,— отрицательно мотаю головой.

— Пей. Это надо,— почти приказывает майор.

— Везет же мне сегодня,— легкомысленно размышляю я и медленно осушаю кружку.

Как хорошо здесь у них: уютно и спокойно. Почти в одинаковых мы условиях, а у них — лучше. Какой-то свет горит в углу, не провод горит, а на-

стоящий свет — от батареи. Давно не видел электрического света.

Доктор Обской — теперь для меня он не майор, а доктор — разматывает бинт на голове. Пусть трудится, равнодушно думаю я. Голова болит не очень, и почему-то не пьянею.

— Касательное ранение в затылочную часть,— фиксирует доктор.— Контузия?

Он что-то шепчет. Я вижу двигающиеся губы, понимаю — говорит тихо, но какой артиллерист может слышать такой шепот? Я не слышу. Он выставляет перед моими глазами палец и водит им из стороны в сторону. Я послушно следую глазами. Палец я вижу хорошо и способен видеть кое-что менее заметное, чем палец. Но если надо — готов следовать глазами за пальцем.

— Фамилия, имя, отчество? Воинское звание? Когда и где родился? — громко спрашивает Обской.

— Да что вы, товарищ майор, разве не знаете? — удивляюсь я.— У меня вот что-то с рукой.

Майор смотрит на руку, пожимает плечами, но видит — опухла.

— Растяжение сухожилий,— ставит диагноз доктор.— Отчего это?

— Да вот один пехотинец...— рассказываю ему.

— Да, да, в пехоте тяжелый народ. Но вы, артиллеристы, обязаны ее поддерживать. В прямом смысле. И в других смыслах, если хотите. Считайте, что рука пострадала при исполнении ваших прямых обязанностей. Человек — существо хлипкое, а вы на одну руку взяли непосильную ношу. Рука и виновата. Так и запишем: рас-тя-же-ние.

— Танюша,— вдруг вскидывается доктор,— машинку и ножницы, пожалуйста, и йод.

На моем затылке сестра выстригает слипшиеся волосы, смазывает кожу йодом.

— Чуточку потерпите, дорогой воин,— воркует Таня,— до свадьбы все заживет.

Мне приятно слышать голубиные нотки, мягкий тембр ее голоса, видеть крылатые и бережные взмахи белого халата около себя — она милосердствует от медицины. Я замираю в благостном покое, в необычной тишине полкового лечебного пункта, сознавая себя центром этой комнаты и движения этих людей. Потом все окружающее начинает тускнеть, терять окраску, а настроение становится безразлично серым.

По дороге в медсанбат стараюсь понять, что со мной происходит. Почему закралось и растекается чувство, похожее на радость? В обычных условиях любая травма, любой порез на коже воспринимаются как беда и несчастье, а тут — радость. Радость от ранения, от несчастья. Чем объяснить такое? Какое-то время буду отгорожен от всего, что остается за моей спиной. Не будет ли меня тревожить совесть перед людьми, там оставленными, выполняющими обязанности вместо меня? Но я уезжаю лечиться, поправляться и отдыхать! И сачковать — не так уж серьезно я ранен.

У нас нет отпусков, а эта пауза почти за три года случилась впервые.

На-до от-до-хнуть!

Угасал день двадцать девятого января тысяча девятьсот сорок четвертого.

Возвращение

Меня не исключили из списков полка, хотя прошло более месяца после ранения, а возвращение в полк свелось к формальности: представиться командиру и вступить в прежнюю должность. Шир-

газин болел, я доложился капитану Каченко, от него же принял свою батарею.

Теперь он возглавил нашу группу, замещая комдива.

Задание простое: найти стрелковый полк соседней дивизии и обеспечить его артиллерийской поддержкой в течение следующего дня. Положение полка на карте показано капитану — на расстоянии двух-трех километров от огневых позиций дивизиона.

Поздний мартовский вечер. Следуем гуськом: впереди Каченко, потом я и младший лейтенант Карпюк — новый командир взвода. С нами — взвод управления батареи, два или три связиста из дивизиона. Мои телефонисты разматывают за собой провод.

Ведущий — капитан Каченко — сразу почему-то взял влево от основного направления. Или чтобы обойти болотце с кустарником в глубоком снегу, или из соображений тактического порядка.

За болотцем вышли на косогор, пошли по снежному полю и... начали блудить. В темноте наткнулись на группу построек. Оттуда круто сменили направление направо не на 90, а на все 120 градусов, исправляя ошибку.

В сером сумраке наступающего утра заметили в стороне темное пятно сарая с крутой крышей, размотав к этому времени почти весь провод. Там нашли командира стрелкового полка и его пехоту.

Каченко ушел доложить о прибытии командиру полка в землянку, а мы остались в неглубокой яме перед нею. Землянка неудобна, она обращена входом в сторону противника, до ее входа нужно добираться ползком. Ее вырыли немцы и оставили, отойдя на 200—250 метров дальше на гребень. Неглубокая яма между землянкой и сараем около

десяти метров в диаметре стала нашим НП. Стоя на коленях, можно наблюдать за гребнем, где залегли немцы.

Но связи нет. На линию ушел телефонист полчаса назад и не возвращается. Я нервничаю. Подождав еще, отправляю на линию второго телефониста. Тот возвращается скоро:

— Линия уходит к немцам.

Вот это номер, думаю я.

— А ну еще раз — вдвоем.

Два телефониста, вернувшись, докладывают:

— Хутор, где были мы ночью,— у немцев. Линия уходит к хутору.

Петлю на хутор мы действительно сделали. И как не нарвались на немцев? На телефон рассчитывать нечего. Говорю радисту:

— Давай связь с ОП.

— Связь есть.

Я последовательно передаю команды на ОП. Это нудная штука: радист повторяет за мной команду из короткой группы слов, говорит «прием», выслушивает эти слова радиста на ОП и продолжает передавать следующую группу. Добрались до последнего слова — «огонь». Но передать его не успели. Вместо нашей батареи огонь открыла немецкая — по нам. Снаряды ложились перед землянкой, за нею, по сторонам. Содрогалась вся площадь перед сараем. Мы замерли, боясь попадания в яму. Немцы видели здесь движение и правильно выбрали участок — на нем командный пункт полка.

После первых залпов огонь продолжался минут пятнадцать. Фрицы подошли ближе.

Я к радисту:

— Давай!

Радист крутит ручки, слушает, но не слышит ничего — рация молчит. Потом трогает проводки,

осматривает коробки и находит на боковой стороне рации пробоину. Как осколок угодил в рацию? Она находилась в яме.

Над нами интенсивный огонь из стрелкового оружия. Что делать? Без связи я нелестно думаю о ночном предводителе, по вине которого половину своей линии мы занесли на территорию противника. А соединить концы нечем.

Карпюку:

— Как хочешь — организуй связь. Сматывай концы здесь и от ОП, прокладывай линию по прямой.— Видя растерянное лицо командира взвода, добавил: — Это приказ.

Младший лейтенант шевелится: кого-то отправляет на огневую позицию, с кем-то идет сам позади лежащей цепи пехотинцев. Вернее, не идет — ползет.

Я тоже ползу от нашей ямы к землянке командира полка. Там Каченко, ему нужно обо всем доложить.

В землянке восемнадцать — двадцать квадратных метров площади, высота — в рост. У дальней стены от входа — командир полка, подполковник. Он в распахнутом полушубке, под которым видны ордена. Каченко стоит справа от него. Увидев меня, спрашивает:

— Что нового?

— Связи нет, почти всех отправил на линию. Рация разбита.

Он ничего не говорит, я не могу понять его реакции, здесь полумрак и много народу.

При входе слева на земляном полу вверх лицом лежит рослый человек. Он ранен. Ему тяжело — пуля прошла через голову на уровне глаз под основанием черепа сбоку.

— Это начальник разведки полка старший

лейтенант Румянцев,— говорит Каченко.— Схватил пулю в двух метрах от землянки. Наблюдал. Снайперская работа.

Румянцев бормочет что-то, слов не понять, он без сознания. Около него медицинская сестра хлопочет на корточках. Стоны лежащего бередят нервы всем.

— Дайте ему водки, что ли, может, очнется,— приказывает подполковник.

Медсестра уходит вглубь, потом возвращается и в полуоткрытый рот раненого льет из стакана водку. Тот инстинктивно противится, водка стекает по щекам на затылок. Стон усиливается, но сознание не возвращается.

Я стою у входа напротив Румянцева. Мимо то один, то другой приходят и уходят курьеры из батальонов. Связь с батальонами — через них. Они докладывают обстановку на своих участках и тут же получают распоряжения:

— Один взвод пулеметной роты на правый фланг...

— Пэтээровцам занять позиции слева...

— Саперам заминировать дорогу...

— Показать цель батарее сто двадцать, пусть поработают...

И так далее. Как в кабинете председателя колхоза, распределяющего жатки и жнецов во время уборочной страды. Командир почти не обращается к карте, раскинутой на столике адъютантом, голос его четок; сюда приходят и уходят отсюда — как часовой механизм. Люди делают необходимое и привычное дело.

Стоны раненого бередят душу. Едва ли он очнется, этот красивый белокурый офицер. Ему плохо. Вынести из землянки и доставить его в тыл нельзя — землянка под обстрелом.

Сколько я пробыл здесь? Час, больше? Пора выходить.

Ползком — у входа, а затем, согнувшись,— к яме. Там сидят радист, разведчик Загайнов, телефонист.

— Что нового?

— Связи нет,— говорит телефонист.

— Вышел танк только что,— показывает Загайнов.

Обстановка накаляется, думаю я. Серое пятно танка пушкой обращено в нашу сторону. Не двигается и ждет второго?

Из стрелкового оружия немцы усиливают огонь. Слева от нас сперва один, потом второй поднимаются пехотинцы и, оглядываясь, не выпрямляясь в рост, начинают бег назад.

— Куда?! Вашу мать! — поднялся навстречу им командир.— А ну, по своим местам!

Мы кричим «ура». Как тогда в лесу, под Городком. «Ура» подхватывается всеми, кто рядом. Пехотинцы возвращаются на свои места. Они растеряны: атакующих нет, а кричат «ура».

Новый огневой налет. «Ура» обрывается, мы прижимаемся к передней стенке ямы. Я смотрю на сарай с пробоиной в крыше. Так вот откуда прилетел осколок в нашу рацию! Полевой сумкой закрываю голову, остальные части тела не столь существенны.

Налет кончился. Мы отряхиваем с себя землю.

На сарае новых пробоин нет. Рядом с ним стоит 76-миллиметровая полковая пушка. Но она молчит, расчета не видно.

Я сваливаюсь в землянку, говорю капитану Каченко:

— Там вышел один танк. Пехота может дрогнуть.

— Никуда не убежит пехота,— говорит капитан.

Медсестра, сев на запятки, прислушивается к раненому. Он затих.

— Скончался,— говорит сестра. Весть принимается молча.

— Отмаялся,— дрогнувшим голосом произносит сестра. Она складывает ему руки на грудь.

Я ухожу. Делать здесь мне нечего.

Из ямы снова смотрю на полковую пушку. Для чего поставлена — для мишени?

В яме появляется Карпюк.

— Связь восстановлена? — с надеждой спрашиваю его.

— Не хватило провода,— Карпюк смотрит куда-то в сторону.

— И что же: не могли найти, занять, украсть в конце концов? — ожесточаясь, начинаю ворчать.— Кто за вас будет это делать? Дядя?

— Я ранен, имею право покинуть...

Я удивляюсь: ранен, а ходит.

— Куда?

— Вот,— показывает на царапину над бровью.

Да, осколочное ранение, но не серьезное, даже не требует перевязки. Мелкая царапина, какую можно получить, продираясь через кусты. Во мне закипает злость: улизнуть хочет с переднего края, негодник. Хотя формально прав. Да и польза от него какая?

Подавляя себя, почти спокойно говорю:

— Валяй отсюда...

Младший лейтенант исчезает с глаз.

Я вспоминаю: Протопопов 13 июля прошлого года, стреляя прямой наводкой по танкам, тоже был ранен вот так же — царапина над бровью. Он не ушел с батареи — герой. О Карпюке этого не скажешь.

А почему молчит пушка у сарая? Она стоит близко. Я преодолеваю разделяющие пятнадцать-двадцать метров броском. За сараем — расчет, четверо в белых халатах. Вполне боеспособный расчет. Но артиллеристы прячутся за бревенчатыми стенами в стороне от пушки с опущенным козырьком щита.

— Что же не бьете по танку, ребята?

— Не возьмешь нашим снарядом в лоб.

— А вы попробуйте в гусеницу — порвет.

— Подойти не дают... Снайперы...

От пушки до сарая два метра. Если проскочить их быстро, снайпер не успеет нажать на крючок.

— Попробуйте,— говорю,— только быстро.

Крепкий дядя, похоже — наводчик, первым направляется к пушке. Идет по-крестьянски степенно, по-хозяйски. Звучит выстрел снайпера. Наводчик отпрянул назад, схватился за грудь. Он ранен. Кто-то смотрит на меня осуждающими глазами. Меня неправильно поняли: «быстро» не значит немедленно. Только теперь разница значений этого слова дошла до меня.

— Так нельзя,— говорю я.— А вы вот так.— Я делаю рывок к пушке, снайпер не успевает выстрелить.

Наклоняюсь к прицельному прибору у щита. Внизу под щитом до земли щель сантиметров двадцать. По ногам едва ли будет бить снайпер — не догадается. Как пушка управляется, я еще не разобрался. Я не видел полковую пушку вблизи и не изучал ее. Она отличается от дивизионной: вместо панорамы — визир, по-другому расположены рукоятки.

— Видите, проскочить можно, если быстро. А ну, кто-нибудь ко мне!

— Сейчас, товарищ капитан,— говорит один.

Он завысил мое звание, но я не поправляю — погон на полушубке нет, не все ли равно, кто я.

— Давай,— поощряю его.

Он так же перебегает два метра. Два других возятся с раненым товарищем. Секунды в моем распоряжении, чтобы понять. Под визиром — прицел, ниже — поворотный механизм и педаль спуска. Мой помощник заряжает пушку, я навожу перекрестие в основание танка. Если снаряд не долетит — увижу.

Нажимаю на спуск — выстрел. Снаряд перелетает яму, где сидят мои хлопцы, и рвется на ее краю — как только в них не угодил! У меня проходит мороз по коже.

— Стре́лки! Зарядишь — соединяй стре́лки! — подсказываю своему помощнику.

— Есть! — Он заряжает.

Теперь я жду, когда он сведет стре́лки подъемным механизмом. Ствол приподнимается.

Делаю выстрел. Разрыв у танка. Или по танку, или перед ним? Как лучше? Делаю два выстрела еще. В прибор вижу — танк зашевелился, сейчас должен ответить.

— В укрытие! — командую своему помощнику.

Мы исчезаем за углом сарая.

Я не знаю, что стало с танком, он остался стоять. И осталась целой пушка — танк не ответил. Может, что заклинило у него,— нам какое дело? Возможно, мы поторопились или даже струхнули, преждевременно уйдя в укрытие?

Но лица у солдат расчета повеселели, хотя один из них ранен.

— Пустяки,— заверяют меня новые друзья,— пуля прошла под ребрами, легкие не задела. Через месяц он поправится, товарищ капитан,— кивают в сторону раненого.

Тот мотает головой тоже, у него почти счастливое лицо — так легко отделался. Он соглашается: да, через месяц поправится.

— Хорошая у вас пушка, ребята,— сказал им напоследок.— А танк никуда не уйдет — мы разбили ему лапти.

Они поверили в свою пушку, думаю я, уходя в свою яму.

В яму нам принесли обед с ОП.

Успокоившись, я перекусил. Стало клонить ко сну. Там же, в яме, я привалился к стенке.

— Товарищ старший лейтенант,— трогает меня кто-то. Открываю глаза — передо мной телефонист, пришедший с батареи.— Вас вызывает командир нашего полка. Я провожу вас на его КП.

Зачем я ему понадобился? — размышляю по дороге. Ничем вроде не провинился, а со связью сегодня не получилось. Из-за отсутствия связи могу получить разгон основательный: батарея не сделала ни одного выстрела. Я на всякий случай думаю, как выкрутиться. Возглавлял нашу группу капитан Каченко, отвечать будем вместе.

— Давайте знакомиться,— сказал командир полка, протягивая руку.— Подполковник Никитин.

Глаза смотрят мягко, нет той заносчивости, что отталкивала нас от Мосолкина. Мосолкина нет — он ранен.

Пожав руку, Никитин пригласил сесть. У меня отлегло от сердца: вежлив.

— По моим каналам связи,— продолжал Никитин,— мне доложили из стрелкового полка...

Начинается, думаю я.

— Доложили, что вы сегодня... стреляли из полковой пушки. Да, стреляли — в пехоте говорят об этом.

— Только четыре выстрела, товарищ гвардии

подполковник. Первый был неудачным — не успел освоиться.

— Значит, все-таки стреляли. Хорошо сделали, показали пример пехоте. Артиллеристы не могут не стрелять из пушек. Этот танк подбит — спасибо за вашу работу. Но с утра вышел один танк, а сколько выйдет еще — мы не знаем. Поэтому сейчас возвращайтесь на ОП — и всей батареей на прямую наводку. Ни одного танка не пропустить — это моя просьба. Ни одного.

— Постараюсь...— совсем не по-военному бормочу я.

— Я надеюсь на вас,— продолжал командир полка.— Если и дальше будете действовать в том же духе, обещаю орден. Договорились?

Я встаю.

— Слушаюсь, товарищ гвардии подполковник.

По дороге на ОП размышляю: приятно, когда просят, не приказывают, а просят. И обращаются чуть ли не по имени-отчеству. Это стиль командира, или не успел еще стать он другим?

Еще светло, незамеченным не подъедешь, элемент внезапности исключается, и — уцелеет ли батарея? Шишек насобирать можно. Но приказ есть приказ, хотя и выглядит просьбой. Его надо выполнять. И не за обещанную награду, а по обязанности.

Чувствую: устал, разболелась голова, снова заныла правая рука. Первый после госпиталя день показался трудным. Обычный в общем-то день. Сумею ли в таком состоянии? Буду действовать по обстановке.

На ОП народ бодрый — бездельничали весь день, не устали. С ними Карпюк, без повязки,— хоть этим-то не смешит людей.

Сергееву:

— Снимайтесь на прямую наводку. Сейчас.

Но кто-то бежит из дивизиона, предупреждает:

— Не торопитесь. Обстановка меняется.

Задачу выполнять не пришлось. С наступлением темноты немцы оставили позиции. Мы выстроились на дороге в походную колонну и двинулись следом.

Я не знаю, кто вел колонну на этот раз — капитан Каченко или кто-то другой. Я спал всю дорогу.

Пятый удар

1944 год ознаменовался серией сокрушительных ударов Красной Армии, к этому времени полностью овладевшей инициативой. Освобождение Белоруссии и Литвы последовало в ходе операции, названной ударом пятым [1]. На западе 6 июня союзники высадились в Арденнах — наконец-то был открыт второй фронт!

Участок мы заняли правее автомагистрали Москва — Минск, километров двадцать северо-восточнее Орши. Орша — в руках неприятеля. Поблизости населенных пунктов нет. Ориентировались по большому торфяному болоту с пометками на карте — Осинстрой и Ласырщики. От немногих дворов, составлявших Осинстрой и Ласырщики, не осталось видимого следа, местность казалась совершенно безлюдной, но от осевших в блиндажах и окопах чужеземцев велся методический огонь. Мы не рисковали ходить открыто.

Наблюдательные пункты на глинистом косогоре значительно выше болота, но и они на сыром месте. На глубине метр-полтора начинала сочиться вода, заливая окопы. Вода вычерпывалась и сливалась

---

[1] Всего их было десять.

за бруствер. В траншеях сухой ногой не пройдешь. Но не везде — мой НП на сухом месте.

Передний край посещался большим начальством.

Под комбинезонами цвета хаки выделялись жесткие погоны, на головах — фуражки с золотыми кокардами. Это генералы. Офицеры не носили тогда кокард, а на фронте и фуражек, считавшихся признаком щегольства.

Посетители ходили по тем же траншеям, что и мы, подвергались одинаковым опасностям. По-человечески трудно сохранять хладнокровие под огнем, неся в памяти многое из того, чего не знали простые солдаты.

Промышленность огромного континента по обе стороны фронта поставляла всякие виды средств уничтожения, которые стреляли, рвались, вздымали землю. Теоретические расчеты штабов, справки и карты с нанесенной обстановкой здесь обретали зримую осязаемость, реальную угрозу всем, кто попадал в зону их действия. Штабные выкладки дополнялись яркой картиной увиденного и прочувствованного за короткие часы посещений.

У немцев из недалекого тыла стреляло орудие большого калибра. Это была гаубица или мортира.

— Опять трамвай полетел,— говорили в окопах.

Снаряды неведомого нам калибра выворачивали воронки глубиной до двух метров и походили на те, что оставляли после себя крупные авиационные бомбы.

Одна большая воронка неподалеку после прошедших дождей заполнилась водой. Воды много и в землянках, но эта — чище, хотя и мутна от глинистого раствора. Ее использовали для умывания и других нужд. Ни ручьев, ни колодцев поблизости

не было, а болото — на пятьсот метров вправо — было сомнительной чистоты.

Какой-то солдатик из пехоты, как предполагали мы потом, был подстрелен у воронки и плашмя упал в нее. Раненый, он захлебнулся, наверное. Солдатские ботинки и ноги в потемневших обмотках погрузились в глинистое ложе воронки, постепенно исчезли в ее глубине. Еще долгое время брали оттуда воду, пока не показались подошвы солдатских ботинок. Посещение этого водоема прекратили.

Назначена разведка боем. За день до нее нас изгнали со своего НП — в нем поселилось большое начальство. Не велика шишка, сказали мне, посидишь и в траншее. Примерно так обосновано это распоряжение.

Было обидно. Пехота успела приспособиться, вычерпывая из землянок жижу, перекрывая чем-то канавки, куда вода стекала, а мы приспособиться не успели. Мы только отрыли пару ячеек, кое-как избавляясь от возникавшей в них грязи и вспоминая прежний свой сухой НП и прочный на нем блиндаж.

Нам еще раз напомнили об очень скромном положении в многоступенчатой служебной иерархии. Да и боевая единица наша представлялась теперь величиной, стоящей в конце десятичной дроби после нескольких уменьшающих нас нулей. Она стала ничтожной в сравнении со всем, что здесь поставлено. Мы не видели отсюда ни своих, ни противника, а только небольшой кусок земли, уходящий вверх к немецким позициям.

А перед началом разведки пробарабанили по ранее пристрелянным участкам — именно так подумалось о залпах батареи — и, не увидев ничего нового и даже того, что видели раньше, эту развед-

ку не могли считать эффективной. Наша доля в огневом налете по гитлеровцам была лишь частичкой в общей канонаде, крупицей, расчищающей путь для атаки. Мы сами шли за атакующим батальоном и сделали все, что было по силам.

Враг огрызался всеми средствами, и атака не принесла успеха.

Батарейцы чудом уцелели тогда, так как попали под огонь минометов со стелющимися по земле осколками и, заскочив в плохо перекрытую неглубокую яму, пересидели в ней. А потом пошли дальше, разматывая за собой кабель.

Навстречу, утопая в жидкой грязи по локоть и по карманы порванных шаровар, полз на четвереньках раненый — ноги его были окровавлены, и встать на них он не мог. Он выбирался наружу и спрашивал дорогу, одолевая лабиринт нескончаемых окопов...

Не были успешными и первые дни — 23 и 24 июня, когда началось наступление,— бои увязли в первой полосе обороны.

Но слабое место было найдено — справа, на границе с болотом. В эту горловину вошел наш полк и другие наступающие части. Здесь мы вырвались в тылы тактической зоны оборонявшихся, устремились в оперативную глубину. 78-я пехотная дивизия врага оказалась под угрозой окружения и снялась со своих позиций. Ее остатки пошли параллельными дорогами следом за нами.

В апреле дивизион первым в полку получил американские автомобили фирмы «студебеккер», дополнив наш лексикон новым словом. Мощные грузовики стали артиллерийскими тягачами, заменили лошадок, переданных в освобожденные колхозы. Теперь орудие петлей станин набрасывалось

на крюк «студебеккера», длина танспорта укорачивалась. Ящики со снарядами складывались в кузов, расчет садился на сиденья по бортам кузова.

Батарея стала компактной, скорость передвижения возросла. По просохшим рокадам мы приобрели навыки вождения машин в колонне.

Бои проходили в глубине тактической зоны. Сопротивление противника слабело. Пехота овладела деревенькой, стоящей на взгорье, рядом с которой раскинулось немецкое кладбище с ровными рядами крестов, с вкраплением косо повешенных касок. Могил было несколько сотен.

Мы прошли мимо безмолвного немецкого кладбища, вышли на автомагистраль. Дорога пока пустынна.

Собравшись дивизионом, катимся в сторону Борисова. Это уже «оперативный простор».

Через несколько километров попадается танк Т-34. Его ремонтируют — ставят трак. Танкист, старший лейтенант с орденом Красного Знамени на гимнастерке, без комбинезона и без шлема, чем-то напоминает Василия Теркина в иллюстрациях О. Верейского — те же веселые голубые глаза, белозубый рот и русый чуб на вспотевшем лбу.

Обмениваемся несколькими словами.

Смелее, артиллерия, дорога очищается доблестными танкистами!

Майор Ширгазин и начальник разведки дивизиона лейтенант Швенер с группой солдат пересели в открытую легковую машину, оставленную немцами, и укатили вперед. За баранкой — лихой Швенер. Машина обвешана людьми, как гроздьями.

Колонна движется, рассекая освещенное солнцем пространство. Давно не ездили с таким ветер-

ком, тем более днем, по асфальту. Наши «студеры» ненасытно подминают мили отличной дороги, в их животах булькает бензин. Они бегают не хуже, чем мустанги по прериям. За кузовами катятся легко подпрыгивающие пушки и гаубицы.

Попадается колонна разбитого немецкого обоза. Не колонна, а то, что от нее осталось. От разбитых догорающих останков, превращенных в хлам, поднимается вверх дымок. Мусор разбросан на добрую сотню метров вдоль дороги. Со старшим лейтенантом Сергеевым проходим вперед, чтобы представить, что произошло. Немцы удирали из этих мест поспешно, теряя пожитки и награбленное, еле успевая уносить ноги...

Навстречу торопится мужичок неопределенного возраста в темной ветхой одежде. Наш интерес к учиненному разгрому отвлекается словами подошедшего селянина, не по времени года бледно-желтого, будто вышедшего на свет благоухающего июня из постоянных сумерек и тени:

— Дорогие... Освободители наши... Заждались вас... Низкий вам поклон.

— Здравствуйте, отец. Пришли, конечно. Долго собирались... но вот... Спасибо за встречу.

— Фашисты столько извели нашего народу, сгубили...

Он готов рассказать много или даже все, но мы поглядываем на свои машины. Лицо этого взволнованного человека выражает сложные чувства радости и пережитого горя, в которые мы пока не вникаем. Тяжело смотреть в его лицо, хотя ни вины перед ним, ни личных заслуг мы не чувствуем. Прощаемся. Мужичок этот, местный житель, будет стоять здесь и ждать наше войско, его большие силы, которые следуют где-то за нами. А нам вперед теперь, только вперед!

Командир дивизиона получил радиограмму: «Обеспечить захват и удержание станции С. до прихода главных сил». Указаны координаты.

— Интересно сказано: обеспечить. Не захватить, а обеспечить. А кто будет захватывать? Пехота? А где она? — кипятится Ширгазин.— Пошли. Возможно, она ждет нас.

Вперед послали Швенера и его разведчиков. Сами на малой скорости покатились следом, свернув на поселок влево от шоссе. Впереди четвертая, затем шестая и пятая батареи.

Шесть километров прошли, не услышав ни выстрела.

На станции у переезда справа — подготовленные для обороны двойные заборы из бревен с помостами. Немцы соорудили их, готовясь дать бой русским, но мы опередили.

Ни немцев, ни нашей пехоты нет. Четвертая батарея развернулась за переездом, шестая — у него, а пятая осталась по другую сторону железной дороги. Дивизион сел на перекресток двух дорог: железной и проселочной.

Батарейные кухни, пользуясь остановкой, раскочегарили свое производство. По избам испуганные женщины не переставали удивляться — откуда взялись? Были немцы, а теперь русские.

С юга, миновав ржаное поле, по проселку подошла группа юношей и подростков с немецкими автоматами, человек двенадцать. Старший из них похож на звеньевого в колхозе — на нем кепка, вельветовая куртка, брюки типа галифе, сапоги. Но здесь он — командир партизанского патруля.

Обмениваемся информацией. Они тоже не знают, где противник,— все стронулось, обстановка меняется ежечасно. Они повернулись и исчезли. Пока все тихо — мы обедаем. После обеда соби-

раемся вернуться на шоссе, укладываем в машины имущество и снаряды, кто-то подцепил пушку на крюк «студебеккера», другие готовятся это сделать.

Находясь в сутолоке сборов, я обратил внимание на женщину, бегущую к нам от места на проселке, где встречались с партизанами.

Она протягивает вперед руки и кричит:

— Немцы!

Одно только слово:

— Немцы!

Сзади, нагоняя ее, катит грузовая машина, битком набитая солдатами. Серые комья солдат облепили машину и с боков, как репей, удерживаясь на ее крыльях и на подножках.

— К забору! — крикнул я своим из взводов управления четвертой и шестой батарей, находившимся рядом. Огневики продолжали сборы.

Немцы остановились. Они не знали, кто мы, не определили. От них до нас — не более ста метров. Управленцы встали за двойным забором из бревен.

— Огонь!

Кто-то выстрелил. Потом еще.

Немцы соскакивают, прячутся за кузов, машина их прикрывает. Но в кузове еще много. Управленцы поняли, что это за встреча, но огонь их неэффективен.

Сбоку... сбоку от машины, справа,— мое орудие, оно почти рядом! Почему не видит расчет? Туда! Подбегаю:

— Огонь!..

Кто-то заряжает, я у панорамы ставлю угломер 30-00, навожу в центр кузова, нажимаю на спуск...

Снаряд рвется в двадцати шагах, а до машины пятьдесят. Эх! Чего же там копошатся остальные?

— Стре́лки! Где второй номер? Соединяй стре́лки!

Немцы разбегаются. А такая компактная цель была — человек тридцать плюс машина!

Второй снаряд посылает уже расчет, он поджигает машину, угодив в бензобак. Но фрицы от машины ушли, залегли во ржи.

Я к другим:

— К бою! Не видите?

Короткое замешательство: только что собирались, и...

За первой немецкой машиной к станции подошла целая колонна. Сколько их? Много.

Они тоже еще соображают: что происходит?

По голове колонны открыла огонь гаубица капитана Сурмина, не успевшая сняться с позиции. Задние попятились, свернули с дороги, пошли в обход станции по полю.

Но теперь четвертая батарея готова, все орудия ведут огонь.

Я к забору опять — не очень-то активны управленцы.

— Огонь! Чего ждете? Дай-ка карабин, Иванов.

Иванов дает карабин. Я прицеливаюсь в серое пятно во ржи, слева от горящей машины. При выстреле пятно приподнимается и тут же падает: есть!

— Видели? Прицеливайтесь спокойно.

Управленцы усиливают огонь, бьют по перебегающим фигурам.

Иванов вдруг никает. Пуля попала ему в голову.

Немцы катят направо, под огонь моей батареи. Я туда.

— Обходят, товарищ капитан!

Сам вижу, что обходят.

— Бейте по легковушке — впереди. А потом по задним.

Командиры орудий сами выбирают цели перед рощами на расстоянии 400—500 метров. Там экипажи покидают машины, скрываются в кустах. Теперь огонь переносим на заросли, чтобы не дать очухаться, собраться...

Что делается сзади и на левом фланге — я не вижу, я слышу работу батарей Федяева и Сурмина. У них тоже «весело». Между выстрелами возникает такое естественное:

— Ура-а-а-а!..

Это майор Ширгазин повел в атаку взводы управления. Они бегут вдоль проселочной дороги, скрываются за домами во ржи.

Взводы управления выполняют роль пехоты: очищают и рожь, и остальную местность от живой силы врага.

Появляется сержант Загайнов, приводит первых пленных: трое. Один ранен. Он смеется — такой веселый немчик — и прихрамывает. Он еще разгорячен боем — и беготней, и переполохом.

— Санинструктор, перевяжи,— говорю я Кирюхину.

Кирюхин занимается перевязкой, а Загайнов уходит к своим.

Связисты и разведчики при столь мощной поддержке своих батарей отлавливают укрывшихся во ржи фрицев:

— Хенде хох!

Фрицы покорно встают, поднимают руки:

— Гитлер капут...

Это вроде пароля между двух враждующих армий. Они сдаются в плен.

Солдатик из шестой батареи, я не знаю его фамилию, небольшого роста, ведет с карабином наперевес дорожного фельдфебеля с сумкой через плечо — он и выше и толще солдатика раза в два.

Останавливаются около нас. Солдатик считает дело оконченным, лезет в карман за кисетом. Но его пленник вдруг пускается наутек.

— Хальт! — кричит ему солдатик и устремляется следом. И стреляет не целясь. Тот падает.

— Дурак! — заключает солдатик.

Пуля прошла через затылок.

Теперь управленцы возвращаются к огневым позициям с пленными. У каждого по несколько человек. Но наши отличились: мы насчитываем девятнадцать. А всех дивизион взял более тридцати. Куда с ними?

Майор Ширгазин приказывает:

— Лейтенант Карпюк! Пленных отвести на шоссе, сдать под расписку.

Карпюк берет трех автоматчиков, по одному от каждой батареи, и уводит невеселую процессию. Не так уж невеселы пленники, некоторые, наоборот, рады.

Огневики — у орудий. А управленцы исследовали уже содержимое машин, несут оттуда трофеи. Особенно богаты они в головной легковушке, осевшей на поврежденное колесо. В ней набор вин и крепких напитков. Ехало командование...

Кто-то говорит:

— Там слышен рокот моторов...

Сообщение вносит тревогу. Что там, подходят танки?

Ширгазин докладывает обстановку командиру полка и просит поддержку танкистов. Появляется капитан Каликов, начальник разведки. Ему говорим то же.

Наше внимание уже растрепано, нам кажется трудным собрать себя и дать отпор танкам врага. Снарядов осталось мало. Пусть помогут танкисты. Шесть километров — не расстояние. Мы остаемся

в готовности и... угощаемся трофеями — в горле в общем-то пересохло.

Хорошие вина оказались в машине батальона 78-й пехотной дивизии, французские и венгерские.

Подошел танк — огромный КВ. Поутюжил землю на станции. Никаких танков врага поблизости нет. Ну что ж, они поурчали в стороне и ушли в другое место. Там с ними и встретимся.

Шумный день переходил в неспокойную тишину, в неулегшуюся тревогу летнего вечера. Танк постоял около нас, потом прошелся несколько раз взад-вперед, поурчал мотором. И ушел.

Мы хоронили погибших. На месте гибели, у дороги. Шесть человек, шесть солдат. Почти весь расчет гаубицы, преградившей путь колонне немцев, и один — гвардии рядовой Иванов — из взвода управления. Солдаты попали под огонь сбоку, когда подъехала машина немцев, артиллеристы не успели развернуть тяжелую гаубицу, прикрыться ее щитом...

Мы постояли над холмиком. На маленьком обелиске с фанерной звездой перечислены воинские звания, фамилии.

Доблестные сыны Родины. Были вы добросовестны и неутомимы на своем солдатском пути, выполняя воинские обязанности. И заплатили самую большую цену за всех нас — станция в наших руках. Хорошее название у нее, ставшей для вас последним пристанищем. Доблесть и отвага, окрылявшие ваш ратный труд, соединены в одном слове, в названии станции — Славное.

Сюда придут красногалстучные пионеры из будущего, к этому холмику у переезда, поднимут руки в салюте. Должны прийти и отдать вам почести в праздник Победы. Мы надеемся — такой праздник будет.

Продвижение по Минскому шоссе дальше было столь же стремительным. Но теперь дорога заполнена войсками. По ней движутся машины, самоходки, конные повозки, всадники верхом на лошадях... В движущейся массе воинства — пятнистые маскировочные халаты из легкой хлопчатобумажной ткани, выгоревшие гимнастерки, разноликий люд со скатками шинелей и без них, рюкзаки, противогазы, оружие. Здесь пехотинцы, минометчики, артиллеристы, представители других родов — кажется, все перепуталось в движении вперед, к переправам через реки Бобр и Березина.

От плотной стены соснового леса справа, отстоящей от дороги метров на триста, отделяются двое. Они идут рядом, шагают в ногу, почти торжественно, с поднятыми руками. Это немецкие солдаты, они хотят сдаться в плен. Их видят, но никто не останавливается — впереди дела важнее, чем прием военнопленных.

Дивизион обгоняет тихоходные обозы, вырывается вперед и набирает скорость. Мы опять впереди, в контакте со своей пехотой, посаженной на машины.

Каждая задержка отзывалась досадой. Перед заслонами разворачивались в боевой порядок, действовали, собирались в колонну снова и двигались дальше.

28 июня во второй половине дня подошли к реке и местечку Бобр. Контратакой, поддержанной танками, остановить лавину войск немцам не удалось. Попытка задержать повторилась через десяток километров на восточной окраине Крупки, но также оказалась неудачной.

На восточный берег Березины вышли утром 30 июня. Это еще не Березина — реку не видать, она закрыта лесом. Из леса — встречный огонь.

Заслон был сбит, к 12 часам мы были у реки.

Форсирование реки требовало специального времени на подготовку.

Деревня Большие Ухолоды к северо-востоку от моста давала обильный материал для подручных плавсредств — мост через реку наполовину взорван. На той стороне, на 700—800 метров от русла, чернели свежие следы окопавшейся на высотах немецкой пехоты. Небольшой островок у моста, сам мост и наш берег — под непрерывным методическим огнем артиллерии и минометов.

Переправу и захват плацдарма поручили батальону из 252-го гвардейского стрелкового полка, полка майора Яблокова.

Пока артиллеристы вели пристрелку, пехота готовила подручные средства, непотопляемые опоры для пулеметов и для тех, кто плохо держится на воде.

Саперы готовили понтонную переправу.

Преодолевая огонь, в 16.00 батальон форсировал реку у моста.

Появилась немецкая авиация, встреченная зенитчиками. Прицельного удара нанести ей не удалось, но она разогнала всех, кто мог подождать в стороне.

Появились наши истребители и штурмовики. Теперь они висели над переправой.

Пойма и заболоченные участки, поросшие камышом, скрывали высадившуюся на тот берег пехоту. Интенсивный пулеметный огонь немцев проходил высоко над ее головой.

В 18.00 началась артиллерийская подготовка, длившаяся 40 минут. Огонь велся по траншеям и по огневым точкам, по шести орудиям, выявленным наблюдателями.

Огонь артиллерии, минометов и авиационный

штурм ослабили ответный огонь противника, сделали его неприцельным.

Рота старшего лейтенанта Притулы первой форсировала реку, заняла небольшую высоту, находившуюся недалеко от берега. Она закрепилась там, открыла ружейно-пулеметный огонь по противнику, контролируя всю долину реки, дала возможность переправиться другим подразделениям.

Артподготовка обеспечила успех первой атаки, развивавшейся на северо-запад в сторону окраин и самого города Новоборисов.

В ночь с 30 июня на 1 июля противник был разгромлен, оставшиеся очаги сопротивления ликвидированы. Город Новоборисов, наиболее крупная часть Борисова, полностью очищен от противника. За другую половину города на восточной стороне реки закончила бой соседняя 5-я гвардейская стрелковая дивизия нашего 8-го гвардейского корпуса.

83-я гвардейская стрелковая дивизия за этот бой награждена орденом Суворова второй степени.

Мы в город не входили.

При воздушной бомбежке перед Березиной пострадало одно орудие четвертой батареи, транспортировать его оказалось невозможно. Сдать орудие при подходе артмастерских поручили командиру второго огневого взвода младшему лейтенанту Молочнюку, оставшемуся с двумя солдатами.

В качестве неполноценной компенсации мы уничтожили до этого противотанковое орудие немцев на правом берегу Березины, мимо которого теперь прошли и потрогали его руками. Потрогать руками наше орудие немцы возможности не получили.

Без тягачей

После Борисова автомагистраль отклоняется чуть влево, на Минск, а полоса движения 83-й дивизии прошла севернее столицы Белоруссии примерно в 20 километрах. Дивизия следовала во втором эшелоне корпуса. Минск, освобожденный левыми соседями 3 июля, оставался позади, на юго-востоке. Передовые части продолжали стремительное наступление, не давая гитлеровцам опомниться, очнуться от поражения.

Из штаба полка пришел приказ: передать «студебеккеры» третьему дивизиону. Дивизион майора Маркина до сих пор не переведен на механическую тягу, понес потери в лошадях и тащится где-то сзади. Передача временная — чтобы подтянуть отставший дивизион.

От Ширгазина взяли 12 машин, в том числе 6 из нашей батареи. Нашей батарее вместо тягачей прикомандировали полуторку ГАЗ-АА.

Мы оказались вроде бы без дела — вся четвертая, одна гаубица шестой и несколько человек из взвода управления дивизиона во главе со Швенером. Комдив с остальным составом ушел вперед, связи с ним не было.

Разместились в отдельной лиственной рощице между двух полян. За левой поляной плотной полосой, окаймленной зарослями кустов, уходил на запад сосновый лес, заканчиваясь километра через два. А к правой примыкала рожь. Вынужденная остановка была затишьем, паузой, она не принесла полного отдыха. Опасность стычки с немцами, не успевшими унести ноги и рассеянными теперь по освобождаемой территории, заставила вести круглосуточное наблюдение.

Солдаты вылавливали фрицев в кустарниках, во

ржи и в лесных зарослях. За два дня насобирали четырнадцать человек. Им отвели место, выставили пост. Пленные отсыпались, были спокойны, играли на губных гармошках.

Вечером пленников накормили.

— Данке шён, данке шён...

— Чего там, ешьте, потом отработаете...

А ночью — усиленные наряды. Мы с Сергеевым дежурим поочередно: он до 24.00, я — после.

Ночь прошла неспокойно — лес казался наполненным скрытым движением. Старший сержант Старовойтов, командир орудия, обходил секреты, справлялся, как дела. Дела были в общем-то ничего, но подозрительный шорох или хруст сухой ветки отмечался то в одном месте, то в другом. На батарею никто не вышел.

В первом часу ночи Старовойтова сменил сержант Загайнов. Теперь постовые докладывали ему:

— Пока все спокойно.

— Прошел кто-то метров семьдесят отсюда...

— Не видать пока. Зябко становится...

— Эти дрыхнут как сурки.

— Не беспокойся, командир, не прозевам...

Часов в пять утра стало светло, видимость увеличилась, напряжение спало.

— Отдохну немного,— говорит Загайнов и ложится на траву рядом. Под головой — свернутая плащ-палатка.

Мне тоже хочется спать: время — для самого крепкого сна. Я перебарываю дремоту, закуриваю. Загайнов уже спит, лицо его бледно от бессонной ночи.

Незаметно подошел рядовой Синчук:

— Товарищ капитан, прошла группа человек пятнадцать, совсем близко.

— Загайнов!

— Я.

— Поднимай взвод управления, перехвати эту группу.

— Как неохота, товарищ капитан, только заснул...

— Надо. Будь осторожен.

Загайнов поднимает взвод, исчезает с ним за кустами.

Бужу Сергеева:

— Большая группа — человек пятнадцать. Поднимай огневиков.

Метрах в ста пятидесяти от нас завязывается перестрелка. Покой и тишина утра нарушены автоматными очередями.

— Тревога! В ружье!

Огневики устремляются к месту перестрелки.

— Выкатить орудие на прямую наводку!

Ближнее орудие — гаубица шестой батареи. Выкатывают гаубицу, разворачивают по направлению стрельбы.

Я бегу к Загайнову — он отделился от сосны, собирается одолеть лощинку, за которой в молодом сосновом подросте скрылись три или четыре вражеских солдата. Навстречу из зарослей — автоматная очередь. Снаряд гаубицы летит туда, рвется, вздымая купол земли.

Загайнов остановился. Упасть ему не дали — его подхватил кто-то и опустил на землю. Еще разгоряченный бегом, он растерянно улыбнулся, потом улыбка стерлась, глаза стали отрешенными.

— Кирюхин!

— Я здесь.

— Займись...

У мелких зарослей сосняка лежит недвижный фриц, никого больше нет. Гаубица делает выстрел в глубь леса, дальше.

— Прекратить огонь — туда пошли наши. Наши пошли в преследование...

В руках Ясенева трофейный автомат. На две-три секунды останавливаясь, он посылает короткие очереди. Потом бежит дальше. Синчук становится на колено, целится, экономит патроны. Загораживаясь соснами, ведут огонь другие.

Ясенев выпрямился в полный рост и, падая вперед, дал длинную очередь.

Бой затих в глубине леса, освещенного сверху солнцем. В этом бою в ход было пущено все, что оказалось под руками,— от автоматов и карабинов до гаубицы.

Неожиданно для себя мы встретили решительное сопротивление вместо поднятых рук, к чему привыкли, вылавливая одиночек или мелкие группы. А здесь всем подразделением сражались с пятнадцатью фашистами. И понесли потери.

Убит Ясенев. Не верилось в смерть Загайнова.

Смерть Семена Загайнова была столь нелепа и ошеломительна, что события, как киноленту, хотелось прокрутить в обратную сторону и испробовать другой, более удачный вариант.

Уже высокое солнце, а кажется — только что все началось.

На плащ-палатках принесли Загайнова и Ясенева, а потом и Швенера — он ранен. Пуля прошла через коленный сустав правой ноги. На плече гимнастерки Крюкова темное пятно крови. На других нет видимых следов нашей неудачи. Эту группу задержать так и не удалось.

— Мякоть,— поморщился Крюков при перевязке.

Перевязку сделали и Швенеру, наложили шины.

Он сидел на земле, когда привели захваченного в плен фельдфебеля, отставшего от своих в перестрелке. Фельдфебель приземист, костист, без головного убора. Беспокойные глаза блестят, оценивающе озирают нескольких солдат около Швенера. Со лба стекают грязные струйки пота. Кобура от парабеллума расстегнута, она пуста — пистолет выброшен или потерян.

— Стрелял до последнего, паршивец,— говорит старший лейтенант Сергеев, подошедший вслед за конвоем. Он тоже возбужден от погони и перестрелки.

Швенер лучше других знает немецкий. Он ведет допрос:

— Кто проходил лесом?

— Сводная колонна офицеров рейха под руководством оберста Швабе.

— Сколько человек?

— Триста...

— Повторите, сколько шло людей?

— Около трехсот офицеров и унтер-офицеров...

А Синчук доложил о пятнадцати... Мы вели бой с арьергардом колонны или ее боевым охранением. Численный перевес был на их стороне. Что-то похожее на разочарование, на признание закономерной неудачи промелькнуло на лицах солдат, готовых разойтись по лагерю...

Я отдал приказ: сержанту Кирюхину на полуторке доставить раненых в Ярмаки, сдать в медсанбат. Старшему сержанту Старовойтову передать пленных ближайшему штабу по дороге на Ярмаки. Под расписку. Старшему лейтенанту Сергееву подготовить захоронение погибших.

В Литве

Литовские деревни были раздроблены и разбросаны по полям отдельными усадьбами. На топографической карте черные обозначения усадеб напоминали брызги от случайно брошенного в грязь предмета. Конец какой-либо деревни был условен, тут же переходя в другую. Посевы начинались у стен одного хозяйства и продолжались до следующего.

Созревающие посевы превращались в средство маскировки, прикрывая маневр подразделений и отдельных солдат, и потому частично были перетоптаны и примяты. А скот, оставшийся без присмотра в опасной зоне боевых действий, побит шальными осколками, огнем сражающихся сторон. Не сразу убирались трупы людей и животных, прикрытые посевами, а знойный воздух жарких июля и августа отравлялся запахами разлагающихся тел, между которыми летали косяки черных мух.

Наш полк введен в бой 7 июля, а мы догнали его позднее — на рубеже шоссейной дороги, идущей из Вильнюса на юго-запад.

Тревожное пребывание в тылу наступающих частей, ушедших от Ярмаков на несколько десятков километров, сменилось настроением покоя и относительной безопасности — мы отдыхали все-таки. А теперь — работа. Нужно снова одолевать себя, собирать и завязывать в тугой узел нервы. После покоя началась жаркая страда.

Заканчивался бой за Ораны — местечко у реки Меречанка, протекающей через мелкие и крупные лесные массивы. Железнодорожная станция того же названия отстояла от местечка на четыре километра к югу.

Вот рассказ одного офицера из штаба стрелкового полка. Он говорил о схватке за станцию Ораны.

Туда вошел неполный стрелковый взвод, человек десять — двенадцать, еще утром 13 июля и встретил немецкую контратаку. Туговато пришлось этим людям. Солдаты выбывали из строя. Ранило лейтенанта, командира взвода. Наскоро перевязанный, он лег за пулемет вместо сраженного пулеметчика и держал под огнем все пространство от окраины до центральных построек. Его еще раз ранило, а он продолжал бой. Да и уйти уже не мог. И... думал о последнем патроне для себя. Помощь подошла, когда от взвода почти никого не осталось. Неравный бой продолжался девять часов.

— А ведь еще бы немного,— добавил штабник,— и лейтенант пустил бы себе пулю в лоб. Врагу не сдался бы, это точно.

— Вы знакомы с ним?

— Встречались. Обыкновенный парень, сибиряк, характер отменный.

Через два дня мы были в местечке Меречь на Немане, откуда направились в сторону Алитуса, на север. Там получили задачу на форсирование.

Форсирование было трудным, но что нового можно сказать о форсировании? За войну пройдено столько речушек и рек, и столько теперь об этом известно...

Но тогда каждый раз все делалось заново: искали подручные средства — доски, бревна, другие нетонущие предметы, из соломы, травы и плащ-палаток сооружали подушки, делали плоты и плотики, чтобы оружие и порох сохранить сухими. Понтоны наводились позднее, когда приходило их время, а сперва...

А сперва захват куска суши на противополож-

ном берегу, крохотного плацдарма, и его расширение становились первостепенной задачей. Надо обмануть недремлющего противника, ввести его в заблуждение.

Теперь невозможно подсчитать, сколько добиралось до берега, сколько поглощала река на плаву, потому что плеск воды по ночам хорошо слышен, и хотя где-то в стороне поднималась отвлекающая стрельба, не всегда можно подойти совершенно скрытно, не встретив на воде огня в упор.

На западном берегу Немана было захвачено два плацдарма. Один из них, южный, триста на шестьсот метров, обеспечивал наш полк. С наблюдательных пунктов мы видели свою пехоту в окопах, наскоро отрытых на том берегу, метрах в четырехстах от НП, и пристреляли перед ней участки заградительного огня.

На третий-четвертый день боя всплывали со дна тела воинов, не добравшихся до западного берега реки, но теперь беспрепятственно уходящих к берегам Балтийского моря.

Плацдарм у Алитуса расширялся успешнее южного. 17 июля к 12.00 полк подивизионно перешел в район Венгелянцы, поближе к Алитусу.

Переправа на левый берег началась в ночь на 17-е одной батареей и продолжалась последовательно до 21-го — это диктовало необходимость вести огонь почти беспрерывно.

Из записей штаба полка:

«18.7.44... полком уничтожено 6 ручных и станковых пулеметов, подавлен огонь минометной батареи, отбиты три контратаки...»

«...Во второй половине дня 19.7.44 в районе Блакасадзе обнаружено пять самоходных орудий типа «фердинанд», действующих из засад. Пред-

приняты две контратаки силою до батальона...»

Четвертая и пятая батареи не умолкали, маневрируя огнем по широкому фронту. С наблюдательных пунктов на высоком правом берегу мы видели против себя движение, как на полигоне в классных условиях... Только 21 июля полк переместился на западный берег Немана полностью.

Наша авиация над переправой господствовала. Но это не означало, что она непрерывно висела в воздухе и потом.

27 июля с утра, перебазируясь, батарея катилась по асфальтированной дороге, окаймленной с обеих сторон деревьями. Сзади, со стороны солнца, нас настигли два «фокке-вульфа», пробомбили и обстреляли из пулеметов и пушек. Минутный налет обошелся дорого: убит водитель рядовой Кизилов, ранен лейтенант Молочнюк и еще двое из расчета, пострадало одно орудие, «студебеккеры» получили несущественные пробоины.

Для матчасти это вторая потеря от авиации.

С боями был пройден районный центр Литовской ССР Калвария. Город промелькнул перед глазами наподобие кадра кинохроники.

Остановил нас, и надолго, другой город такого же значения и калибра — Вилкавишкис. Около него мы перешли к обороне.

Отвлечения

Совершенно неожиданно командиров батарей отозвали на десятидневные сборы при штабе корпуса. Свои обязанности я возложил на Карпюка.

Хорошо вот этак вдруг распрямиться, широко вздохнуть, отрешиться от будней и пуститься в приятное путешествие: впереди увлекательная

встреча, помимо сборов с кинофильмами, и — хочу не хочу — свидание с медиками.

На сборах мы получили все, что было предусмотрено планом. Напряженная учеба закончилась боевыми зачетными стрельбами.

Но десять дней отсутствия обернулись бедой.

Взвод управления, оставшийся без комбата, почувствовал себя вольготно. Он свыкся с обстановкой переднего края, с постоянной и привычной перестройкой, не вносившей особого беспокойства, не менявшей устоявшегося положения в обороне,— так всегда было, есть и, наверное, будет дальше. Удивляться стрельбе не приходится. Но надоело хитрить и прятаться, дрожать за свою жизнь, хотя она, жизнь, и единственная. Можно и побравировать ею. Показать себя этаким храбрецом.

На НП принесли обед.

Четверо управленцев с котелками выползли из траншеи на травку впереди окопа с НП — как на полевом стане. Немцы заметили беспечность русских солдат и ответили на нее сперва одной миной, разорвавшейся метрах в сорока, а потом второй. Вторая мина упала рядом. Ее оказалось достаточно, чтобы двух наказать серьезно.

Разведчик рядовой Синчук пострадал особенно тяжело: осколок раздробил лицевые кости в области носа и принес ему немыслимые страдания. Он просил товарищей пристрелить его, чтобы избавить от болей. Но у кого же поднимется рука?

Рассказ об этом воспринят как удар.

Лейтенант Карпюк виновато моргал глазами, когда я набросился на него, и лепетал в оправдание жалкие слова:

— Отдыхал... Не видел... Они сами...

Я не мог найти ему оправданий.

Глупейшая потеря ставила вопрос о подготов-

ке новых людей, которых нужно обучить, привить им навыки. Но как можно смириться с потерей? Я злился на Карпюка, на его взвод и на себя — не предусмотрел, не предупредил о возможности неприятного исхода. Да разве предусмотришь все? Это — проявление недисциплинированности, распущенности, и виноваты мы с Карпюком.

Виноватыми чувствовали себя все, кто оставался на НП.

Первое, что можно сделать теперь,— выследить минометную батарею немцев, засечь и накрыть ее своим огнем.

Задачу на разведку я поставил перед Карпюком.

Прошло несколько суток. Утрата, в общем-то обычная для переднего края, перестала восприниматься остро.

Подсыхавшая на ноге корочка — экзема — дала новую вспышку. С разрешения Ширгазина я отправился в санчасть.

— На обратном пути заходи ко мне,— сказал он.

Врач Подберезкова, прибывшая в полк в августе, нравилась мне, поэтому после перевязки уходить не хотелось. Мне было еще невдомек, что Лариса Мефодьевна догадалась о причинах моей задержки. Она раскусила этого парня, то есть меня, еще при первом посещении, понимала, что не только раны тревожат пациента.

А теперь, разговаривая с печальными нотками в голосе, подошла и с неожиданной решительностью потянулась руками к моим плечам, готовая, кажется, охватить меня за шею и прижаться. За спиной у меня затрепыхались крылышки.

Ее слова оказались неожиданными еще более:

— Вам нужна девушка, капитан, очаровать-

ное создание где-то ждет вас. А вы путаете адрес. Адрес прояснится — время еще не ушло. Ваше время наступит, должно наступить...— руки ее с плеч соскользнули, она отошла и отвернулась. Крылышки за моей спиной беспомощно повисли.

Вот так. Не берусь судить, как выглядел я в тот момент. Столь прямые слова, сказанные пусть мягко и доброжелательно, не могли не смутить — они опережали бесполезные объяснения и делали невозможной зарождавшуюся надежду. Слова отрезвляли, ставили меня на землю.

Я ушел, чтобы не продолжать трудную сцену.

У НП комдива встретились несколько незнакомых солдат.

— Пополнение?

— Так точно, товарищ гвардии капитан.

Комдив сидел за ужином.

— Чему научили вас на тех сборах — как лучше на немцев брехать?

На грубоватую манеру общения я еще не успел переключиться, поэтому меня слегка передернуло — я еще «витал».

— С наших пунктов, товарищ гвардии майор, можно организовать сопряженное наблюдение. Тогда точность засечки улучшится.

— А ну расскажи — как.

Я набросал схему и рассказал порядок работы.

— Дело говоришь, комбат, обязательно займемся. А теперь выбирай себе телефониста: Макаров или Шпулько.

— Шпулько — радист,— подсказал кто-то.

— Значит, забирай Макарова, радист мне самому нужен.

К себе я вернулся затемно с новым телефонистом.

На другой день мы занялись практическими делами сопряженного наблюдения.

Выследить минометную батарею оказалось непросто. Для этого понадобились терпение и настойчивость. Но через несколько дней мы отчетливо увидели дымки из ее труб и засекли с двух пунктов.

Этот день был последним, в ночь должны сняться и перейти в другой район. Разделаться с минометной батареей немцев нужно сегодня.

Мы открыли беглый сосредоточенный огонь по вражеской батарее внезапно, довернув на нее от репера, когда немцы вышли из укрытий и начали постреливать. И думаю — им не поздоровилось. Залпы прозвучали в отместку за наших товарищей, пострадавших от их мины. Орудия наши били по обычной цели и выполняли рядовую задачу.

Наступление продолжается

Перемещение было недальнее.

187-й гвардейский артполк сосредоточился в районе Будезиоры — это южнее города Вилкавишкис,— чтобы помочь прорыву частями 5-й гвардейской стрелковой дивизии на участке Кумец-1 — Кумец-2. Пехота нашей дивизии отводилась во второй эшелон корпуса.

Мысль о предстоящем деле, одном из последних, вселяла в солдатские души подъем и настрой — предстояло выйти к границам Восточной Пруссии.

С вечера майор Ширгазин собрал комбатов.

— Я надеюсь на вас,— сказал он,— даже если меня не станет...

Никогда раньше не терявший самообладания, сегодня он нервничал.

В землянке находились еще артиллерийский тех-

ник дивизиона Колесов, новый радист Шпулько и телефонист. В рации что-то шелестело и попискивало, она работала на прием. С делами было покончено, мы собрались уходить.

— Товарищ Колесов,— обратился комдив к арттехнику,— выкладывай свои богатства и подавай кружки. Задержитесь, комбаты.

Кружки и богатства были поданы на деревянный ящик из-под снарядов, заменявший стол. Комдив налил каждому понемногу. Он первый поднял кружку и взглянул почти весело:

— Разбирайте, пока угощаю.

Необычное приглашение комдива сперва смутило. Но согласились мы без отговорок. У каждого что-то скребло внутри, росло напряжение. Комдив неспокоен тоже, это видно по осунувшемуся лицу и воспаленным глазам. Под нашими гимнастерками расходилось тепло. Оно не вселило покоя, а притупило остроту ожидания.

Ширгазин возбужденно заговорил:

— У меня предчувствие. Никогда не было, а теперь гложет, зараза. Убьют, наверно... Или оборвут ноги, чтобы не ходил по белу свету, даже не ползал.

— Что вы, товарищ майор,— запротестовали мы,— это бабушкины сказки.

— Не сказки это... Я чувствую... А чувства сюда зря не за-хо-дят. Зря им здесь делать нечего. И ведут за собой эту... ее, шайтан... старуху с косой.

— Ну и хрен с ней, со старухой. Вам отдохнуть надо...

— Я ж-жить хочу... По-том от-дохну...

— Потом некогда будет,— вдруг вмешивается Шпулько.

Я с удивлением слушаю голос радиста, вступившего в разговор с офицерами. Жду реакции.

— Утром начало, Борис Шайбекович,— напоминает Шпулько.

— Да, да, начало,— неожиданно соглашается майор.— И правда, комбаты, идите отдыхать. И я тоже...

Он откинулся на лежанку и задремал.

Мы вышли. Скрутили по папиросе. Закрывшись полой плащ-накидки, прикурили от спички. Капитан Федяев ушел.

— Радист Шпулько уговорил майора быстрее нас,— сказал я.

Сурмин посмотрел на меня внимательно, потом ответил:

— Ничего удивительного, этот радист — девушка. В солдатской одежде трудно понять, кто этот радист,— девушка или парень. Она так же курит махорку и может при случае загнуть с верхней полки. Голос у нее грудной, низкий. Ее трудно отличить от других солдат.

— Не пристают к ней?

— Солдаты ее побаиваются и называют между собой Ниной-Колей. Получается ни то ни се. А майор держит ее около себя и покровительствует.

— Майор сильно сдал, жалуется на предчувствия. Такого и действительно могут убить.

— Это не первый день у него — сдают нервы. Убьют или не убьют — никто не может сказать заранее. Даже предчувствие. Утверждают, что предчувствие — верный признак надвигающейся беды. Неправда. Оно может сбыться, а может и нет. Вероятность этого события равна половине, пятидесяти процентам. Когда событие сбывается, суеверы вроде бы торжествуют: а мы что говорили! И помалкивают, когда оно не сбывается. А как твое самочувствие?

— Я застрял мозгами в полковом медпункте. Новая врач...

— Брось думать о ней. Ларисе легче выбрать из штабников — они поближе. Чем не жених помначштаба или начхим?

— Сердцу не прикажешь...

— Выкинь из головы. И прикажи сердцу — ты солдат. Твои попытки обречены.

Капитан Сурмин, как всегда, прав. Я вернулся к себе и, управившись с делами, лег отдохнуть. У Сурмина крепкая голова, он настоящий артиллерист, думал я.

В полку появились девушки. На их хрупкие плечи легли мужские обязанности связистов. Девушки были и раньше — их видели на театральных подмостках агитбригады и в медсанбате в роли медицинских сестер и санитарок. В медсанбате и на подмостках роль девушек понятна. А каково им придется на поле боя?

Думал о Ларисе, несколько мгновений покоившей свои легкие руки на моих плечах. Неизъяснимое волшебство исходило от этих рук... Она не сказала ничего обидного, а дала понять: не на ту загляделся. Тебе обидных слов не скажут, чтобы пощадить тебя и твое самолюбие: ты должен еще воевать.

...Когда закончился огневой вал, наступила относительная тишина. Под прикрытием огня артиллерии пехота прошла через вражеские окопы. Дальше лежала местность, свободная от видимых укреплений. Казалось — иди и оставляй ее сзади. Но так казалось. За каждым кустом, в каждой роще мог притаиться враг. Шум выстрелов удалялся и становился реже.

Я подождал, пока лейтенант Карпюк соберет свой взвод. Потом шли гуськом, прикидывая, где можно выбрать НП.

Вот землянка, на ней воронка от прямого попадания. Только одно попадание, а все фрицы в землянке мертвы. Их поразило осколками через накат из бревен. Бревна не защитили.

Жесткая нескошенная трава, отдельные кусты на пути и еще поляна. На ней — заброшенная постройка без крыши. Она не попала в зону огня и уцелела. До нее не докатился даже огневой вал. А еще дальше — цепочка кустарника: там возможен ручей или складка местности. Пехота близка, ее мы не видим, но определяем по звуку выстрелов.

Бревенчатая постройка — только три полуразвалившиеся стены чуть выше человеческого роста — самое высокое здесь место. С него можно наблюдать вокруг. Перебежками перебираемся туда.

Разведчики устанавливают стереотрубу, радист устраивается в углу с радиостанцией, я определяю местонахождение.

Цепочка кустарника метрах в трехстах впереди перегораживает путь. Она начинается от рощицы слева и заканчивается на правом фланге. Это не ручей, а понижение, язык впадины,— ручья на карте нет. Пометка у черного квадратика «сар.» означает сарай. Но сараем никто не пользовался с тех пор, как составлялась карта.

Приходит комдив — он тоже облюбовал сарай, а за ним подтягивается его свита.

На мгновение я вспоминаю о вчерашней слабости комдива, понятной и извинительной в таких условиях: мы тоже грешны страхами и ослаблением воли, но загоняем свои чувства вглубь. А комдив сегодня привычно деятелен и свеж — никаких внешних следов от его вчерашних переживаний.

Я докладываю майору результаты ориентирования и готовность начать пристрелку, как только будет связь.

— Давай,— говорит майор и становится к стереотрубе.

Люди комдива оживлены движением и довольны новым НП. Здесь есть укрытие, и ни копать, ни подбираться по-пластунски пока не надо. И постреливают не очень, даже почти не постреливают. Остановились временно.

Ничего необычного нет, каждый делает свое несложное дело: один наблюдает в перископ, другой — у рации, третий возится с катушками телефонного провода. Только технику-лейтенанту Колесову заняться нечем. Он, как экскурсант, прибыл на «передок» по своей воле, поскольку пушки действовали исправно, в ремонте не нуждались.

Колесов посматривал на рощи, на бурую траву перед ними, на кусты у впадины и ничего не находил подозрительного. Он отошел от угла сарая и стоял в одном метре от него, вглядываясь вперед. Туда ушел противник, враг, и смотреть туда немного страшновато.

— Не вылезай, Колесов! — крикнул ему Ширгазин.

— А что? — оборачивается тот.

Из кустов звучит выстрел. Выстрел был неожиданностью и для нас. Колесов падает.

Едва ли Колесов тоже терзался недобрыми предчувствиями, находясь рядом с Ширгазиным. Его влекла сюда жажда острых ощущений, желание оказаться полезным, прийти на помощь в трудную минуту. Недобрых предчувствий у него не было — иначе он бы не пошел с комдивом, а вернулся на ОП. А Ширгазин, вчера еще полный предчувствий, сегодня забыл о них.

Когда заговорила батарея, к нам на НП пришел лейтенант — связной от пехоты. Он показал на

местности положение передней цепи и передал просьбу командира батальона дать огонька — «прикурить». Лейтенант показал на кустарник во впадине и на дальний откос за ним, откуда противник ведет огонь во фланг батальона.

У нас налаживалась связь и взаимодействие с пехотой, бой в глубине обороны продолжался.

Пехота поднялась в новую атаку.

Днем мы перешли речушку и заболоченную низину. Теперь могут перемещаться ОП.

Полк снялся с насиженных мест, двинулся за нами.

Наметив новые ОП, я оставил там телефониста. Орудия шли сюда. Сюда же перебазировались тылы, весь полк выбирал новое для себя место. Я торопился, чтобы вернуться к началу ввода в прорыв своей пехоты, шедшей во втором эшелоне, пока огневики занимают позиции. И мимоходом заметил Ларису.

Она стояла за деревом, касаясь его плечом. И смотрела на меня. Надо бы остановиться, сделать какой-то знак приветствия, переброситься словом, как это бывает в нормальных случаях. А нуждалась ли она в этом? Я предпочел сделать вид, что не заметил.

Я прибавил шагу, мимолетная встреча добавила энергии и... злости, которые сегодня так необходимы.

Выход на границу

До западных границ Литвы к моменту прорыва оставалось чуть более двадцати километров. Дальше начиналась Восточная Пруссия. Эти последние километры представляли собой глубоко эшелонированную, хорошо подготовленную оборону.

Нанося удар южнее города Вилкавишкис и озера Поезиоры, в первый день боя стрелковые полки устремились в сторону Вержболово по шоссейной дороге, по проселкам, подходящим к ней, по прилегающим полям, очистив берега и форсировав речушку Шервиндт. Дорога эта стала осью полосы наступления нашей дивизии, введенной в бой на смену частям прорыва.

Последние километры!

Было еще тепло — вторая половина октября для Прибалтики на удивление была сухой. Только ночью солдаты раскручивали скатки и одевались в шинели, ненадолго замирая в коротком отдыхе.

Мы выбрали НП с утра, когда солнце вставало из-за горизонта. Торопясь и надеясь на быстрый успех, не нашли ничего лучше пустого амбара с черепичной крышей, одиноко смотрящего с пологого уклона на противника. Такой НП годился на два-три часа. Солнце вставало в затылок, против солнца, в тени, нас не видно, как и смотровую щель в крыше.

Сидя на футляре стереотрубы, я пристрелял одиночную ячейку напротив нас. Фриц там устроился с ручным пулеметом на козлах. Через несколько выстрелов его выбросило наружу — прямое попадание. Мы ушли за амбар, где заканчивали окоп, оставив наблюдать одного разведчика. Через несколько минут он крикнул:

— Товарищ капитан! Немцы пушку выкатывают! На прямую наводку!

Пушка была направлена на НП.

— Быстрее вниз, Веснин! Живо!

Веснин скатывается по лестнице, бежит за амбар, в это время звучат выстрел и разрыв. Недолет — немцы поторопились.

— Все в укрытие!

Все прыгают в окоп. Окоп перекрыт, открытым остался только лаз.

Второй разрыв у дверей, через которую ходим. Тонкие стены постройки содрогаются.

Карпюк около меня, он крайний у открытого лаза, места ему оставили побольше. Он беспокойно суетится и высовывается из щели:

— От бачу — ще промаже...

— Сиди, Карпюк!

Третий снаряд пробивает переднюю стенку сарая и разрывается внутри помещения. Осколки прошивают тонкий заслон из жиденьких бревен стены перед нами.

— Ох! — вскрикивает Карпюк и сползает на дно окопа.

Осколок вошел в грудную клетку сверху у основания шеи и попал, видимо, в сердце. Смерть была мгновенной.

18 октября.

Пыль, поднятая нашей колонной, не успела рассеяться. Через нее тускло просвечивает еще горячее послеполуденное солнце.

В пятистах метрах на юго-запад, почти против солнца,— лес. В нем удаляющаяся перестрелка — пехота преследует отходящего противника. Справа находится Кибартай, а западнее его — Эйдткунен.

— Здесь.— Я показываю Сергееву место для первого орудия и разворот фронта всей батареи.— Основное направление 45-ноль. Точка наводки — заводская труба. Давай.

Машины сворачивают с дороги. Каждая, сделав петлю, оставляет пушки на указанных местах. Сами откатываются назад.

— К бою!

Пока проходит эта начальная и необходимая работа огневиков, я прикидываю — достанем ли?

До Государственной границы СССР около четырех километров, за ней лежит Восточная Пруссия. И первый ее крупный населенный пункт — город Эйдткунен. Я выбираю объектом центр города.

— Батарея, слушай мою команду!

Батарейцы стоят на своих местах.

Я повышаю голос, чтобы дошло до каждого:

— По фашистской Герма-нии!

Командиры орудий повторяют слова команды. От этих слов у меня самого пробегает мороз по коже. Исключительность момента неповторима, она вливает силы в мускулы батарейцев, подающих снаряды, огоньками светится в глазах остальных солдат. Команды звучат как вступление к грозовой мелодии, как прелюдия, чтобы потом разразиться громом всего оркестра.

— ...десять снарядов на ору-дие!

— Первый залпом, остальные бе-глым!

— Первое готово!

— Второе готово!

— Третье готово!

— Четвертое готово!

— За-лпом пли!!!

Залп рвет розовеющее небо на западе.

III. Восточная Пруссия

Прорыв

18 октября, разматывая от ОП связь, мы перешли границу южнее Кибартая и заглубились за ее воображаемую черту. На нашем пути попалась отдельно стоящая усадьба — фольварк. Острое любопытство заставило нас заглянуть туда. А на случай немедленного открытия огня усадьбу легко превратить в НП.

Хозяева покинули ее, не навешивая замков. Они словно ненадолго отлучились, оставив в порядке кое-какой домашний скарб и, вероятно, не забыв перед уходом накормить породистую свинью в скотнике. Была ли у них надежда на возвращение? Едва ли. Страх, если они его испытали, охватил их не сразу, не внезапно, а приходил исподволь и подкрепился приказом гауляйтера: уйти из зоны боевых действий в тыл. Мы не знаем, что сильнее гнало хозяев из фольварка,— страх перед советскими войсками или грозный приказ гауляйтера.

Кирпичные строения под черепичными крышами и мощенный булыжником двор впечатляли добротностью. Электричество подведено к хозяйственным помещениям и к помещениям для скота. Изгородь вокруг усадьбы — из плотного декоративного кустарника и проволочной сетки. По наружным стенам каменных построек — стелющийся плющ.

Рядом с фольварком — делянки убранного посева, щетинящиеся стерней, они чередуются с огороженными выпасами для скота.

Внутри светлые опрятные комнатки. Пустой шкаф для верхней одежды, сундук с бельем в дальней комнате, на кухне — посуда. Все это окидывается одним взглядом.

— Давайте связь,— говорю я телефонистам.

По лестнице поднимаюсь на чердак к окну в сторону противника.

Солнце клонится к горизонту. Воздух заполняется легкой дымкой тумана. В двух километрах сплошной стеной, как зáмок, встает каменный силуэт небольшого городка. Иллюзия усиливается неровной кромкой сверху, напоминающей контур старинной крепости. Здания там несомненно подготовлены к обороне — рядом граница. Она проходит между двумя небольшими городами, стоящими рядом: Кибартай на нашей стороне, а Эйдткунен — на немецкой.

Нам не удалось пройти на западную окраину Эйдткунена, куда к 18.00 вышла наша пехота,— по телефону майор Ширгазин приказал вернуться на ОП и смотать связь.

Мы вернулись в сумерках, батарея готовилась к движению.

Замполит дивизиона капитан Сидельников ходил по батареям и как бы между прочим говорил:

— Ну, ребята, логово от нас близко. Теперь надо не подкачать...

Не только «логово» — близка была победа! Выход на границу стал промежуточным, но важным итогом на пути к победе. Этот факт сам по себе — лучший агитатор и пропагандист, он очевиден и неоспорим и волновал всех.

К 3.00 19 октября весь полк оставил занимаемые позиции и катился в район Матлавка—Паруджен, где определены новые ОП.

Продвигались медленно. Втянулись в лес, де-

лали остановки, сохраняли тишину. Противник где-то рядом и не должен догадаться о нашем перемещении. Десятка два километров на юг по песчаной колее двигались около двух часов.

В лесу дымили кухни, пехота готовилась к завтраку. Слышались негромкие голоса командиров, собирающих подразделения, стук котелков, извлекаемых из вещмешков, неторопливое движение заполняло лес, делало его живым и озабоченным.

Наблюдательный пункт выбрали в домике на опушке леса.

Во фруктовом саду рядом с домиком опадают яблоки, распространяя вокруг неповторимый аромат. Ничто не говорит здесь о том, что это край советской земли, край нашей огромной территории, начинающейся у Тихого океана.

Впереди — заболоченный луг с ручьем, по нему проходит государственная граница, редко помеченная погранзнаками, дальше — поднимающийся косогор, ограничивающий видимость. На косогоре лежит немецкая траншея — темная черточка, отделяющая землю от неба. Левее косогора в глубину пространства уходит проселочная дорога, накатанная деревенским транспортом. Она пересекает границу и теряется у деревушки с белой церковью. Церковь на карте есть.

Часов в семь я пристрелял окоп около дороги, затем перенес огонь на церковь. Пристрелка по церкви заменила топографическую привязку, на которую нет времени.

Сержант Данилов нашел дот. Перекрестие стереотрубы наведено на серый железобетонный колпак, поднимающийся из земли. Я пристреливаю дот — это главная моя цель на сегодня. Снаряды расчищают землю вокруг бетона, дважды попадают в его оголенный череп, но вреда не приносят — они

рикошетят и рвутся в воздухе. Но ослепить дот — по силам.

После 40-минутной артподготовки, начавшейся в 13.00, и атаки мы тоже пошли вперед. И повстречали Надежкина, разведчика пятой батареи. Он конвоировал двенадцать плененных немцев.

— Откуда ведешь, Надежкин?

— Из дота. Подзасиделись там.

— Взяла пехота или ты сам?

— Нет, пехота пошла дальше, а фрицев нам оставила — берите.

— Молодец, Надежкин.

— Коммен, камрады,— продолжил свой путь довольный разведчик.

— Не тот нынче фриц пошел,— изрек рядовой Веснин, завидуя расторопному собрату из соседней батареи.

— Всякие еще встретятся,— уточнил сержант Данилов.

У дота на высоте с отметкой 92,9 вспаханная нашими снарядами земля, но железобетон без повреждений — на нем только царапины. Дот мог действовать, а гарнизон его — сопротивляться. И ничего не стоило выбросить за дверь гранату, чтобы отвязаться от непрошеного гостя. От гранаты в глубоком узком котловане позади укрыться негде. Гарнизон проявил благоразумие — он сдался отчаянному русскому парню.

Действительно, фриц нынче не тот. Государственная граница Восточной Пруссии преодолена за один день.

Чужая земля. Чужая, а такая же, как наша, или почти такая — глина, песок. И трава одинаковая.

Вот и до речки добрались — такой же речушки,

как в русских местах, в белорусских или литовских. Она даже незаметнее нашенских, а на карте именуется солидно — река. Название звучит непривычно, непонятно и загадочно — Жабоедер. А что это значит в переводе? Что означает немецкое наименование реки — я не знаю. А за характер ее, за тихое журчание струй, за камыши по обочинам, за лягушачий квак по ночам назвал бы по-своему — Журавлинка.

В 10 часов утра 20 октября мы приблизились к реке, не дойдя 300—400 метров, и весь день ломали сопротивление врага. На противоположном берегу были заранее подготовлены траншеи, обозначая рубеж, на котором немцы собирались остановить нас, не допустить дальше. Заслоны были смяты, дивизия частью сил форсировала реку и в районе Гериттен перерезала железную дорогу Шталлупенен — Гольдап.

Запись штаба полка о следующем дне:

«21.10.44... Стрелковые полки продолжают наступать в общем направлении на Гериттен и далее на запад. Полк в течение дня подавил... разрушил... уничтожил... Расход: 76-миллиметровых гранат — 556, 122-миллиметровых гранат — 247».

На большой карте того времени день 21 октября помечен как дневка и отдых. Отдых не состоялся. Только что приведенная запись говорит о другом: полк действовал, израсходовав значительное число боеприпасов. Здесь нас сменили, мы пошли в обход южнее.

В сером сумраке надвигающегося тумана вечером 21 октября колонна втянулась в глубину немецкой обороны. Ехали без происшествий и долго — всю ночь. Машины катили в тумане осторожно, не включая фар, стараясь не наехать на впереди идущий транспорт.

Белеет утро. Видимость — около двадцати метров. Где-то раздаются пушечные выстрелы. Похоже — бьет корпусная артиллерия, а ведь прошли уже тридцать километров. Нет, не успели подтянуться корпусники и занять новые позиции. Они тяжелее нас и менее подвижны.

Движение замедляется, потом останавливаемся. За молочной пеленой тумана справа бьет противник, снаряд фырчит, трасса его пересекает дорогу. Снаряд не разрывается — это болванка. Касаясь земли, она рикошетит, беспорядочно крутится в воздухе, шумом напоминая фырканье лошади, прочищающей ноздри.

Движение возобновляется. Пересекаем линию железной дороги. Справа — вновь выстрел, и совсем рядом пролетает болванка. Мы убыстряем ход, чтобы проскочить это место...

Сзади наши пушки продолжают бить — это их голос. Но теперь впереди — удаляющийся гул других пушек и трескотня пулеметов. Дорога идет под уклон, а впереди продолжается бой. Весь наш полк в походной колонне — впереди кто-то другой. И этот другой вскоре умолкает. Над колонной снова пролетает болванка.

Туман становится реже, почти светло, видимость увеличивается.

Встреча с противником будет серьезной, необходимо развертываться в боевой порядок. Я выскакиваю из машины взвода управления и — к огневикам:

— Разворачивайся, Сергеев, и занимай ОП за линией железной дороги! Наблюдательные пункты будут где-то здесь.

Сергеев разворачивает машины с пушками и уезжает в обратном направлении. На дороге не остается никого.

Вальтеркемен

В стандартных домиках, на два этажа каждый, выстроившихся вдоль дороги, с сержантом Даниловым мы не выбрали НП. Они уютны и хороши, но нам не понравились, может быть, потому, что обстановка была еще не ясна.

Туман стал прозрачным, впереди виден конец поселка, а за ним — ложе реки и две батареи 76-миллиметровых пушек, стоящих одиноко, без прислуги. Это стреляли они. Пушки брошены. Расчеты выбиты или ушли от пушек, не сумев снять матчасть с огневых позиций.

Вернувшись к железной дороге, находим в выемке своих офицеров, с ними стоит начальник штаба полка майор Ильин. По откосу они спустились к бетонной стенке моста, чтобы укрыться от обстрела. Очередная болванка бьет в стенку моста на два локтя от Ильина. Колючее крошево бетона летит на его шинель. Майор бранится, поминает крестителя и еще каких-то святых и переходит на другую сторону выемки.

Сквозь туман различаются две бронированные машины, стреляющие болванками. По ним никто не бьет. Они как хозяева громко встречают гостей, а гости молчат. Невежливо получается. А почему молчит Сергеев?

— Я — на батарею,— говорю Данилову.— А вы выбирайте НП здесь.

Идти метров четыреста. На батарее неладно, уже на таком расстоянии она внушает тревогу. В боевом положении — две пушки, третья не отцеплена от «студера», стоящего позади ОП. Четвертая — метров двести дальше. Цель видна, а не стреляют.

— Почему молчите? — подбегаю к огневикам.

— Вот,— показывают огневики.

На земле вверх лицом лежит старшина Старовойтов, командир первого орудия,— пуля вошла в один висок, а в другой вышла. Он упал, не успев вынуть руки из карманов шинели. Так и лежит. Люди растерялись.

— «Студебеккер» убрать, выложить несколько ящиков со снарядами. Отойти в укрытие, вот в эту канаву. Заряжающий, ко мне. Сергеев — ко второму орудию.

Сам — у панорамы первого, командиром которого был Старовойтов. Мне помогает Крюков.

— Прицел 30, бей по левому танку в основание,— говорю Сергееву.

— Заряжай, — говорю Крюкову, — и соедини стрелки.

Выправляю наводку.

Выстрел. Пламя и дым на несколько секунд застилают цель, но отхожу и перелета не вижу. Перелета не должно быть! Деривация? Навожу под левую от меня гусеницу. Бью снова.

Слышу выстрел Сергеева. Я не смотрю на него, а только слышу, мое внимание — впереди. Облачко разрыва перекрывает цель.

— Давай,— говорю Крюкову.

Почти одновременно с нашим выстрелом метрах в тридцати перед нами разрывается ответный снаряд из танка.

— Давай! — кричу Крюкову.

Еще выстрел. Ответный разрыв появляется сзади, около «студебеккера»,— машина еще не убрана, я злюсь на нерасторопность расчета. Но нас взяли в вилку: недолет-перелет.

Делаю еще выстрел.

— Уходи в сторону,— приказываю Крюкову.— В укрытие! — кричу Сергееву.

Сам успеваю отбежать метров восемь вправо, лечь в еле заметное углубление. Разрыв вспыхивает перед орудием в двух-трех метрах. Но я лежу близко, в зоне рассеивания. Отбегаю еще на пятнадцать метров. Очередной снаряд рвется на месте, где я только что лежал. По затылку пробегают холодные мурашки. Я ушел вовремя.

Стрельба не возобновляется. На бой ушло две-три минуты, после него прошло столько же. Или нас посчитали приконченными? И почему не уходят танки? О, если бы на вопросы можно было ответить сразу!

Я подошел к орудию: пробоины на гусматике правого колеса, на кожухе противооткатных приспособлений. У орудия Сергеева — какая-то мелочь. Люди все целы. Кроме Старовойтова.

Сзади горел «студебеккер». Осколки вражеского снаряда прошили бензобак, и бензин вспыхнул. Пока пламя начиналось, часть снарядов выбросили из кузова. Теперь их оттаскивают на безопасное расстояние.

Артиллерийский тягач сгорел. Пушки нуждались в небольшом ремонте.

Но теперь болванками никто не швыряется. И нет из танков другого огня — экипажи покинули их навсегда. Танки не ожили.

Вскоре мы узнали, что нас остановили танковые группы дивизии «Герман Геринг» из корпуса «Великая Германия», гордости гитлеровской армии.

Только танки. Пехоты не было. И не было полевой артиллерии.

Батарея убралась на закрытую ОП. Я не стал сопровождать ее, только указал, где выбрать позицию, и сошел у фольварка.

На мне зеленая шинель из мягкого английского сукна. Я получил ее весной взамен полушубка и остался доволен ею. Зеленовато-табачный цвет был нарушением традиции — русские шинели серые. Но англичане отправили партию этого цвета. Я привык и не обращаю внимания на цвет шинели. Главное — легко и удобно.

Неподалеку от места, где полчаса назад шел бой с танками, меня нагнал штурмовик Ил-2. Он появился неожиданно на бреющем полете из-за фольварка и начал пикировать, хотя на поле, кроме меня, никого не было. На мгновение я удивляюсь, но соображаю, что становлюсь объектом атаки. Отважный авиатор не знает передней линии своих войск, принимает эту территорию за вражескую и штурмует на ней все, что видит живое. Я падаю, реактивный снаряд, выпущенный с правого крыла самолета, рвется в нескольких шагах от меня.

Самолет разворачивается и заходит на облюбованную цель снова. Столь высокой чести мог бы удостоиться чин важнее меня — генерал или оберст. Я грожу кулаком соотечественнику и произношу нелестные слова из обихода русской речи, которые, к сожалению, он не слышит. Реактивный снаряд с левого крыла летит в мою сторону...

Балда! Не проще ли ударить из пулемета — прострочил и был таков. На такую цель достаточно пули, а он потратил две увесистых чушки. Пулеметного огня не последовало — штурмовик, видимо, израсходовался. Там донесет, наверное, что цели подавлены. В том числе уничтожен важный чин в зеленой шинели — не менее генерала какого-то нового рода войск.

Сомнительный успех штурмовика вносил разо-

чарование. Настроение мое действительно подавлено, хотя можно радоваться — остался все-таки невредим.

Сержант Данилов выбрал НП у выемки, в которой проложена железная дорога. И уже готова ячейка для наблюдения. Неподалеку устроил НП комдив. Телефонисты потянули связь.

За небольшим холмом впереди стоит городок Вальтеркемен, укрытый черепичными крышами, с колокольней кирхи по центру. За городком видны поля.

Слева от Вальтеркемена — брошенные пушки, вступившие утром в единоборство с танками. Они оставлены за рекой в низине, как на дне корыта. Их можно расстреливать с двух, даже с четырех сторон — незавидное получилось положение. А за ними неподвижно стоят три танка. Подбиты?

Справа от Вальтеркемена — поле со спокойным рельефом и с теми машинами, что стреляли болванками. Теперь они молчат, присмирели и не подают признаков жизни. Не среагировали, когда в их сторону прошло несколько пехотинцев.

Зато не молчит наш полк — он развернулся, заговорил полным голосом.

День 22 октября был тревожным — нас встретил изготовившийся противник, а мы вступили в схватку с ходу на незнакомой местности и в тумане, не понимая, откуда что грозит. Туман мешал только утром, с восходом солнца он рассеивался, но уже с утра начались потери.

А потом территория возле Вальтеркемена украсилась пушистыми одуванчиками разрывов, если смотреть на них издали и сверху. Подошедшие сюда низом, мы принесли этот букет одуванчиков и разбросали его по полю. Да, после первого мол-

чаливого появления полк разговорился, стал вставлять свои слова сперва редко, а потом чаще, переходя на густые басовые ноты.

В этот день наш полк подбил 4 танка, а сам потерял сгоревший «студебеккер», две поврежденные автомашины, 5 убитых, 20 раненых. В числе убитых оказался старший лейтенант Дозоров, командир взвода управления второй бригады, ранены лейтенант Воробьев из первой и старший лейтенант Клюев из шестой батарей.

Итоги дня для нас тяжелые. Но задача дня выполнена — мы закрепились.

Вечером майор Ширгазин отпустил меня на ОП.

— Что там случилось у тебя? — недовольно спрашивал Ширгазин по телефону, когда я вернулся на наблюдательный пункт.

— Основное орудие — Старовойтова — придется ремонтировать: хромает и появилась течь из противооткатника — мы не заметили сгоряча. Основным орудием я сделал второе. А это выйдет из строя через несколько выстрелов.

Ширгазин выругался.

— Слушай задачу...

Задача состояла в том, чтобы пройти в Вальтеркемен и связаться с батальоном на его западных окраинах.

Утром — в городке.

Связь дотянули до кирхи. С рядовым Весниным разыскали КП батальона, разместившийся на первом этаже двухэтажного кирпичного дома, метров триста за кирхой.

Я представился.

— Майор Сазонов. Где ваш НП?

— Думаю занять на кирхе.

— Добро.

На моей карте красным карандашом майор пометил положение своих подразделений и полка в целом.

Вальтеркемен сплетает две дороги: одна шоссейная, другая железная, обе идут на Гумбиннен и далее — на Кенигсберг. Направление их — на северо-запад. Здесь же течет неширокая река Роминте. Оборона городка выпячивается вперед, в сторону противника, и немцы могут попытаться выбить нас из него. Тем самым они выровняют линию фронта и получат свободу маневра по шоссе, проходящему через населенный пункт.

Кирха небольшая, но оказалась просторной внутри, чтобы вмещать верующих Вальтеркемена. Внутренность каменного строения проста. Высокие стены побелены, потолочное перекрытие отсутствует, на деревянном полу — несколько рядов скамеек для прихожан. У противоположной от входа стены, поделенной на два этажа,— кафедра для священника и большой орган, создающий впечатление торжественности. За органом — лестница, ведущая в комнату за ним и далее на колокольню. Башня колокольни деревянная. Площадка наверху — около четырех квадратных метров, окна — на все четыре стороны.

Чтобы не демаскировать НП, на колокольню я разрешаю подняться одному разведчику со стереотрубой и связисту с телефонным аппаратом, остальные размещаются в комнатке за органом.

Окна на колокольне вставлены низко, стоять в рост нельзя. Наблюдатель сидит на футляре стереотрубы, а связист на полу, свесив ноги в лестничный проем. Отсюда видны ранее пристрелянные цели и большой участок впереди, который со старого НП не просматривался. Я начинаю пристрелку.

— Как дела, десятый? — это спрашивает комдив по телефону.

— Хозяина нашел. Устроился на верхотуре.

— Ладно. Я нахожусь на твоей линии, можешь вызвать меня в любое время. Если понадобится — поможем.

Спускаюсь вниз — нам принесли завтрак. Наверху остается Данилов.

На завтрак — каша и чай. В каше — куски мяса и свиного сала. Чернухин, наш повар, добавил в нее трофейную солонину. Чай кажется приторно сладким, он густо пахнет лимоном — тоже трофейные добавки. Питанием солдаты довольны. Они тщательно выскребают из котелков, прячут ложки за голенища сапог или в вещмешки. Потом пьют чай.

— Жить таперича можно...

— И хата неплохая — из камня, не сразу снарядом прошибешь...

— У них тут то камень, то кирпич, взять хотя бы поселок, где развернулись.

— Живут люди... Деревянных изб не делают, от них чуть что — пожар.

— Крыши и те черепичные.

— Лесу нехватка — вот и додумались.

— Леса у них есть, не в этом дело. А посмотри на дороги — везде асфальт или дресва да гравий. В твоей деревне, Веснин, чем улица покрыта?

— В моей? Сейчас не знаю, а раньше была тоже заасфальтирована... коровьими лепешками.

Солдаты ржут:

— Вот — лепешками... До асфальту вашей деревне далековато.

— Может, и далеко, а кирпич мы уже собирались делать. И карьер подыскали, о печах для обжига подумали, да не пришлось...

— Кирпич для такого дела нужен...

Солдаты мечтали о послевоенном переустройстве. Их впечатления на чужой земле превращались в планы на будущее.

А пока:

— Веснин, подмените сержанта Данилова.

— Есть.

Данилов докладывает о результатах наблюдения:

— Тот танк, что вчера пушки сторожил, опять показался. Вышел из-за бугра и стоит.

Необходимость подняться наверх дошла до меня.

Наблюдательный пункт на кирхе существовал трое суток.

В первый день четвертая батарея вела огонь самостоятельно — танки выходили то в одном, то в другом месте. Неодновременность их действий позволяла воздействовать на цели последовательно. Подключались пятая и шестая батареи. Я наблюдал работу пятой и шестой и по просьбе комдива стал вносить коррективы, видя разрывы сбоку с ничтожно малым коэффициентом удаления. А потом вызывал огонь сам — уже пристрелянных батарей.

На второй день комдив возложил на меня управление огнем дивизиона полностью. А обстановка была сложной.

С утра за пеленой редеющего тумана возник шум моторов, хорошо слышный на колокольне, а затем стали различимы силуэты машин: слева три, пять — перед нами, справа — еще две. Танки ползли к ранее пристрелянным нами рубежам, рассчитывая опрокинуть нашу пехоту одновременным ударом, но получили отпор. Заградительный

огонь встал по всему угрожаемому фронту. Другие дивизионы полка бдительно охраняли свои участки. Повторенные несколько раз, танковые атаки все были отбиты артиллерией. Немцы не подступились к Вальтеркемену.

На третий день у противника в дополнение к танкам появилась артиллерия, подошла пехота. Их артиллерия противопоставила свой огонь, воздействуя на передний край, на ближнюю глубину, на район наших наблюдательных и командных пунктов. Открытое хождение стало опасным. Снаряды рвались и в городке вокруг кирхи.

Сложность обстановки заставляла нас смотреть непрерывно сразу в трех направлениях. И мы демаскировали себя. После подозрительной близости первого разрыва перед кирхой я отправил людей вниз, оставив только телефониста. Потом разрыв послышался сзади кирхи, в саду. Третий снаряд разорвался на крыше — осколки прошили деревянные стены башни и раздробили участок черепичного перекрытия. На площадке нас не задело.

Рядовой Веснин в это время зачем-то поднимался по лестнице вверх. Его ранило — осколок пробил руку.

Пришлось убираться всем вниз, не ожидая прямого попадания в башню. Но колокольню немцы разрушать не решились, да и в окнах мы перестали показываться.

День заканчивался. Я доложил обстановку комдиву.

— Оставайся там, потерпи до наступления темноты. Потом позвоню.

Рядового Веснина отправили в санчасть, а сами оставались до утра.

Утром огонь по кирхе возобновился, и нам пришлось из нее убираться совсем.

Трехсуточное пребывание на колокольне осталось заметным для меня событием — там впервые удалось корректировать огонь дивизиона.

Новая задача

Сперва были получены схемы с участками подвижного и неподвижного заградительного огня (ПЗО и НЗО), которые готовятся тольке в обороне. Они не вызвали удивления или какого-то поворота в настроениях: наступление продолжается, а теперь временно переходим к обороне.

А вечером 7 ноября нас подменили.

Дивизия отводилась во второй эшелон, а наш артиллерийский полк получил задачу совершить 25-километровый марш на юго-восток и к утру 8 ноября занять боевой порядок на поляне 1700 метров севернее Шеллинен в готовности к наступлению. Мы должны поддержать действия 11-й гвардейской стрелковой дивизии, изготовившейся к взятию Гольдапа. Полк переходил в ее оперативное подчинение.

Город Гольдап находится южнее большого массива леса, очень неудобного для артиллерии. Открытых площадок — полян — в нем мало, разместить ОП оказалось делом сложным, а НП пришлось занять в зарослях невысоких деревьев, из-за которых ничего не видно. Перед нами залегла пехота, тоже в лесу. Наблюдательными наши пункты можно называть только условно. Ничего не видя впереди, мы пользовались информацией пехотных командиров, носившей общий и приблизительный характер, а огневые задачи получили по карте. Обстановка вызывала недоверие. Однако до опушки леса недалеко, и, чтобы начать наблюдение, с первым рывком пехоты мы надеялись выйти на его окраину.

Копать почти нельзя — сыро. Мы ограничились неглубокими щелями на случай обстрела. Землянок не делали, а жили в палатках, спасаясь от осенней непогоды, от снежной крупы.

Палатка — рядом со щелью, в ней теплее, но сумрачно. Из нее почти не выходит майор Ширгазин, поддерживая радиосвязь по каналам полк — дивизион — батареи.

В первое утро сигнала на наступление не последовало. А противник интенсивно бил по переднему краю и посылал снаряды в нашу глубину.

В следующую ночь отметили нарастающий шум моторов, похожий на танковый, внесший тревогу и ощущение сложности предстоящей задачи. Приблизившись, он стал постоянным, растекался вправо и влево, почти не прекращался, затихая ненадолго. Мы не видели машин, а только слышали и не знали, сколько их было. Может быть, армада или несколько единиц, рассредоточившись, ходили по широкому и замкнутому кругу, не выключая моторов, шумели и воздействовали на наше воображение.

В донесениях не забывали мы упомянуть о подозрительном шуме.

Донесения последовательно суммировались в полку, в дивизии, в корпусе, доходили до армии.

Ширгазин выглядел мрачным. Наши донесения поступали к нему, он читал их, отправлял Смердюку. Изложенные факты отрицать и как-то их квалифицировать он не мог, но показать, что обеспокоен ими,— нельзя, на него смотрят подчиненные, он — командир.

— А шайтан с ними, пиши, что есть,— говорил он Смердюку по телефону.— Пусть оценивают, у них башка повыше нашей сидит.

Приказ не отменялся. Четыре дня мы стояли

в готовности, не очень уверенные в своих силах. А враг демонстрировал свою мощь, опираясь в обороне на цепь Мазурских озер и на такой опорный пункт, как город Гольдап, выдвинутый вперед, теперь укрепленный еще танковой техникой.

Наступление в ноябре здесь не состоялось.

Вся 11-я гвардейская армия была выведена во второй эшелон, в резерв 3-го Белорусского фронта.

В резерве

Наступило время, событиями небогатое, почти спокойное, приносившее людям отдых.

Местом размещения выбрали отдельно стоящие полуразрушенные усадьбы и прилегающие к ним леса и рощи. Около полутора месяцев мы занимались боевой подготовкой, приводили в порядок имущество батареи, получали пополнение. Изучая матчасть, пробивали стволы пыжами, удаляли с орудий налет грязи и ржавчины. Так же совмещали теорию с практикой связисты и разведчики, используя часы занятий.

На территории Литвы, где мы стояли в резерве, встречались дома с русской печью, поставленной у одной из стен. В таком уцелевшем домике удалось разместить взвод управления нашей батареи. Печь занимала около трети комнаты, довольно высокой и светлой.

С печи высовывается голова черного стриженого человека и спрашивает у Данилова:

— Как ты думаешь, комбат не прогонит?

— Прогнать не должон, а вот оформить трудно. Лежи пока.

— Я ведь добирался до вас, искал...

— Лежи...

Комбат не прогнал, а только удивился:

— Ты откуда, Ахмет? И как попал на печку?

— Из госпиталя, товарищ гвардии капитан.

— Ты был ранен?

— Так точно, зацепило у Алитуса, подлечился вот.

— К нам в гости?

— Насовсем. Я теперь ничейный, а в запасной полк не пошел, прямо сюда. Со своими воевать лучше.

— Но ведь ты был в полку у Чарского?

— В госпитале не считаются, где был. Если примете...

— Мы не против, Ахмет, даже за. Отдыхай. Что зависит от меня — сделаю.

Ахмета Гасанова мы знали давно, и давно он просился к нам. Малого роста, по-мальчишески щуплый, он значился первым номером пулеметного расчета и неплохо справлялся с «максимом», но тяжелый станкач на дальних переходах был для него великоват и, по-видимому, изнурителен. В боях за плацдарм на западном берегу Немана он отразил пулеметом две контратаки, был ранен, но продолжал стрелять, пока угроза подразделению не отпала. Прямо от пулемета его отправили в медсанбат...

Данилов вступается за Гасанова:

— Товарищ капитан, у нас людей не хватает, нужны разведчики...

— В пехоте пулеметчики тоже нужны.

— Но...

— Я уже сказал. Доложите, чем занимались сегодня.

Данилов докладывает, а я соображаю: как лучше сделать, чтобы зачислить Гасанова в батарею.

На другой день, встретив подполковника Бод-

ренко, заместителя командира полка по политчасти, я подсунул ему рапорт на подпись.

В рапорте сказано: Гасанова знаю давно, он воевал в пехоте, азербайджанец, комсомолец, в бою под Алитусом был ранен и представлен к награде. Прошу зачислить в 4-ю батарею разведчиком.

Подполковник Бодренко подписал: зачислить на все виды довольствия.

— Как у вас проходят политзанятия?

— По расписанию, товарищ гвардии подполковник. Срывов не было.

— Хорошо. Я приду к вам.

Так Ахмет Гасанов стал разведчиком в нашей батарее.

В конце года

Получен приказ: таким-то батареям выделить людей для подготовки огневых позиций в новом позиционном районе и по одному орудию для пристрелки. Утром 22 декабря мы отправились на рекогносцировку под Пилькаллен, а 23 декабря — на пристрелку. В новом районе на северо-запад от прежнего места дислокации командир полка майор Бобков указал точки ОП и наблюдательных пунктов.

Территория полузаболочена, мелкий кустарник не везде заслоняет район ОП от наземного наблюдения противника. Это — одна из сложностей. Но окопы переднего края оборудованы, и подходы к ним готовы.

Предварительно работы были закончены через два-три дня, а потом ночью доставлен сюда остальной состав полка и подвезены боеприпасы.

Помните, в воздушном бою авиаторы капитану Бобкову, тогда еще капитану, послали «привет»?

Пуля авиаторов пробила полушубок и ватник и дошла до тела. Изумленный капитан показал ее огневикам, удивляясь такому редкому случаю.

Жиздринская операция в феврале-марте 1943 года закончилась для Бобкова присвоением звания «майор» и серьезным ранением. Он вернулся в полк из госпиталя спустя четыре месяца и выполнял привычные обязанности заместителя, пока не был ранен снова под Витебском. Те бои в белорусских лесах были тяжелы вообще: убит наводчик младший сержант Евгений Горбов, ранены рядовые Охлопков и Дьяков — якуты из моего в прошлом взвода, а потом другие потери — Кувыкин, Постников, Скориков, Романов, Марчук, Агапов, Мосолкин и т. д. После Мосолкина полком командовал подполковник Никитин, погибший при неизвестных обстоятельствах — комиссия для выяснения причин его гибели никаких следов не оставила, в архивах их нет.

В апреле сорок четвертого к нам прислали нового командира, и увидеть его пришлось лишь однажды, случайно.

Я возвращался от огневиков на НП и встретил капитана Сидельникова, сопровождавшего незнакомого офицера. Вид незнакомца выдавал тыловика, старая офицерская шинель еле прикрывала колени — она была до смешного короткой. Но звание высокое — подполковник. Этот офицер выглядел каким-то ненашенским, присланным сюда по крайней нужде, но представлен замполитом как командир полка. Я подавил удивление, придерживаясь уставной формы общения.

Удивляться пришлось дальше — голос зазвучал вкрадчиво и ласково:

— На НП путь держим, уважаемый? Ножками переступаем? Постреливаем в лесу между сосе-

ночками, миленький? Делаем пиф-паф, дорогой?

За словами чудился подвох, еще непонятая форма издевательства.

Я не знал, как отвечать,— ни к «миленьким», ни к «дорогим» себя не причислял.

— И мажем почем зря,— продолжал он,— делаем вид, что пользу приносим, садим в белый свет, как в копеечку! — За сладким голосом послышалось недоброе продолжение.— Все вы тут одинаковы — развели канитель, рассиделись! Я вас зажму, скручу в тонкую веревочку, вы у меня затанцуете! Будете прыгать, мест под собой не найдете! — и начал поливать меня отборными словами, приписывая батарее возможные и невозможные грехи.

Малахольный какой-то, вяло думал я. А Сидельников вдруг заступился, стал утверждать, что четвертая батарея и ее командир не на плохом счету. Подполковник остановился как-то сразу и перешел на прежний тон:

— Воевать надо, миленький... Приходится воевать, ничего не поделаешь... Надо, милейший, дорогой, миленький... Надо, надо...

Я попросил разрешения идти и продолжил свою дорогу. А с НП, еще не успокоившись от встречи, позвонил Сергееву:

— Наведи на ОП самый тщательный порядок — может заглянуть «миленький».

Этот подполковник, извлеченный на свет божий из какого-то сомнительного угла, явно не соответствовал назначению, и от нас его убрали очень скоро. Даже фамилия не запомнилась. Атмосфера в полку испортиться не успела.

Вернувшийся затем из госпиталя майор Бобков вступил в обязанности командира полка и утвержден был в этой должности.

В новогоднюю ночь Ефим Федяев, комбат-5, читал стихи. Мы сошлись вместе в моем блиндаже — два комбата и капитан Каченко, тогда еще заместитель у Ширгазина. Каждый ждал Новый год, как дома.

Что-то готовое лежало на столике, и заранее, за десяток минут до полуночи, мы подняли солдатские кружки к колеблющемуся огню над расплющенным краем противотанковой гильзы, заправленной фитилем и бензином с солью. На орудиях — установки по участкам подавления немецких позиций, и назначено по четыре снаряда беглого — Новый год будет отмечен достойным образом.

— За что? — спросил Федяев, поглядывая на Каченко как на старшего по должности.

Сдержанный, суховатый с офицерами, капитан и сегодня продолжал держаться прямо, столбиком. Но внутренне смягчился, отпустил невидимые тормоза, стал менее строг к тому, что не относится к службе.

— Давайте за мир в наступающем году.

— Может быть, за победу?

— Нет, за мир — это точнее. Мир — значит жизнь без войны. А к нему придем только через победу. Наступит мир, тогда получим все: любимую работу, благополучие, личное счастье.

— Принимается.

Глухой стук алюминиевых кружек, неторопливое их осушение, потом еще одна сверка часов.

Не сговариваясь ни с кем, в 24. 00 наши батареи — с полком и с другими стоящими здесь артиллерийскими частями — почти одновременно открыли огонь: сперва залп, а потом беглый... Пусть знают немцы: россияне отмечают Новый год! У противника он на два часа позднее — по берлинскому

времени. Снаряды ложились на передовые позиции гитлеровцев.

— Отговорила роща золотая,— иронически замечает кто-то.

— ...березовым веселым языком,— подхватили за ним и хором закончили: — И журавли, печально пролетая, уж не жалеют больше ни о ком.

— Ха-ха! Немцы чешут теперь пониже спины, придерживают закуску на столах...

— А где-то отмечают сейчас по-настоящему.

— Но нигде не отмечают, как мы. Да и нам едва ли еще придется так. Громче никто не встречает Новый год и не провожает старый. Сила!

— Уж лучше бы не знать такой силы.

— Я вот собирался ребятишек учить в школе...

— Хо-хо! Повзрослели твои ребятишки за это время...

— Итак, на чем мы? Как там у Есенина дальше?

Ефим ушел в воротник полушубка, прищурил глаза, прислонился к темной стене землянки. И продолжил:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

— Не празднуют сейчас! Какой праздник, если ежедневно ждут вестей.

— Послушаем Ефима...

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

— Браво!

— Виват преподавателю русского языка и литературы из Улан-Удэ!

— Спасибо. Не успел еще я в школе...— Федяев замолкает, собираясь с духом.

Мы неравнодушны к Есенину, но в нашей памяти сохранились отдельные строки, а тут — весь, без пропусков.

— Что помнишь еще, Ефим?

— Слушайте вот:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ефим воспроизводил строки Есенина, а принимали мы их применительно к себе. Не знали мы, почему о литературном герое думалось с грустью, и завораживались звуком слов, стройностью повествования, сожалением о прошедшем времени неизвестного человека. Чем-то похожи мы на него, только едва ли сидел он в окопах и ждал гибели от снаряда и пули. Он скорбел по другим причинам: оттого, что подвергся влиянию времени, спокойному и неизбежному естественному увяданию. Нам этого пока не дано.

...Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Оптимистическая тирада: что должно произойти, то и случится.

Грустные строки великого поэта трудно найти на книжных полках библиотек и частных собраний и совершенно невозможно — в окопах переднего края, а у филолога они хранились в емкой памяти.

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.
Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.

Есенин писал о себе и своем времени, а похожими чувствами откликались наши души, запрятанные в землянки, окруженные другими условиями. Он откровенен с нами, как с друзьями или приятелями, готовыми понять его.

Несмотря на негласный в то время запрет, любовь к Есенину не ослабевала. Мы просили Ефима еще и еще читать стихи поэта, извлекать их из памяти и могли слушать без конца. Федяев знал много, даже уверял нас: знает всего. Мы не перечили, а наслаждались плавным слогом и яркими неожиданными сравнениями.

Но тут действительность напомнила о себе — послышался залп многих орудий со стороны противника, разрывы окружили землянку грохотом, сотрясая стылую землю и стенки нашего убежища,— в Берлине наступил новый, 1945 год.

— Вот черт — тоже отмечают...

Ответный залп немцев внес ощущение реальности того, где мы находимся. Он не испугал, а насторожил, и настроение было потеряно. Плотность огня мало отличалась от нашей, даже трудно было уловить разницу, хотя мы готовились наступать. Но никто ничего не сказал об этом.

Мы не ответили немцам на их залп: каждый встречал Новый год как умел. И салютовал ему имевшимися средствами.

На наших часах стрелки показывали уже два ночи.

Надо отдохнуть до рассвета, до мутного туманного утра и вступления в полные права нового, незнакомого нам года.

Дивизия вступает в бой

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 1 час 45 минут.

— А погодка-то ведь дрян-на̀я,— нажимая на конец слова, сказал Ширгазин.

— Погода не снимает с нас ответственности за результаты. Твои цели находятся между первой и второй траншеями, а пехота вошла только в первую — своих не заденешь. Налеты делать по второму варианту, в глубину.

— Ничего не видно — туман...

— Ну, дорогой, пора перестать ему удивляться, через час-второй развиднеется.

— Вас понял: работаем по второму варианту.

— Да.

Разговор этот состоялся до артподготовки, начавшейся в 9 часов утра.

А погода действительно никуда. Безветрие и туман. Зимняя промозглая сырость.

Прошедший с вечера дождичек, впитавшийся в верхнюю корочку снега, сменился легким морозцем. Наползла муть, растворившая дальние предметы, сделавшая все одинаково серым, невидимым, превратившая нас в слепцов, она досадой заползала в наши души. Перестрелка, редкая в такое время, затихла совсем, перестала беспокоить людей в ранние, сладкие для сна часы, все остановилось, примолкло, ожидая приближения рассвета.

Тишина, однако, была обманчивой. Нельзя верить тишине и покою на переднем крае — покоя не было. Утром, в 6 часов, пехота бесшумно про-

никла в первую траншею немцев и не обнаружила там никого. Первая траншея была пуста! Не видя, мы могли зря бить по первой траншее, бессмысленно тратить снаряды. Поэтому вступал в действие вариант номер два, исключавший из зоны огня первую немецкую траншею.

В первый день боя, 13 января, главную полосу обороны противника прорвать не удалось.

Мы устремились тогда за пехотой, поднявшейся в атаку, и подошли к своей цели номер тридцать. Кирпичная стена дома, где находилась цель, была разрушена — все живое рядом не могло уцелеть.

За второй траншеей пехота попала под пулеметный огонь и залегла. Мы заняли подвал, а сохранившиеся обломки стен использовали как прикрытие для наблюдения. В этот день продвижения не было, безуспешен был и день второй. Огневые позиции не менялись. На третий день после спланированного огневого налета пехота поднялась и захватила деревню...

Деревня стояла в глубине обороны и разрушению не подверглась. Строения выглядели целыми, в них сохранилось еще тепло от протопленных печей, хотя двери не везде прикрыты. В большом одноэтажном доме, бывшем офицерском клубе, мы рассматривали немногие предметы, оставшиеся после немцев, и фотопортрет Гитлера под стеклом, висевший на торцевой стене. Там мы получили по радио команду: остановиться и вернуться обратно. Полк свою задачу выполнил. Мы вернулись в распоряжение родной дивизии, находившейся в резерве.

Наша дивизия введена в бой с рубежа реки Инстер только 20 января. Пилькаллен, захваченный в первые дни, был пройден, а вновь введенные части устремились на юго-запад...

Через два дня узнаем о взятии Инстербурга и о поспешном бегстве немцев из Гумбиннена, оказавшемся в тылу нашей армии. 23 января левый сосед дивизии завязал бой за Велау.

Теперь мы редко видели огневиков. Огневые взводы существовали независимо от командира батареи. Они следовали со старшим офицером батареи, оставляя комбату роль стрелка и корректировщика. Он двигался с пехотой и выполнял задачи переднего края. Он не всегда знал положение ОП, не имел точных координат, и только приблизительность района позволяла ему назначать исходные данные. Поймав простым глазом или биноклем разрыв своего снаряда, пристрелкой определял ОП. Данные пристрелки с поправками на метеоусловия давали топографическое положение батареи. Расходовалось чуть больше снарядов, но исключалось несколько этапов подготовительной работы.

23 января вечером мы остановились на северном берегу реки Прегель. Командиры пятой и шестой батарей получили задачу от комдива раньше, а меня он задержал:

— Твоя работа сегодня особая — пойдешь с батальоном пехоты. Пехота переходит реку Прегель, захватывает фольварк Редерсбрух и удерживает его до подхода главных сил. Связь по радио с батареей и со мной. Готовность через 30 минут.

Вопреки моим ожиданиям немецкие траншеи на южном берегу реки никем не охранялись — мы не встретили там никого. Батальон бесшумно прошел траншеи, приблизился к фольварку, окружил и вошел в него. Там нас не ждали.

Пожилая хозяйка лет 65-ти, еще энергичная женщина, зажгла керосиновую лампу (электричество не действовало), предоставила обширную комнату и большой стол русским.

Над картой склонились командир батальона и его помощники. Радисты устроились рядом. Я воспользовался светом, чтобы сориентироваться и подготовить данные для первых выстрелов.

Батальон занял круговую оборону.

Рядом проходил проселок, соединявший фольварк с Велау и Патерсвальде на востоке, а на западе, выходя на шоссе,— с Фришенау. Железная и шоссейная дороги на склонах к реке были нами пройдены и не просматривались. Для связи немцы использовали проселок, на котором видны свежие следы транспорта. Мы контролировали несколько дорог, идущих из Велау и Патерсвальде на запад.

К северному торцу дома под углом буквой «Г» примыкал сарай, между домом и сараем оставался проход. На стыке, в 15—20 метрах от прохода, оказалась выемка, яма, где я устроился со своими управленцами.

Ночь, а пристрелка необходима. Управляя по радио, одним орудием я нащупал проселок в сторону Велау и записал там неподвижный заградительный огонь (НЗО). Затем перенес огонь на другую сторону фольварка, ограждаясь с двух сторон от возможных атак противника.

Мы с радистом ушли в избу — на улице холодно. Связь поддерживается непрерывно, штыревая антенна рации раскрыта. В избе отогреваемся, наблюдаем за действиями пехотного штаба.

Привели пленного немецкого солдата в белом халате. Он ранен в живот, а насколько серьезно — не видно под халатом. Немца сняли с вездехода, направлявшегося из Велау на запад. Водитель убит, а его попутчик сидит с нами рядом. Его допрашивают. Он отвечает на все вопросы майора Жукова через переводчика, говорит о нумерации и численности обороняющихся здесь частей. Он не

запирается, и видно, как страдает от раны, с трудом удерживаясь на деревянном табурете. Его пакет будет изучен позднее.

Мне любопытно, как легко выкладывает немец сведения, составляющие военную тайну, не придавая им значения.

Допрос окончен. Его сведения нужны командиру батальона заранее, хотя еще ничего не началось. Он прикидывает, каким станет бой, как сложится «представление».

Немецкий штаб не дождался прибытия вездехода и не получил пакет. Там подняли тревогу и приказали атаковать фольварк.

Атака началась со стороны Велау.

— Давай сюда, комбат,— приказал Жуков.

Моя батарея — «Волга» — открывала огонь из всех орудий. Вместе с ней огонь пулеметчиков батальона положил немцев на землю. Последовала контратака и дружное «ура» наших, обративших врага в бегство. Человек пять взято в плен. Этих людей разместили в яме рядом с моими управленцами.

Соседство неприятное. Но пленным солдатам давно надоело воевать.

Последовала атака с запада — батарея снова включилась в работу.

Долговязый немец высунулся из ямы и энергично грозил кулаком атакующим.

— Вот еще помощник нашелся. Зетц! — прикрикнул я на него. Тот испуганно сполз вниз.

Атака была отбита.

Жуков был рядом и наблюдал за работой.

— Теперь атаку можем ждать отсюда,— сказал он и показал на север.

По северному полю я пристрелялся дивизионом.

По дороге из Велау наползало серое пятно. Бро-

нированная машина. После нескольких выстрелов «Волги» снаряд бьет по броне. Машина остановилась.

Жуков доволен, я это чувствую, не глядя на него.

— Хорошо, комбат. Нужна справка за цель?

— Не надо.

К нему подходят. Он отдает распоряжения:

— Дорогу на Фришенау заминировать.

— Пэтээровцев и САУ[1] — в сторону леса.

— Сорокапяткам бить только наверняка.

— Закрепиться всем: не к теще на блины пришли.

Потом отбивались с двух сторон: с востока и запада одновременно. Немцы, должно быть, договорились. Зазвучал весь дивизион, а батальон ощетинился. Немецкая батарея открыла огонь по нам. Снаряды рвались на территории фольварка, какие-то угодили в дом и сарай, разбросали черепицу на их крышах. Теперь укрыться можно только в наспех отрытых щелях, постройки опаснее. Назначив необходимое число снарядов, мы отсиживались в ячейках.

Враг не прошел, он уткнулся в землю.

Сидеть в окружении и отбиваться от наседающего врага — необходимая и осознанная задача. Других задач Жуков не ставил. Залезть в землю и устоять — теперь это стало для нас главным.

Стрелковые полки на северном берегу отрезаны от нас — их атаки последуют, но скоро ли?

Наступил полдень. Не вылезая из ячеек, мы следим за противником. У него перерыв — обед.

Мы тоже грызем сухари, доставая их из вещмешков, из полевых сумок.

---

[1] САУ — самоходная артиллерийская установка.

С неба, окрашенного в желтовато-серый цвет, падает колючая крупа. Но видимость лучше, чем утром. У леса вспыхивают и затихают стычки, они обстановку не меняют.

Открытое поле на севере просматривается не на всю глубину, мы видим пространство метров на 300 перед собой. Траншеи не видны.

Нас обстреляли немецкие артиллеристы, а потом началась атака с севера, поддержанная двумя танками. Танки остановились перед нами и в упор били по пятнам на земле: по сараю, по торцу кирпичного дома фольварка. Стропила на сарае рушатся, крыша оседает кособоко, неуверенно, от торца дома поднимаются дым и кирпичная пыль. Немецкие танки рушат немецкие постройки, не нанося существенного урона нам.

Тяжелыми снарядами шестой батареи я веду огонь по танкам. Танки и атакующая пехота находятся между мной и батареей — я стреляю на себя. Гитлеровцы падают в снег, а танки хотят уйти из-под огня гаубиц. На немцев налегают «Днепр» и «Волга». Танки горят.

Очень важный для немцев нажим не принес им успеха.

Занятые отражением отчаянных атак на своем участке, мы не обращали внимания на гул орудий у соседей. Стреляли везде, военные действия проходили по всему фронту, и каждый решал частную задачу. Левый сосед справился с задачей раньше нашей дивизии, разрядил обстановку не только у себя, но и облегчил положение нашего батальона.

По открытому полю от Велау на нас шла цепь пехоты. Подпустив ее ближе, по каким-то признакам определили: свои. Наши встали в рост и, подняв руки с оружием, кричали «ура!». К нам прорвался левый сосед дивизии.

В тот день, 24 января, противник потерял до 250 человек убитыми и ранеными и 4 танка сожженными, был отброшен, а части дивизии овладели Зиллаке и фольварком Фришенау [1].

Батальон Жукова вечером заменили, а я подождал своих. Жуковцев оставили во втором эшелоне, на развитие успеха ввели другой батальон со свежими силами.

Позднее я спрашивал в пехоте: где гвардии майор Жуков, командир стрелкового батальона?

— Убит при штурме господского дома под Кенигсбергом.

Перейдя реку Прегель, дивизия наступала по южному берегу в общем направлении на запад.

За фольварком Фришенау, взятом еще батальоном Жукова, из деревни Ромау стреляли засевшие там немцы. Свежий батальон оставил одну роту с фронта, две других пошли в обход и ударили по немцам с флангов. Противник был опрокинут и потеснен. Собравшись, гитлеровцы контратаковали, но безуспешно.

11-я гвардейская армия обошла Кенигсберг с юга и к исходу дня 29 января левым флангом перерезала автостраду на Эльбинг, вышла к заливу Фриш-Хафф на участке от Кенигсберга до устья реки Фришинг. Сухопутные связи гарнизона города с войсками, действовавшими к югу от него, были прерваны. Но 30 января из района Бранденбург немцы нанесли удар по левому флангу армии, оттеснили ее от побережья залива и восстановили прерванные связи.

Город был близок.

Огневики четвертой в ночь на 30 января заняли

---

[1] ЦАМО, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 49.

открытую ОП всей батареей. Они подготовили орудийные окопы, ровики для снарядов и для личного состава. Поддерживая атаку, батарея била по дзотам и по другим огневым точкам, пока сама не стала желанной целью. По пушкам Сергеева открыли огонь вражеские зенитчики калибром 100 миллиметров. Раньше не приходилось попадать под огонь зенитчиков. Снаряды рвались не на земле, а в воздухе наподобие бризантных. Люди ушли в укрытие. Несколько метких воздушных разрывов в пяти-десяти метрах над землей вывели из строя всю матчасть батареи.

Попытка штурмовать Кенигсберг с ходу оказалась неудачной.

В этот день дивизия и вся 11-я армия временно перешли к обороне.

Дальнейшие действия носили частный характер.

В полку Яблокова

В свите подполковника Яблокова, командира 252-го гвардейского стрелкового полка, я ходил вместе с Ширгазиным как командир подручной батареи. Такие батареи обязаны были иметь артиллерийские начальники от командира дивизиона до командующего артиллерией корпуса [1].

Командир полка года на два старше меня. До войны он стал кадровым офицером, командовал минометным батальоном, был начальником штаба полка. Находясь рядом, я видел на груди Яблокова, под полушубком, ордена Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды.

Яблоков — веселый и энергичный человек с крепко посаженной на плечи светловолосой голо-

---

[1] ЦАМО, ф. 1236, оп. 1, д. 199, л. 74.

вой. Легкость, с какой он решал сложные вопросы, была кажущейся — напряженная внутренняя работа внешне не проявлялась и воспринималась как особенность естественная.

Запомнилось несколько моментов от пребывания в этом полку.

Был февраль. Войска разрушали внешний оборонительный пояс вокруг Кенигсберга.

Продвигались медленно. Высокая насыпь перегородила путь. Ее крутой откос понижался влево, заканчиваясь у небольшого поселка. Широкая полоса асфальтированной дороги на насыпи уходила дальше.

Поселок был взят. А после атаки во фланг противник оставил насыпь и бежал. С нее открывался хороший обзор, но занимать НП не надо — сопротивление ослабло, а перестрелка затихла.

— Далеко не уйдет. Глядя на ночь, в болото не полезем,— сказал Яблоков.

Он отдал необходимые распоряжения, а потом предложил:

— Давайте перекусим.

Кухни отставали. Группа офицеров устроилась между уцелевших стен полуразрушенного дома, доставая из сумок взятые с собой припасы. Это был отдых, временное затишье, может быть, даже ночлег.

Мы хорошо поели и разогрелись.

Меня влекла к себе насыпь — туда должны подойти связисты, снимавшие линию при перемещении. Их не было. На обусловленном месте стоял Ахмет Гасанов, разведчик и мой ординарец.

Под насыпью на снегу валялись фаустпатроны. Один из них лежал сверху у полотна шоссейной дороги.

Загадочное и внешне примитивное средство —

обернутая в жестяную оболочку взрывчатка, принявшая коническую форму снаряда,— могло соперничать с нашими пушками в противотанковой борьбе. Оно удивляло простотой. Я взял большую дулю снаряда, нацепил, куда положено, а ствол упер в плечо и прицелился в разбитый бронетранспортер. Оставалось нажать крючок.

— Я правильно делаю, Ахмет? — обратился я к знатоку.

Он взял у меня фаустпатрон и забросил далеко под насыпь.

— Разве так можно? Стреляют совсем не так.

Я не знал, как стреляют, а Ахмет не показал.

— Ладно,— легко согласился я,— в другой раз покажешь. Найди наших связистов и приведи их сюда.

Спорить с Ахметом, я понимал, было бесполезно.

Я пошел в сарай, а ординарец недоверчиво смотрел мне вслед.

В сарае я пристроился к костру. На другом конце большого, плотно сколоченного помещения находились солдаты нашего дивизиона. Они отдыхали на сухой земле, припорошенной соломой. Ворота широко раскрыты, дым не задерживается, но костер небольшой.

Мне уступили место.

Поправляя угольки костра, пожилой солдат неторопливо рассказывал молодому сослуживцу об атаках драгун, дравшихся здесь еще в первую мировую войну, заполняя долгий и еще не поздний вечер воспоминаниями.

Слушая и не вмешиваясь, я задремал.

Нашел меня Ахмет. Он долго сидел рядом, не тревожа, поддерживая огонь, пока я не оказался в опасной близости от костра.

— Вы сгорите, товарищ капитан,— разбудил меня ординарец.

— Это ты, Ахмет? — спросил я, еще не понимая, где нахожусь. А потом вспомнил.— Спасибо, что сидел рядом. Вчера я сильно устал и быстро захмелел.

— Не предупредили, где находитесь. И доверились чужим.

— Люди здесь сидели хорошие, Ахмет...

Солдатам переднего края на территории Восточной Пруссии работа казалась проще — не надо копать землю или почти не надо. Для КП и наблюдательных пунктов предпочитали полуразрушенные, а лучше — разрушенные дома с цементным полом первого этажа. Заваленный кирпичом бетон усиливался толстым слоем инертного материала, а подвалы являлись готовым убежищем. «Удобства» эти избавляли от трудоемких и тяжелых земляных работ, от поисков и установки перекрытий.

Сидя ночью в подвале, Яблоков обращался к адьютанту:

— Как там обстановка, запросите в батальонах.

— Наступаем,— отвечали батальоны и указывали свои координаты по карте.

Через некоторое время снова вопрос:

— Запросите, как там?

— Наступаем,— отвечали батальоны и указывавали те же координаты.

— Что они топчутся на месте? Вызывайте по телефону по очереди.

Из первого батальона следовали объяснения:

— Одна рота сунулась к дороге — ее обстреляли, она вернулась с потерями. Вторая и третья удерживают занимаемые позиции по полю.

Второй батальон:

— Мы заняли водопропускную трубу на шоссе — на большее не хватило сил, есть раненые. В ротах активных штыков — по отделению или чуть больше.

Третий батальон:

— Сами понимаете — господский дом. Это крепость. Бой там не прекращается. О смене КП говорить рано.

Командир полка обязан верить докладам.

Он понимал, что солдаты измучены и кто-то отдыхает, набирается сил на завтра, другие атакуют, используя темноту для улучшения позиций. Но существенных изменений нет.

Разнокалиберная ватага обвешана приборами и солдатским имуществом. Она спешит за Яблоковым, подтягивается, боясь отстать. Переход невелик, КП продвигается вперед метров на 600, а потеряться в темноте среди пятен снежного поля несложно.

— Споем нашу маршевую? — спрашивает Яблоков.— Давайте про попа...

Шагает он уверенно и широко, но замедляет шаг и начинает сам:

Калинка-малинка моя,
В саду ягода калинка моя...

Импровизаторы-песенники знают привычки командира. Под общее оживление тенор поддерживает запевалу:

А у нашего у местного попа
Лишь недавно повредилася стопа...

К тенору присоединяются басы:

Он в засуху все поглядывал окрест,
Вместо дождика упал на ногу крест.
Ого!

Восклицание дает знак остальным, они дружно подхватывают припев:

Калинка-малинка моя,
В саду ягода калинка моя.

Тенор продолжает:

Без молитвы с неба дождичек пошел,
Мы от радости разделись нагишом.
Кувыркались и смеялися взахлеб.
Вместе с нами раздевался сельский поп.
Ого!
Ну конечно, поп не может донага,
От ушиба ведь болит его нога.
Нету шляпы, нету рясы, а живот
Толще всех — такой уж поп у нас живет.
Да еще большой крестище на груди.
А не веришь — приезжай и погляди!
Да-да!

Глупенькая, несерьезная песенка. Она могла продолжаться как угодно долго — в зависимости от степени готовности ее сочинителей и от дальности перехода,— здесь приводится вариант. Она не соответствовала нашему фронтовому положению, а на удивление нравилась. Шутливый рассказ о полузабытом мирном времени сбрасывал груз с плеч и поэтому помогал, пожалуй. Мотив русской народной песни знаком каждому, а в словах что-то озорное, веселое.

У солдат заметно приподнималось настроение, от прилива бодрости шаг становился четче, расстояния — короче. Так действовала эта немудреная песенка.

Потеря деревни

Командир соседнего полка подполковник Чарский был гурманом. Эта его особенность сочеталась с дородностью и респектабельностью внешне-

го вида. Огрубевшие и опростившиеся за войну сослуживцы называли его интеллигентом, не заботясь о точности определения, другие манеру поддерживать нужный разговор и в нужном месте принимали за образованность, третьи отмахивались как от человека не их породы.

Нынче командир полка встретил майора Кузовкова, начальника строевого отделения штадива. Кузовков прибыл в полк с пополнением человек на тридцать. Чарский обговорил с ним дела, отправил пополнение в батальоны.

Майор Кузовков не велик званием и чином, но человек он нужный, через него проходит весь рядовой и сержантский состав. Он может дать людей или воздержаться: маленький, а начальник.

Уже вторая половина дня, но, несмотря на позднее время, Чарский приглашает майора отобедать, зная, как тот проголодался.

Он развлекает гостя разговором, предвкушая сам предстоящую трапезу. В рационе, говорит Чарский, недостает каких-то деликатесов, какой-то малости, но приходится мириться — война.

— На войне рад даже малому,— поддерживает разговор Кузовков.

— Это непросто — найти малое. А мой повар нашел. Он где-то добыл грибочки, соленые и с чесночком. Аромат — за версту слышно.

— Сохранилось тут кое-что в подвалах...

— Подвалы попадаются богатые. В них есть пиво, настоящее баварское! Стакан или бутылочку перед обедом — это цимес! К сожалению, сегодня без пива, не обессудьте.

Они усаживаются за стол посреди комнаты командира полка в сохранившемся немецком доме. За полуоткрытой дверью в соседней комнате видны артиллеристы с рацией, встававшие, когда шли

старшие начальники. Майор поглядывает на опрятные белые стены, на чудом уцелевший пейзаж с русалками в золоченой раме, на диван, застеленный армейской плащ-накидкой, странно бугристой на плоском диване. Около него — коврик под ноги и ковер на стене. Неплохо, неплохо, должно быть, думает гость, недурственно, даже по-барски. Сам он не признает немецких пуховиков, отвергает их за громоздкость и неодобрительно смотрит на пуховик под плащ-накидкой. Но вслух говорит другое:

— Народ нынче прибывает из госпиталей уже обстрелянный, да мало его.

— Страна наша еще не оскудела, народ будет.— Командир полка разглаживает трофейную скатерть.— В народе заложены огромные возможности. Я признаю это, когда сажусь за стол, не поверите? И окликаю своего Ваньку. Ванька — мастер. Он окончил всего лишь училище по кулинарному делу, а ведь до чего способен, бестия! Даже талантлив. Мне повезло. Отсутствие городских удобств я компенсирую хорошей кухней.

Майор незаметно отодвигает белую салфетку, лежащую перед ним, трогает приборы, не теряя заинтересованного выражения лица.

— Вы представляете,— говорит Чарский,— как можно сделать первое? Это будут суп или щи — наваристые, заправленные жареным луком. И обязательно с укропом, без укропа вкус не тот. И чуть-чуть с кислецой. А кислецу придает им капуста, немножко подквашенная... М-м-м!

— Да, да, капуста вкусна,— сдержанно реагирует Кузовков, сглатывая слюну.

Бледнолицый худощавый майор поесть любит, но он не придавал еде такого значения. Он уминал то, что давали на кухне штаба дивизии. Теперь приличествует сказать что-нибудь приятное о еде,

но едва ли он додумается до чего. Инициативой владеет подполковник. Майор успевает вставить несколько фраз:

— Да, да, конечно... Продуктами нас не обижают... Были еще склады трофейные...

— Максим Егорыч! — говорит майор.— Вы отличный хозяин в своем полку — я должен заметить это. В нашей дивизии нет столь осведомленного и милого командира... Н-да... Но вы не полностью укомплектованы, извините за критику.

— Есть некомплект, Иван Степаныч, есть, чего греха таить. Но ведь это от вас зависит, от вас.

— Много потерь, Максим Егорыч, много... А мы пополняем, когда есть кем... Вам бы надо фельдшерицу в санчасть, единица эта свободна, а работы много. Если подумать, можно ее найти.

— Выбывают часто они, эти самые... Не часто, а выбывают.

— Есть на примете одна — загляденье, кровь с молоком.

— Не все ли равно, кто будет на солдатах дырки перевязывать.

— Это так. Это так, не все ли равно... Но в ней есть этакое-такое,— Кузовков рукой крутит замысловатый пируэт перед своим носом.— Упрячьте ее поближе, чтобы снарядом не пришибло.

— Ну, Иван Степаныч, вы теперь шутите.

Подполковник добродушно смеется. Под довольной улыбкой широкий живот подпрыгивает в такт смеха:

— Дело наше распоряжаться, это в наших функциях... Я подумаю, как поступить, это можно...

— Хорошо, Максим Егорыч, считайте, что фельдшерица будет.

Они порассуждали еще о мокрой зиме, о наступающей распутице, о том о сем...

— Однако мне пора,— наконец поднимается гость.— Я премного вам благодарен.

— Не смею задерживать. До свидания, Иван Степаныч, заходите с пополнением еще, буду рад.

— Как же, как же, обязан...

— Передайте мой личный привет начальнику штаба дивизии товарищ гвардии полковнику...

— Непременно передам, непременно.— Кузовков обеими руками трясет мягкую руку Чарского, потом обнимает его. Но спохватывается и, неуверенно развернувшись, уходит.

Чарский безмятежно и прочно спал в этот вечер, когда на переднем крае в районе Вайценхоф поднялась артиллерийская и минометная стрельба, противник на узком участке атаковал полк Чарского и выбил из деревушки подразделения пехоты, отошедшие во вторую траншею.

Деревня Вайценхоф стояла перед противотанковым рвом на линии фортов № 11 и 12 и входила в систему внешнего оборонительного пояса Кенигсберга. Она вклинивалась в эту систему и являлась опорным пунктом немецкой обороны. От того, в чьих руках находится деревня, зависела устойчивость оборонительного пояса или его уязвимость. Слева от Вайценхоф лежала железнодорожная линия на Розенау. Та и другая сторона рассматривали деревню как важный объект, имевший значение для последующих событий.

Доклад в дивизию.

Доклад в армию.

Доклад в Ставку: деревня потеряна.

Но газеты вышли накануне, и в них деревня названа в числе взятых, отвоеванных у противника. Что же, Ставка врет на всю страну, на весь мир? Сводки Совинформбюро объявляются по радио, их слушают все, в том числе и противник. Такого

не было, чтобы Ставка врала. Положение нужно исправить, чего бы это ни стоило.

Деревушка махонькая, в ней несколько тонкостенных кирпичных домишек, черных в предрассветном тумане. Третий батальон, оправившись от нанесенного ему удара, атаковал на рассвете и в течение дня, но под плотным огнем противника, теряя людей убитыми и ранеными, остался ни с чем. Немцы не дураки, они засели крепко, бьют из самых неожиданных мест.

С благодушием, исходившим от командира, в полку было покончено. Чарский похудел, он не уходил со своего КП, но обстановка к лучшему не менялась.

Приказ командарма требовал вернуть деревню на следующий день — командиру дивизии находиться на КП полка, командиру полка быть на КП батальона, возглавить его атаку; командиру батальона вести в атаку передовую роту. Командарм будет на КП дивизии.

Артиллерия дивизии готовилась поддержать атаку ограниченным числом снарядов; подвоз боеприпасов затруднен распутицей.

В огневом налете и в бою следующего дня участвовали батальонные и полковые минометы и пушки (кроме нас), привлекался огонь соседей справа и слева. Но средства эти не сокрушили оборону немцев, как бывает при прорыве,— стрельба получилась жиденькая и походила на повседневную. Соседи помогли в огневом налете, а дальше оставались безучастными.

Пехота поднялась в атаку.

Страдая одышкой, с пистолетом в руке, за атакующим батальоном шел Чарский. Кроме этой чертовой деревушки, для него не существовало ничего на свете.

Противник отвечает, свистят пули, рвутся мины, но пехота идет, падают сраженные...

Вот первая цепь приблизилась к переднему окопу, сворачивает к проходам в минных полях. По ней сосредоточивают огонь немцы с двух сторон, с трех, чтобы остановить у проходов, не дать миновать их.

— Ур-ра! — Чарский бежит следом.

Это было его последнее слово. Он споткнулся обо что-то невидимое и упал. Он не узнал, выполнена задача или нет, и доложить об этом не смог.

Деревня за три дня боя взята не была.

Командир полка был убит.

Штаб дивизиона

Еще в конце января меня агитировали сменить работу. Вакансия появилась в третьем дивизионе, начальник штаба которого болел и был госпитализирован. Перейти туда означало повышение в должности. Наступая, думать о таком предложении некогда, динамика событий не позволяла произвести служебное перемещение.

Перерезав железную дорогу, идущую из Кенигсберга на юго-запад через реку Фришинг, мы встали в оборону.

Мне позвонил майор Ширгазин:

— Принимай штаб третьего дивизиона. Батарею передай Сергееву.

Штаб размещался в фольварке Коббельбуде, в двух километрах сзади находилась железнодорожная станция того же названия.

Неподготовленному к новым обязанностям, мне пришлось туго. Не зная, как все делается, на ходу пришлось постигать штабные премудрости. Хорошо, что грамотным оказался писарь сержант Ко-

робков. Он упрощал мою работу: сам собирал в батареях ежедневные данные о боевом и численном составе, суммировал, давал мне на подпись, отправлял в штаб полка. Боевые донесения из батарей обобщались здесь же.

Поступающие сверху документы формулировались только в категорической форме — попробуй такие не выполнить! Но это был стиль общения, ставший в армии постоянным. Трудно представить себе иные слова и иные формулировки в тех условиях.

Командир дивизиона капитан Каченко беззаботно поживал на НП, категорические формулы не так волновали его, как меня, а исполнять их он поручал начальнику штаба. Он пришел в дивизион на месяц раньше, когда ранило майора Маркина, и подсказывать в мелочах не мог.

Адаптация к новой должности требовала времени и эмоциональной невосприимчивости, что ли, невосприятия всего близко к сердцу. Я вспоминал работу капитана Смердюка, других начальников штабов. Им доставалось на орехи, но они умели выкрутиться...

А пока шло все нормально. Мы занимались знакомой работой: разведкой переднего края противника, обработкой полученных данных. Опыт командирской работы в батарее здесь пригодился.

При штабе находились еще два заместителя комдива: по политчасти — майор Капелян и по строевой — капитан Бровинский. Они равны по должности со мной, поскольку начштаба во всех случаях является заместителем номер один.

Им я немного завидовал. Они были заняты поменьше меня — так мне казалось на первых порах.

Майор Капелян хорошо высыпался, потом шел по подразделениям, проводил где-то беседу, соби-

рал данные о политико-моральном состоянии воинов. Его служба политработника строго не регламентировалась. Капитан Бровинский, как говорили у нас, находился на побегушках: он делал то, что приказывал комдив, и не больше. Он не бегал, конечно, не рыскал в служебном рвении, а ходил размеренным шагом с высоко поднятой головой. Душа Бровинского оставалась чистой от постоянных забот. Зам. по строевой — единица необходимая, но на серьезную роль в бою он мог рассчитывать только при выходе командира из строя. В отличие от меня Бровинскому обязанности казались менее обременительными.

— Ну что ты пыхтишь? — спрашивал он, отрывая меня от ежедневной сводки.— Всего не переделаешь, а жизнь прекрасна без штабных забот.

Он подшучивает надо мной, этот Бровинский, думал я.

— Жизнь хороша вообще,— отвечаю ему и подписываю бумагу, запечатываю в конверт.

— Ты прав, НШ. Жизнь хороша вообще. Вот послушай меня. Девятая батарея могла утопить гаубицу. Знаешь?

— Не мешай ему, капитан,— вмешивается майор Капелян.

Я вызываю посыльного, отправляю пакет в штаб полка.

— Он не знает,— не обращаясь ни к кому, говорит Бровинский.— А ему надо знать — он теперь начальник штаба.

— А ты возражаешь против него? — спрашивает Капелян.

— Я не возражаю. Если есть штаб — должен быть и начальник.

Я занят очередной бумагой, Бровинский снова обращается ко мне:

— Ты, начальник, был в седьмой батарее? А в девятой? Вот видите — он не был в седьмой батарее. И в девятой не был. Как можно не зайти в девятую батарею, если...

— НШ занят, Бровинский, ему некогда,— говорит Капелян.

— Он слышит меня,— продолжает Бровинский.— А что могло случиться в девятой? Он не знает, что там могло случиться. Гаубица, представляете, гаубица! В ней — вес! Этакая дура! А тут Прегель — и лед. Какой лед на Прегеле? Вот то-то — вы не знаете, какой там лед. Пушки идут, а лед прогибается.

— От пушек едва ли...

— А как пойдут гаубицы? Такой лед рухнет!

— Лед там для техники жидковат.

— А я что говорю? Лед рухнет — и гаубица провалится, станет на дно. Выручай потом. Надо побывать там самому! Увидеть!

— Но ведь прошли...

— Ха, прошли. А как прошли? Что надо было сделать? Вы не знаете, вы — политработник. А я подсказал им, оказался рядом вовремя. Лед хрустит, как сухарь из НЗ,— попробуй по такому льду!

— Но и без тебя командиры орудий...

— Нет, они знают не все. За ними нужен глаз! Надо подсказывать!

— Хорошо прошли там гаубицы, Бровинский.

— Вот-вот. Надо вовремя оказаться на месте.

Под колеса тяжелых машин и гаубиц по настоянию Бровинского там были подложены доски. Теперь это стало предметом его воспоминаний.

Весна началась здесь рано. На календаре начало марта, а поля свободны от снега. Дороги

с твердым покрытием просохли, стали доступными для транспорта. Теперь снег встретишь редко — где-нибудь в тени в густой заросли стриженых кустов, огораживающих дворы, или в ямах в лесу. Паханые угодья подсыхали, по ним пробовали проехать, выбрать путь, чтобы не завязли тяжелые орудия. Перед 11-й гвардейской армией, действовавшей к югу от Кенигсберга, оставалась прежняя задача — выйти к заливу Фриш-Хафф.

13 марта наступление возобновилось. Завезенные ранее боеприпасы помогли уплотнить и сделать эффективной артподготовку — первая полоса обороны преодолена в первый же день. Мы учли метеоусловия дня, внесли поправки, огонь был точен. Невидимые в глубине леса цели, две усадьбы с домиками, обстреляны нашим дивизионом — там находились резервы гитлеровцев. Усадьбы изрыты снарядами, а проломы в кирпичных стенах домов свидетельствовали о прямых попаданиях. Успех артиллерийского наступления предопределил общий успех. Наши войска вышли к заливу и перерезали автостраду Кенигсберг — Эльбинг.

Единоборство

Вечером 15 марта сержант Погорелов со своим расчетом занял открытую ОП на небольшой песчаной высотке рядом с дорогой у залива. По правую сторону от дороги впереди окапывалось другое орудие, из пехоты.

Главное сейчас — остаться невидимым, не выделяться силуэтом на фоне местности. Маскировка и неожиданность — хорошие помощники успеха. Эти правила вошли в плоть и кровь.

Копали всем расчетом до полуночи, позже совершенствовали и маскировали свой окоп. Перед

утром замерли у орудия — немецкие танки приближались. Их гул нарастал, становился громче. Потом проявились силуэты машин, встреча с ними становилась неизбежной.

Начался бой.

Утро в Прибалтике приходит медленно, незаметно пробиваясь сквозь туман и высветляя предметы, разгоняет муть измельченной в воздухе влаги, оседающей на землю, и раздувает ее легким ветром.

Утро застало Погорелова, растрепанного и черного, свесившего гудящую голову вниз, одиноко сидящим на бруствере у орудия.

Сейчас, когда бой затих, смешанные чувства возникавшего страха и отчаяния, а теперь медленно приходящая радость слились воедино, подступили к горлу, стали неодолимыми. Нервное напряжение заменилось дрожью в руках, расслаблением, хотелось плакать, как ребенку, которого собирались наказать, а потом вдруг пожалели. Он размазывал грязь по лицу, отсмаркивался в сторону, постепенно присмирев, находя в неожиданной паузе отдых. Никто не видел его в это время и не мог осудить.

Враг отошел, бой был окончен. Впереди и сбоку догорали немецкие танки, пораженные ночью. Но в сознании картина боя повторялась снова, представая в своей трагической последовательности.

Командир орудия потерял весь расчет, а сам остался жив. При первых выстрелах он находился в стороне, корректируя огонь.

Колонна танков, не видя пушки, шла прямо на нее. Когда ведущий танк подставил свой борт, он был поражен наводчиком с первого выстрела. Еще два выстрела — и поражен второй танк. После этих выстрелов немцы орудие обнаружили.

Завязалась схватка.

Залетевший в окоп снаряд поразил весь расчет. Разрыв вспыхнул около станин, пушка замолчала, потому что стало некому управлять ею. Враг посчитал, что с пушкой покончено.

Погорелов из своего окопчика по-кошачьи прокрался к орудию и оттащил людей по сторонам: они убиты или тяжело ранены, без внешних признаков жизни.

Он зарядил орудие и затаился у панорамы. Еще один танк стал его добычей, загородив дорогу остальным. От горящих танков колонна свернула с дороги, переваливаясь в кюветах. Погорелов ждал, выбирая подходящую цель. Но танки растворились в тумане, шум их моторов затих.

Неужели отбил?

Погорелов вытер со лба пот и выпрямился. Он сходил за новыми снарядами, положил ящики рядом. Это — временная пауза, короткая передышка. Снимая шинель, он не переставал всматриваться вдаль. Из пятнадцати танков, шедших в колонне, поражены три, остальные ушли назад. Они не ушли совсем, а появятся еще и не обойдут узкую полоску берега, находящуюся под прицелом. Или напуганы?

Новый гул моторов заставил насторожиться.

Затаившись, сержант не спешил начинать. Не спешил, пока цели не станут четкими, различимыми в панораме.

Пушка пехоты открыла огонь первой и приковала к себе внимание. Она отвлекла на себя один или два танка, а их десять. Погорелов сжался в готовности, подворачивая ствол за головной машиной, выжидая нужный момент.

Чадившие еще машины, подожженные ранее, обозначали опасное место, оно обходилось танками

с фланга, и... подставлялись борта. Удача сама просилась в руки артиллериста.

Погорелов поразил ближний и увидел, как поползли по нему розовые светлячки, взял снаряд и зарядил снова. Он навел орудие в следующий танк, пока тот не успел повернуться к нему лбом, и нажал на спуск...

Он не успел понять, что было дальше,— тяжелая масса земли ударила его самого, сбила с ног, бросила на металлическую трубу станины. Наступила пустота, небытие, ничто...

Серый рассвет начинался сверху с побледневшего неба.

Прошло немного времени, а что-то изменилось, стало другим, непохожим. Видения боя проявлялись обрывками, медленно воскрешаясь одно за другим, заново собирая волю. Стучало в висках, боль от затылка растекалась по всей голове. Погорелов открыл глаза, увидел перед собой кругляки колес. Потом перевел взгляд вверх на откатившийся назад ствол и вперед недокатившийся. Орудие подбито.

Тишина удивила больше, чем гремевший до этого бой. Сержант не верил затишью. Не улегшаяся тревога заставила встать. Покачиваясь, он подошел к нише и взял противотанковую ручную гранату.

Видимость увеличилась, возрастала с каждой минутой. Поставив локти на бруствер и положив гранату рядом, он вглядывался вперед. Руки дрожали. А потом вылез и сел на бруствер. Дорога была свободна...

Дым и чад от догорающих машин растворялись в тумане, нависали пеленой над дорогой и посветлевшим полем. Устоит ли он, если танки появятся снова, и — с чем теперь? Вот с этим?

Сержант усмехнулся горько — улыбка это была или болезненная гримаса на изменившемся лице — сам он не видел. Он высматривал и прикидывал путь, как пройти вперед и встретить танки еще раз, если они появятся, мысленно составлял план действий.

Но тишина оседала устойчиво, замолкли даже отдаленные глухие хлопки. Молчала и сорокапятка справа у дороги впереди. Она, как и орудие Погорелова, задачу выполнила. Теперь стало светло и прозрачно — участок будет виден другим артиллеристам с их НП.

Пять танков врага. Это была победа в тяжелом, неравном единоборстве.

Командир орудия понял, как не по силам был бой, неравноценно малыми силами вело бой орудие — расчет погиб, а он стрелял один.

Атаки не повторились...

Штурм

В Кенигсберге — 130 тысяч солдат и офицеров противника, до 400 орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий, есть авиация.

Оборона города нашпигована мощными железобетонными и каменными крепостями на трех оборонительных позициях. Была еще одна, четвертая, преодоленная в январских и февральских боях. Город считался недоступной твердыней, укрепленной фортификационно наиболее сильно из всех городов Германии.

Перед нашей дивизией оказались три форта — 10-й, 11-й и 12-й. Два последних — перед отрядом полковника Белого, состоявшим из полка кавалеристов и армейских курсов младших лейтенантов. Сводный отряд-включен на усиление дивизии.

При организации связи старший лейтенант Портнов испытывал недостаток в людях — взвод управления дивизиона после зимних потерь так и не пополнился. А старая задумка его о своем коммутаторе, освобождающем от постоянного дежурства несколько телефонистов, пока не осуществлена. Коммутатора нет. На узле связи он посадил дежурного и поставил несколько трофейных аппаратов в кожаных чехлах, подсоединив к ним линии от абонентов. Хочешь поговорить — нажми на кнопку зуммера, дежурный ответит и соединит с кем нужно. Это был выход из положения, связь работала по всем направлениям, но небольшой коммутатор на десяток номеров был бы лучше — нажимай только на клавиши. Сделать его самому в полевых условиях невозможно — нет нужных деталей, а отлучиться в артмастерские нельзя. И найдется ли там все необходимое? Задумку он осуществит потом, а сейчас занят подготовкой. Его тревожит радиосвязь — питание и неисправность некоторых раций; проводная связь уязвима, особенно в городе, а радио проводов не требует. Вместе они обеспечат устойчивость и избавят связистов от вполне понятных упреков и недовольства.

Разведчики старшего лейтенанта Конопатова оснащены проще — есть бинокли, стереотруба, разграфленный планшет с нанесенными целями, целлулоидный круг, умещающийся в планшетке, журналы для записей. Ни катушек с километрами провода, ни другого громоздкого имущества — встал и пошел налегке. Это и хорошо, потому что разведка — глаза.

Дивизиону отвели фронт от форта № 11 до Вайценхоф, поработать на таком участке есть над чем, и капитан Каченко с разных точек изучает его. А Конопатов в это время отлеживается в блинда-

же за прошлые недосыпы. Если появляется новая цель, он прикладывается к стереотрубе урывками, будто сверяясь с какими-то своими мыслями. Он держит на посту дежурного наблюдателя и получает донесения из батарей. Чем располагает противник перед дивизионом, начальнику разведки известно — координаты зафиксированы, а точки на местности быстро находятся по приметам. Он не теряется, вынужденный отвечать даже врасплох ночью, если забеспокоится штаб по поводу поднявшегося на «передке» шума:

— Ничего серьезного не произошло. Фрицы выпустили семнадцать мин из-за рощи Круглой по пустому месту — им опять мерещится. Две угодили в болото и не разорвались. Перестрелка? Это наши усмиряют их.

Говорит в телефон уверенно, лишь потом сверяя свою информацию с пехотой, и не вызывает сомнений у дальнего собеседника. А Портнов сомневается сразу, но молчит: едва ли эти мины были сосчитаны, Конопатов только что оторвался физиономией от лежанки — спал. Но ответы звучат убедительно. И поверить можно — каждый клочок переднего края известен не только разведчику.

Штабы теперь впустую не нервничают и не донимают придирками, работы ведутся в спокойном отлаженном темпе, будто задача взятия города отодвинута на неопределенное время. Но штурм назревал. Портнов видел, проходя ночью по линии, как на тракторах подтягивались орудия большой и особой мощности — признак серьезный.

Разместились здесь широко — только первый дивизион слева занимает самый узкий участок в 500 метров, а наш — уже полтора километра. На дивизион Ширгазина выпало и того больше — до

самой реки. Восемь километров только на один второй дивизион! Многовато.

Никогда дивизия не готовила прорыв на фронте шириной в 10 километров. Мы попадаем на вспомогательное направление, главные усилия по прорыву будут сделаны в другом месте — нельзя делать главный удар растопыренной пятерней. Впрочем, дело это не портновское, он отвечает за связь, и не ему судить, как и почему такой порядок задуман.

С НП видна роща серых обнаженных деревьев, ничем вроде бы не примечательная, похожая на другие. Она мешает наблюдению вглубь, но именно она является важным объектом наблюдения — под ней находится форт, смотрящий в нашу сторону черным пунктиром амбразур. Этот форт предстоит взять во время штурма.

1 апреля начался дождь, сменившийся изморосью при низкой облачности и туманами. Тяжелые орудия нашей артиллерии начали бить по позициям врага, пытаясь снять с них маску, разбросать насаждения и землю, оголить бетон фортов и дотов, но погодные условия свели ее усилия на нет, и огонь прекратился. Погода была плохой на второй, третий, четвертый и пятый дни апреля. Авиация не могла подняться в воздух и помочь тяжелой артиллерии.

Со второго дня артиллерия возобновила огонь, не рассчитывая на помощь бомбардировщиков. К тяжелым ударам привыкли как к неизбежному звуковому фону и к грозным разрывам на позициях врага, сотрясавшим почву и на нашей стороне. За четырехдневный период разрушения артиллеристы торопились выпустить расчетное число сна-

рядов, нанести максимальный вред укреплениям. Они спешили, так как паузы между выстрелами тяжелого орудия по техническим условиям составляли 8—10 минут.

Период разрушения, начатый задолго до артподготовки, был новым и необычным. Раньше он включался в артподготовку между огневыми налетами и продолжался десятки минут, иногда час-полтора, в зависимости от прочности обороны. Здесь же разрушение длилось четыре дня.

Первоначальная готовность к утру 5 апреля была перенесена из-за плохой погоды на 6 апреля. К исходу 5-го погода улучшилась. Штаб дивизиона с вечера перешел на новое место.

Мы разместились в небольшом одноэтажном домике неподалеку от переднего края, за которым виднелась роща с фортом.

С левой стороны домика, рядом, еще до нашего появления встала на прямую наводку 305-миллиметровая гаубица-пушка с проложенной к ней узкоколейкой. Мы видели систему внутреннего освещения приборов, тележку с тяжелой чушкой снаряда, катящуюся по рельсам, как вагонетка в шахте, зарядные мешки с порохом и работу расчета. Соседство огромного орудия неприятно, оно грозило неведомыми нам опасностями, но более подходящего места штаб не нашел. Место было временным — на первый день боя. На случай обстрела рядом с домиком мы отрыли щель для укрытия.

Утро 6 апреля началось хмуро. Как только проявились окружающие предметы и стал виден форт, гаубица сделала первый выстрел.

Я не сразу понял, что произошло. Упругие газы, пославшие снаряд вперед, увлекли за собой слои

воздуха, на мгновение разредив прилегающее пространство,— такой перепад давления не был предусмотрен строителями и не предугадан нами. Закрытые окна и двери домика были высосаны влево, в одну сторону, в сторону гаубицы. Они упали наземь и рассыпались — с рамами и дверными косяками. В ушах зазвенело от грохота и треска стекол, поднялась пыль. Ударная волна подвергла серьезному испытанию барабанные перепонки.

До второго выстрела столь чудовищной силы оставалось несколько минут, мы прибрали имущество, боясь очередных последствий.

Артподготовка началась в 9 часов и продолжалась до 12-ти.

Главный удар армии наносился левее в районе форта № 9. В 10 часов возник грозный гул орудий на севере, по другую сторону города,— это заговорила артиллерия 43-й армии и ее соседей. Сплошной гул с их стороны продолжался до 12-ти.

Штурм первой позиции, начавшийся по всему фронту в 12 часов, был успешнее слева. А передовые подразделения нашей дивизии встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем из траншей и фортов.

Мешал крупнокалиберный пулемет — цель седьмой батареи. Мешали огневые точки у форта — цели восьмой и девятой батарей. Огневой вал прекратили. Начало штурма в нашей полосе нельзя было назвать удачным.

А тут еще разговор по телефону с Каченко:

— Принимай хозяйство на себя. Я вышел из строя. Болен. Поправлюсь — вступлю. Ты — официально.

Мое положение осложнялось. Этот короткий разговор наложил на меня обязанности командира дивизиона совершенно неожиданно.

Что такое форт?

Это подземное сооружение из кирпича и бетона предназначено для долговременной обороны и способно защитить участок местности в нескольких направлениях одновременно. В плане он является сложным многогранником. Перед фортом — семиметровой глубины противотанковый ров, прикрывающий его со всех сторон, недоступный также и пехоте, если она без лестниц и плавсредств. Стены рва покаты и выложены кирпичом, ров метра на три заполнен водой. Боковые стороны форта плавно закругляются и переходят в его тыльную часть, где по центру устроены ворота для общения с внешним миром. Вся крепость огорожена минными полями и проволочными заграждениями, а там, где кончается ров,— надолбами. Форт напоминает замок, глубоко врытый в землю, а потому невидимый с окружной шоссейной дороги, проходящей позади, он присыпан слоем грунта, на котором растут деревья, посаженные 40—50 лет назад. Возвышаясь как случайный холмик, эта крепость не внушает путнику никаких опасений и может оставаться незамеченной.

Внутри форта есть камеры для боя, они разделены между собой толстыми перегородками, но сообщаются через коридор сзади. Амбразуры для боя посажены низко, из них просматриваются только ближние участки, дальше местность перекрывается искусственными валами и неровностями, ограничивая обзор. Это — отрицательная сторона фортов. Коридоры и лестницы внутри соединяют жилые отсеки-казармы, склады оружия, боеприпасов, продовольствия и кухню, другие службы, в том числе медицинскую, размещенные на трех подземных этажах.

На боковых сторонах есть площадка для ору-

дий противотанкового и противоавиационного назначения. Орудия запрятаны в капониры и поднимаются по мере надобности. Там же предусмотрены пулеметные площадки. Форт может вести борьбу с наземными силами и противостоять атакам самолетов с воздуха. Он способен жить и бороться автономно в течение нескольких месяцев, располагая гарнизоном в 250—300 человек, представляя собой серьезную силу для любого противника.

Наша артиллерия четвертый день обстреливает форт из тяжелых орудий.

Сперва это мало тревожило немцев: снаряды могут попортить деревья, разгрести и выщербить грунт у дорожек, присыпанных песком, и у скамеек, на которых хорошо посидеть в ясную весеннюю погоду. Подземные укрепления не боятся артиллерийского обстрела, только опасны попадания в амбразуры на лобовых стенах — там стоят у пулеметных установок по одному, только по одному дежурному солдату — немного. Попасть в амбразуру чрезвычайно трудно. На худой конец, снаряд может влететь в пулеметное окно — тогда погибнет только постовой, потеря невелика, она почти незаметна для большого гарнизона — боеспособность его сохранится на сто процентов без какой-то малой доли.

Но снаряды тяжелы, это слышно по звуку разрывов, их можно приравнять к малой авиационной бомбе на 50—100 килограммов, и опасны. Они опасны еще и потому, что методично и настойчиво чередуют короткие паузы с выстрелами уже четвертые сутки. И чем дальше, тем больше опасение и тревога. Разрывы через слой земли и кирпича доходят до людей тяжелым гулом с угнетающим постоянством, почва и стены содрогаются от каждого нового удара. Полутора- и двухметровая тол-

ща над головами кажется тонкой и ненадежной.

Дьявольские разрывы все глубже проникают под землю, смещают ее тяжелые массы, рыхлят и уплотняют их, дробят корни деревьев, рвут металлические жгуты кабелей, трубы водопровода, керамику канализации. Не хватает кислорода, воздух становится дурманным, трудно дышать.

Люди осунулись, побледнели, выражение лиц стало бессмысленным, покраснели белки глаз, а в расширенных зрачках страх, безнадежность, ожидание скорой гибели.

Время от времени раздается немыслимый грохот, потолок обрушивается, все заволакивает пылью и дымом...

По свидетельству военнопленных немцев, некоторые солдаты из гарнизона фортов во время обстрела сходили с ума.

Третий дивизион в течение дня поддерживал курсантов. Ни один из трех фортов взят не был.

Слева удаляющийся бой гудел все глуше, оставляя нас с противником, сидящим на прежних местах. Почти 8-километровый участок от реки Альтер Прегель до перекрестка окружной и шоссейной дорог Людвигсвальде — Шенфлис атаковался безуспешно. Кавалерийский полк справа, поддерживаемый дивизионом Ширгазина, тоже оставался в своих окопах.

Вечером третий дивизион переподчинили стрелковому полку Яблокова, а первый и второй дивизионы — 248-му гвардейскому стрелковому полку, ушедшему вперед на левом фланге дивизии. 250-й гвардейский стрелковый полк следовал вдоль дороги Альтенберг — Авайден в готовности к развитию успеха.

252-й гвардейский стрелковый полк, находясь

перед фортом № 10, вторым батальоном втянулся в пробитую слева брешь, используя налет наконец-то начавшей действовать авиации. Огневые точки немцев в это время молчали, их расчеты осели в землю, спасаясь от бомб. Но авиация действовала недолго, и враг ожил. Первый батальон, захватив вражескую траншею, имитировал приготовления для атаки форта в лоб — якобы нечаянно показывал доски и лестницы для форсирования рва, усилил огонь по амбразурам. Пострадавший от огня артиллерии и бомбового удара, форт сопротивлялся.

Продолжая имитацию приготовлений лобовой атаки, капитан Федоров, командир батальона-1, главные силы батальона под покровом ночной темноты увел в тыл форта, намереваясь осуществить хитрую задумку. Изготовившийся к отражению натиска с фронта, враг был атакован со стороны входных ворот с тыла.

Темнота прикрывала маневр, но двигаться приходилось на ощупь по ограниченной колее, чтобы не нарваться на мины. Передовые подразделения ушли вперед, захватили Авайден, Шенфлис, бой шел в деревне Шпайхерсдорф — артиллеристам оставаться на старых ОП не имело смысла.

Старший лейтенант Жигарев вел свою батарею сам. На рубеже перекрестка дорог остановился. К нему подошел офицер из стрелковой роты.

— Слушай, ты куда?

— Вперед, а точнее — в хозяйство Яблокова.

— А мы кто? Считай, что приехал. Помоги своими гаубицами. Здесь действует первый батальон.

Жигарев прошел к командиру батальона Федорову, а потом отправил на некоторое удаление тягачи и нацелил орудия на неровные пеньки рощи, освещаемые редкими ракетами из форта.

Ночь ушла на подготовку. Часа в четыре утра батарея открыла огонь по боковой панели форта. По воротам били другие орудия, стоявшие там почти вплотную, пехота подтаскивала мостики и лестницы, сколоченные из досок.

Капитан Федоров поднял своих гвардейцев и атаковал гарнизон крепости силами в 35 человек!

Что происходило в крепости, Жигарев не видел. Он оставался у орудий в готовности к причудам этой ночи, подстраховывая извне штурмующую пехоту, оберегая единственный наружу выход. Трескотня и трассы, взрывы гранат внутри форта, как внутри берлоги загнанного вглубь зверя, не имеющего другого выхода, становились глуше и реже и через час затихли. Хитрость капитана Федорова удалась — атака со стороны входных ворот не ожидалась. Враг был обманут.

В пять утра 7 апреля потянулась оттуда колонна сдавшихся фашистских вояк под конвоем нашего автоматчика. Она насчитывала более ста человек и уходила в наш тыл — форт был взят. Эта важная твердыня перестала сопротивляться.

Взяв форт, прикрывавший железную дорогу справа, пехотинцы оседлали ее вплоть до развилки у Розенау.

Начальник штаба дивизиона следил за развитием событий, наносил на карту положение подразделений, отдавал распоряжения — надеяться было не на кого. Штурмовые группы не стояли на месте, а вместе с ними — артиллерийские подразделения дивизиона.

Днем 7 апреля с восьмой батареей капитана Соловьева, прикрывавшей действия пехоты с фронта, я вышел на дорогу, стрелой уходящую из Шенфлис на Розенау.

Аккуратные домики справа и слева не назовешь

деревенскими. Это был пригород большого населенного пункта с садами и огородами, почти дачное место, но заселенное свободно, на больших участках, приспособленных для постоянного пребывания. Наша артиллерия не тронула этого поселка, дома оставались целыми, а дорога открывала вид на город, на плотные строения старого Кенигсберга.

Я остановил батарею, рядом находилась пехота, а с ней — капитан Соловьев.

Навстречу по пустынной улице бежал немец в гражданской одежде. Напуганный, он заговорил, обращаясь ко мне, показывая документ:

— Я коммунист с 33-го года. Ищу защиту и спасения у русских, прошу оградить меня от репрессий.

Я пожал плечами. Против гражданских лиц мы не воюем, притеснять их не собираемся.

Этот гражданский был помехой и контрастировал с нами своей заботой о личной судьбе, лишь о личной. Наши заботы были другими — нужно выбрать ОП для орудий, чтобы контролировать дорогу и весь поселок, закрепиться, не позволить врагу оттеснить наших или выбить их за пределы этого солнечного поселка.

В ясном безоблачном небе подходили к городу тяжелые бомбардировщики и один за другим пикировали на его центр, освобождаясь от бомб. Мощные взрывы сотрясали воздух, над городом поднялся столб дыма и пыли. Цивильному немцу взмахом руки я приказал уйти с дороги. Это были ночные бомбардировщики, вылетевшие днем,— факт редкий в истории войны.

Немецкая авиация не появлялась. В небе над городом непрерывно в течение часа кружили наши истребители, прикрывая работу ночных машин. Почти четыре тысячи бомб, сброшенных на укреп-

ления и форты внутри города, возымели свое действие. Враг ослабил сопротивление, а наши войска пошли вперед, используя замешательство в его стане. Бои завязались в Розенау — на юго-восточной окраине Кенигсберга. Предстояло взять внутренний обвод, прикрывающий центр города средневековыми укреплениями.

К исходу дня 7 апреля полк Яблокова вышел на южный берег Альтер Прегель и тем самым отрезал от Кенигсберга группу немецких войск в районе отдельных домов, находящихся к северу от Зелигенфельда. Два других полка отбили у противника Шпайхерсдорф и южную часть Розенау и вели бой в кварталах этого пригорода и за Спорт-Парк. С наступлением темноты группа полковника Белого овладела фортами № 11 и 12, а также Зелигенфельдом полностью. К исходу дня она вышла на рубеж: господский дом Иерузалем, северная окраина Шенфлис. Долговременная оборона противника внешнего обвода была прорвана на всю глубину 7 апреля. Пали казавшиеся неприступными три форта и 10 дотов и дзотов. Группировка противника на юго-востоке города расчленена на отдельные группы и в основном разгромлена.

Слева частями армии взяты Понарт и Праппельн — окраины Кенигсберга, его «микрорайоны». От старых границ города их отделяли заболоченные зоны — менее одного километра в глубину,— редко заставленные железнодорожными строениями.

В дверных и оконных проемах каменных зданий, заложенных кирпичом, оставались лишь бойницы, из темноты которых могло появиться дробное мерцание пулеметного огня. Возвышения на перекре-

стках улиц оказывались дотами. На поворотах улиц мог стоять танк или самоходное орудие, замаскированное киосками, газетными витринами, досками объявлений. Каждое окно обыкновенного жилья грозило превратиться в огневую точку.

Действия в городе с многоэтажными постройками отличались от боя в полевых условиях. Бой возникал здесь за каждую квартиру и каждый этаж, за каждый дом и каждый квартал. Успех измерялся не расстояниями в метрах, а числом захваченных домов и кварталов, очищенных от врага объектов. В стенах появились пробоины, необычные пути входа и выхода. Мелкие штурмовые группы обходили препятствия, просачивались по задворкам, врывались к засевшим в домах гитлеровцам, сметали перед собой заслоны, уничтожали всех, кто сопротивлялся, и брали в плен, кто поднимал руки.

Сержант Аркадьев наблюдал за работой своего орудия. Он обязан корректировать огонь при грубом отклонении, но сейчас лучше не мешать; снаряды ложились рядом с целью — не по цели.

Кому-то может показаться, что цель накрыта, но это не так: она заволакивается дымом и кирпичной пылью, а в стене выковыривает рытвины, вокруг узкого вертикального отверстия, из которого бьет станкач.

— Спокойнее, Старцев,— говорит Аркадьев наводчику.

Вот пятый выстрел, а попадания нет — да и попробуй попасть на триста метров в какие-то сорок сантиметров щели или в свою же воронку! Без этого стену не пробить. Стена крепости толстая, хорошей старинной кладки, одним снарядом гаубица не может проломить ее — нужно два-три попадания в одно место.

Наводчик нервничает: их батарея не часто вы-

ходит на прямую наводку, а в городе приходится стрелять первый раз. Но пулемет едва ли оживет сейчас, не осмелится строчить навстречу 122-миллиметровой гаубице.

Нервничать причины есть. В городе огонь ожидай отовсюду: сверху, с боков, с тыла, хотя развалины прикрывают. А тут этот нелепый случай. Трудно поверить, но это так, против факта никуда не попрешь: сегодня погиб их комбат.

Старший лейтенант Жигарев учил бойцов осторожности и осмотрительности, чтобы меньше терять людей, а вот пошел в атаку на пулеметную амбразуру вопреки здравому смыслу и своим же доводам.

Под утро комбат встретился с Рейхманом, начальником разведки 1-го дивизиона, тоже старшим лейтенантом. Они вместе выбирали позиции перед внутренним оборонительным обводом. Офицеры указали места своим управленцам — откуда наблюдать, где поставить телефоны и рации, и места для орудий, и тоже изучали участок предстоящего боя. Что они говорили потом, когда вместе завтракали, неизвестно. Рейхман любил делать подначку, испытывал характер и сообразительность собеседника — это было в его правилах. А Жигарев по натуре заводной и горячий, не терпел пустых слов. Они могли поспорить между собой после того, как позавтракали. Гаубица сильна, конечно, но не точна — попробуй угодить в какой-то пулемет, запрятанный в средневековые стены! Проще метнуть в него ручную гранату — по крайней мере дешевле.

Разойдясь в разные стороны и прикрываясь от огня развалинами кирпича и подбитой техники, с разных сторон они приближались к амбразуре. И подошли довольно близко. За ними наблюдали разведчики. Оставалось 30—40 метров чистой площади, выложенной булыжником, которые нужно пре-

одолеть. Если пробежать их рывком, то попадаешь в мертвое пространство, огонь пулемета там не страшен. А из этого пространства ничего не стоит забросить в открытую щель амбразуры гранату, ту же «лимонку», чтобы с огневой точкой покончить.

Пулемет тогда молчал. Он и раньше вел огонь временами, по какой-то там своей системе.

Рейхман и Жигарев поднялись разом, чтобы пробежать 30 метров через булыжную мостовую к крепости.

Рейхмана пулемет уложил на первых шагах бега — пули отскакивали рядом от булыжника, когда он уже лежал, а Жигарев успел добежать до стены и вдоль нее из-за поворота подкрадывался к пулемету. Комбат держал в одной руке гранату, а в другой автомат. Он приготовился бросить гранату в щель пулеметной амбразуры, но был сражен огнем сбоку, о котором никто не подозревал.

Немцы хорошо организовали систему огня, прикрывая одну огневую точку другой и до времени не проявляя полной активности. Разве горячий и нетерпеливый Жигарев мог знать об этой второй огневой точке, прервавшей его отчаянный рывок? А вот нет: видя примеры храбрости в подразделениях пехоты, артиллеристы тоже решили пойти на риск. Никто не посылал их и не обязывал. Видимо, они были уверены в успехе задуманного, однако перехитрить немцев им не удалось.

Химики, чтобы скрыть перегруппировку пехоты, зажгли дымовые шашки. Завеса дыма заволокла крепость и все, что перед ней находилось, перебежками пехота перераспределила силы. Потом дым рассеялся и никого не стало видно. Тела артиллеристов, павших перед амбразурой, тоже исчезли.

Аркадьев не знал, что за ними сходили свои же разведчики, нашли их и унесли в сторону. Теперь

через вновь поднявшуюся завесу копоти, красноватой пыли и дыма Аркадьев не сразу понял, что пехота пошла не по пути Рейхмана и Жигарева, а стала растекаться по сторонам, хотя работа Старцева, его наводчика, была успешной — огонь из амбразуры не велся. Пехота нашла какую-то лазейку.

Потеря Жигарева ставила вопрос о новом командире батареи-9. Я доложил об этом командиру полка и распорядился занять место комбата капитану Бровинскому. Связи с Каченко, оставшимся где-то сзади, не было.

События развивались медленно, но успешно.

На левом фланге армии в ночь на 8 апреля полки генерала Пронина высадились на северный берег реки Прегель и закрепились там, нанося удар по западным окраинам Кенигсберга. К 14 часам 30 минутам 8 апреля в районе Амалиенау они соединились с частями 43-й армии, наступавшей с севера. Всесторонняя блокада города стала фактом — был перерезан последний путь, соединявший гарнизон Кенигсберга с земландской группой немецких войск. Контратаки немцев с внешней стороны ни к чему не привели, они гасились действиями нашей авиации. Известие о полной блокаде подняло дух и настроение солдат.

В течение 8 апреля части 83-й гвардейской стрелковой дивизии полностью уничтожили окруженную группировку в районе Зелигенфельда и сопротивлявшуюся группу на окраине Розенау.

Сводный отряд полковника Белого по приказу командира корпуса вышел из состава дивизии. Наш левофланговый полк очистил от противника три квартала и к исходу дня закрепился на рубеже: пристань — безымянное озеро. Два других полка, преодолев противотанковый ров с водой восточнее

Зюд-Парк, подошли к внутреннему обводу укреплений, но встретили огневой отпор из форта и амбразур каменной стены и остановились. Один из них в ночь на 9 апреля, совершив обходной маневр через восточный форт в Зюд-Парк, к этому времени взятый соседями, овладел кварталом 344 и, атакуя с северо-запада, штурмом овладел фортом. Развивая наступление вдоль южного берега реки Альтер Прегель, полк овладел еще шестью кварталами. С утра 9 апреля он на подручных средствах форсировал Альтер Прегель и, ломая сопротивление, штурмом взял форт южнее квартала 318.

На остров между Альтер и Нойер Прегель к этому полку подошел полк Яблокова, совместными усилиями они очистили от противника весь остров к 18 часам. Одновременно на подручных средствах форсировали Нойер Прегель и сосредоточились на ее северном берегу, взяв еще три квартала.

Документальная запись тех дней, сделанная в 252-м гвардейском стрелковом полку:

«После форсирования реки Прегель 3-й батальон продвигался вперед, ведя уличные бои. В одном из трехэтажных зданий в подвале был установлен станковый пулемет противника, откуда велся огонь. В лоб уничтожить его невозможно. Командир 7-й стрелковой роты разбил роту на три группы. Одна группа с ручным пулеметом обошла дом слева, через пролом в кирпичной стене, ворвалась в него с черного хода и гранатами уничтожила расчет станкового пулемета. Вторая группа обошла дом справа и уничтожила автоматчиков, находившихся в доме. Эти группы дали возможность ворваться в дом с фронта и очистить его от немцев. Взято в плен 15 солдат противника. Рота потерь не имела» [1].

Главным узлом сопротивления 9 апреля оста-

---

[1] ЦАМО, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 101.

вался Королевский замок, северный вокзал и отдельные кварталы в центре города. Возвышалась колокольня кирхи, иглой уходившая в небо,— стройная, готически величавая, с пробитой неровной брешью у основания конусообразной крыши. Кирпич не выдерживал натиска техники, его разрушающей неукротимой мощи. Оболочки из камня, кирпича, асфальта крошились, разлетались в стороны от ударов металла и заложенной в него взрывчатки, открывали новые проходы в стенах, делая непроходимыми старые проезды. Строения рушились, оседая на землю, превращая привычный силуэт в незнакомые нагромождения, изменяя облик и устоявшийся в сознании пейзаж.

Атака и бой внутри Королевского замка продолжались более трех часов. К 19 часам 9 апреля с ним было покончено, атаковавшие части 1-й Московской дивизии полностью овладели замком.

В 18 часов от генерала Ляша, командующего немецким гарнизоном, пришла делегация парламентеров в составе двух старших офицеров с предложением прекратить огонь. Она попала в расположение 27-го гвардейского стрелкового полка 11-й дивизии нашей армии.

Маршал А. М. Василевский через командарма генерал-полковника К. Н. Галицкого поручил вести переговоры начальнику штаба дивизии подполковнику Яновскому.

Яновский взял с собой помощника начальника штаба артиллерии дивизии капитана Федорко и инструктора политотдела капитана Шпитальника в качестве переводчика.

К 21 часу советские парламентеры прибыли в немецкий штаб на бывшей университетской площади, спустились в железобетонное убежище, представи-

лись начальнику штаба, а несколькими минутами позже — генералу Ляшу.

Генерал хотел прекращения огня. Огонь наносил урон не только войскам, но и мирному населению. Население несло неоправданные потери от огня артиллерии и авиации. Пусть маршал согласится прекратить огонь, говорил генерал, тогда жители города не станут дополнительным источником сопротивления. Они непричастны к развернувшимся событиям.

Группа фашистов пыталась проникнуть в штаб, перестрелять парламентеров и тех, кто собрался капитулировать, сорвать переговоры, но охрана штаба оттеснила ее.

Подполковник Яновский, опираясь на обращение к войскам противника, изложенное в листовке от 8 апреля, предъявил свои требования: обоюдного прекращения огня и полной капитуляции обороняющегося гарнизона. Здесь, в его присутствии, необходимо написать приказ о полной капитуляции, направить этот приказ частям. И — командованию подтвердить капитуляцию самому — сдать огнестрельное оружие, остаться только при холодном и проследовать в распоряжение маршала. Ношение холодного оружия маршал гарантирует.

Иного выхода не было, генерал Ляш согласился.

Затем решались практические вопросы — куда сдать оружие, как принимать пленных и другие.

К 2 часам ночи 10 апреля генерал Ляш с группой ответственных офицеров штаба был доставлен в наше расположение.

...10 апреля — тишина.

И откуда только появились люди?

Еще вчера пустынные улицы, простреливаемые пулеметным и артиллерийским огнем насквозь, теперь заполнились, стали обитаемы, на них работа-

ли — разносили кирпич или бросали его на сторону, развозили на тачках, освобождали дороги от разного мусора.

Улицы превращались в проезжие магистрали. Над городом торжествовала победа, мы полной грудью вдыхали ее воздух, приосанились, считали, что расчистка улиц — для нас, чтобы прокатить по ним побуревшие орудия.

Весь полк, все наше воинство собралось в одном месте.

Солнце над городом, пробиваясь через марево дыма от пожаров, свидетельствует о весне, и какое нам дело теперь до мелких групп, до остатков противника, не сложившего оружия, которые обречены? Их добьют специально выделенные подразделения.

Мы на вершине успеха, а подполковник Бодренко рядом с командиром полка говорит высокие слова:

— Мы победили. Город и крепость Кенигсберг взяты. Отважные артиллеристы были героями этого штурма. Артиллерия доказала, что она — главная ударная огневая сила. Без вашей отличной работы такую крепость не взять. Честь и хвала вам, славные артиллеристы! Ура!

«Ура!» прокатывается трижды по рядам наших подразделений, собравшихся на короткий митинг.

Мы оставались в городе еще двое суток.

Штаб дивизии подводил итоги.

Штаб артиллерии и оперативное отделение находились в соседних комнатах.

Соседство удобно — не надо бегать и согласовывать или занимать телефон, все рядом. Взаимодействие пехоты и артиллерии начиналось отсюда, из штаба дивизии, из этих комнат. Взаимодействие соединило, слило в единое целое, стало привычным

и продолжалось в полках, доходя до подразделений.

К утру нужны данные командующему артиллерией дивизии и объединенная сводка в корпус. Оперативники помогли — к ним стекаются сведения из полков, из отдельных батальонов и рот, от всех служб по самым разным вопросам.

Майор Молов углубился в бумаги.

Карта для командующего артиллерией дивизии готова. На ней цветными карандашами подняты — ярко разрисованы — объекты, уничтоженные дивизией, подавленные и захваченные. Полоса наступления сужалась к центру города, а вместила много: три форта на внешнем обводе и два — на внутреннем, 14 дотов, 18 дзотов и 12 линий траншей!

Старшина Карданов спит, укрывшись шинелью, на составленных стульях. Бывший сотрудник конструкторского бюро завода, а теперь чертежник и писарь, нужен здесь не менее, чем на заводе. Вместе с писарем оперативников они ведут журнал боевых действий — тот пишет с черновиков округлым мелким почерком, а Карданов готовит схемы, вклеивает их в журнал, украшает виньетками, изображая военные доспехи в окружении лавровых и дубовых листьев. И не только это... Он поработал над картой вечером, может понадобиться скоро, но будить его рано. Над сводкой следует подумать и подготовить черновик.

НШ кутается в шинель, наброшенную на плечи. Это привычка. На дворе не холодно — апрель, а Молову зябко.

Оперативники, те при долгих бдениях пьют крепкий чай с сахаром и много курят. Молов тоже пьет чай, а махорочный дым не переносит. Дым через двери проникает в его комнату, табачный смрад мешает, отвлекает от дела — Молов прикрывает дверь и открывает окна. На улице свежее. Чай

взбадривает ненадолго, он хорош, пока горячий, а потом снова хочется спать. Но спать нельзя. После полуночи стало тише, винтовочные выстрелы редки, и нужны усилия, чтобы собраться.

В сводке перечисляются уничтоженные виды вооружения противника и трофеи, отбитые в борьбе за город, всех наименований — 38. И в каждой строке — цифры, цифры...

Заводы — большие и малые, транспортные средства на железной дороге и на реке, средства личного и коллективного пользования, склады боеприпасов, продовольствия, вооружения, горючего, зерна, медикаментов, обмундирования, другого имущества... И солидный перечень оружия, взятого в бою.

В списке указаны также потери противника в людях: только убито и ранено 2300. А пленено? В ходе боя — 4100. При капитуляции принято еще 9200. Итого 15600 — полнокровная дивизия военного времени!

Если говорить о вкладе нашей дивизии, то она полностью разгромила Кенигсбергский полицейский полк, батальоны крепостной, саперный, батальон особого назначения и другие.

Наши потери с начала операции: убито — 134, ранено — 553 человека[1].

Конец войне

Полк ушел из города в лес севернее, в район Штантау, на десяток километров в сторону. Прибыли туда вечером. В опустившихся над Кенигсбергом сумерках поднимался медленный и зловещий столб дыма, подсвеченный снизу багровым пламенем пожара.

---

[1] ЦАМО, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 62.

Мы обустраивались и отсыпались в лесу, выйдя во второй эшелон фронта. Отдельные подразделения из состава армии, в том числе от нашей дивизии, ушли на полуостров и усилили 39 армию, получившую задачу ликвидировать земландскую группировку немцев, состоявшую из восьми дивизий.

13 апреля началась заключительная часть Восточно-Прусской операции, а 25 апреля она закончилась. Морской порт Пиллау был очищен от врага.

Наш полк в этой операции не участвовал. Мы налаживали боевую подготовку, успев почиститься и починиться, привести оружие в надлежащий вид. Остановка в лесу была временной — война продолжалась. В Прибалтике, севернее нас, прижата к морю крупная группировка немцев — около тридцати дивизий. На юго-западе разворачивалась битва на территории Германии, могучим валом приближаясь к Берлину. Наши силы могли понадобиться на том или другом из расчлененных фронтов.

2 мая нас подняли по тревоге. Не объясняя причин, приказали двигаться на восток по дорогам с твердым покрытием.

Что предстоит — Тукумс и Либава? Этого в полку никто не знал. Шли всю ночь, оставив за собой 50 километров пути. На дорогах в выбоинах плескалась вода, сверху наваливались надоедливые мелкий дождь и туман. А потом услышали:

— Отбой!

Разместились в небольших населенных пунктах и в фольварках злые от усталости, но обрадованные этим словом, сулящим отдых. Марш прекратили совсем.

На новом месте несколько дней жили обычной армейской жизнью, находясь в постоянной готовности к движению и предугадывая завершение со-

бытий на западе. Командир дивизиона, теперь не капитан, а майор Каченко, строго следил за поддержанием готовности и порядка.

Поздним вечером 8 мая, находясь на втором этаже своего штаба, я услышал шум стрельбы.

Что за шум? Выглянув в окно, увидел по всему полю автоматные трассы вверх, вспышки отдельных выстрелов, цветные огни поднимающихся ракет. Трескотня принимала необычный характер, вместе с ружейной стрельбой возникал нестройный хор голосов, заполняющий площадь:

— Ура-а-а-а...

Я к телефону:— Что?

— Победа! — выкрикнули в трубке из штаба полка.— Немцы капитулируют в Берлине!

Это была Победа доподлинная и полная. Солдатское «радио» всколыхнуло людей раньше меня. Сохранить спокойствие при такой вести было невозможно. В открытое окно комнаты я разрядил обойму пистолета и тоже кричал и обнимал сержанта Коробкова, подвернувшегося под руку...

Такой миг не повторится. Такое состояние бывает только раз — ликующее, массовое, захватившее людей неизъяснимой радостью. Говорить о нем, рассказывать об охвативших чувствах наиболее коротко и выразительно можно только так — через оружие...

Утро 9 мая вставало из-за горизонта огромным и горячим светилом.

— Товарищ капитан! — послышался голос доктора Обского.— Я рад вас приветствовать по случаю Дня Победы.

— Спасибо, товарищ майор. В такой день разрешите поздравить и вас.

— Не успел сказать вам раньше, капитан. Сведения об убитых и раненых по дивизиону я возьму в штабе полка — вы не затрудняйте себя ими.

— Мне меньше писанины. Наши потери невелики, но они коснулись, к сожалению, всех категорий личного состава.

— Кенигсберг был твердым орешком — форты и доты...

— Нелегко пришлось. Жаль Жигарева...

— Конечно, напрасно он стремился поторопить события.

— Тела его не нашли, похоронить не сумели.

— Как? Вы не знаете?

— ...?

— Вы не знаете, что Жигарев подобран и отправлен в медсанбат? Он жив, но в плохом состоянии. Командир медсанбата говорил о нем.

— Вы сообщаете такую неожиданную новость, доктор!

— Да. Жив комбат и отправлен в госпиталь.

— А вот Рейхмана нет вместе с ним... Этому конец.

— Смелый парень был.

— Да.

Мы попрощались.

Выехавшая на дорогу машина ждала меня. В ее кузове люди пели песню.

Над головами в бесконечном своем движении светило солнце, посылая на землю и на нас благодатные лучи мая 1945-го.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Степан Семенович Лопатин

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

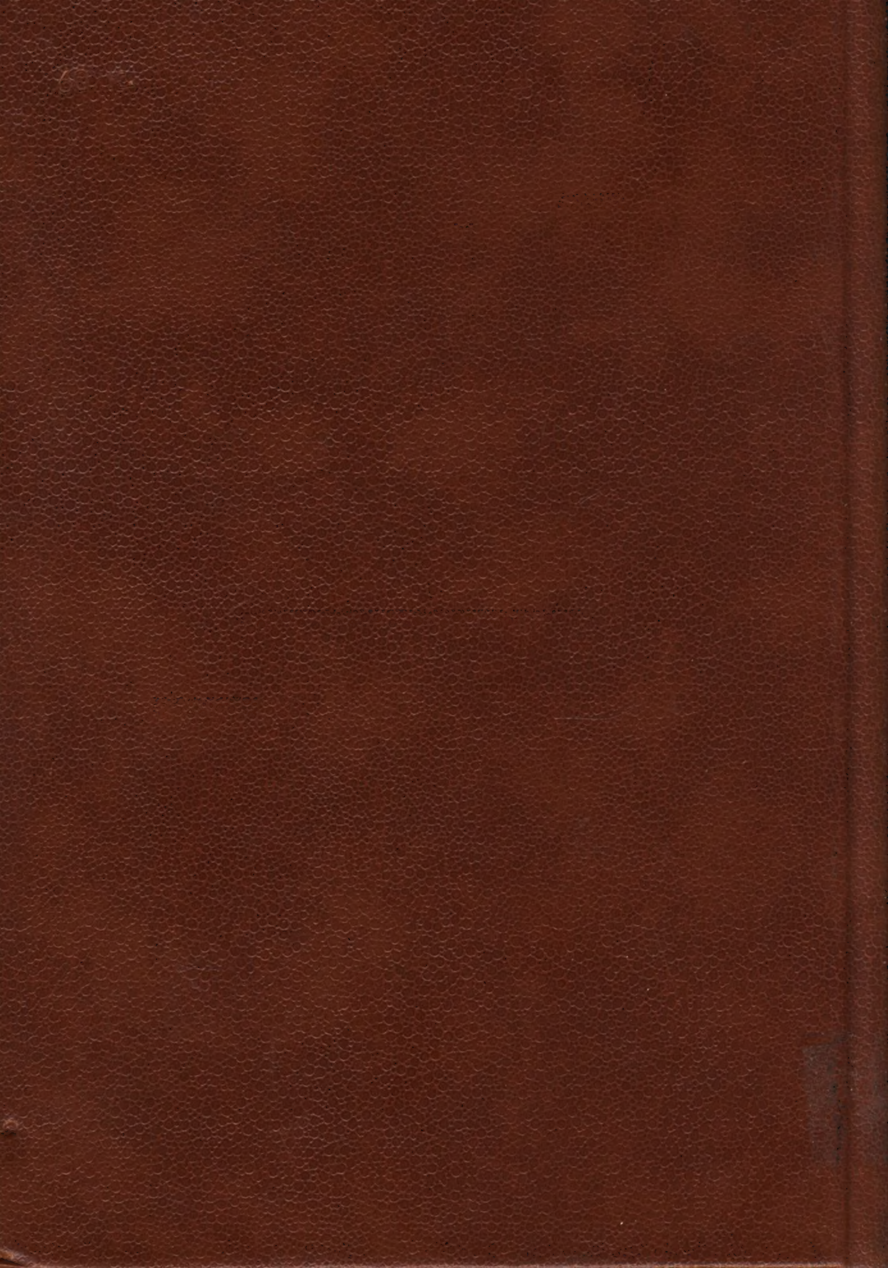
Редактор В. Г. Лошак. Художник А. В. Вохмин. Художественный редактор Н. В. Данилов. Технический редактор Т. Н. Черепанова. Корректоры Е. И. Маркина, Т. А. Дрябина.

ИБ № 1709. Сдано в набор 26.08.87. Подписано в печать 17.12.87. НС 12810. Формат 70×100$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,3. Усл. кр.-отт. 10,7. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 20 000. Заказ 416. Цена 60 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

С.С.Лопатин

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ